

[HTTPS://VK.COM/FALLING_KINGDOMS](https://vk.com/falling_kingdoms)

ПОСЛЕДНЕЕ,

ЧТО БЫ
СКАЗАЛ

САРА БИРЕН

Прошлым летом жизнь Люси и Бена резко переменилась. Однажды, когда они как раз флиртовали на берегу озера, практически признавшись в чувствах, всё было так хорошо... А потом, прошёл миг, и Трикси — лучшая подруга Люси и сестра Бена, ушла, её сердце остановилось во время плавания. И их идиллия в тот же миг раскололась на части, разрушилась. Сейчас прошёл уже целый год в их городке, с той поры, как Трикси умерла, и Бен с Люси прервали любые отношения. Они не могут изменить тот день, когда потеряли Трикси, но лето может наконец-то решить их судьбы.

Май

1. Люси

Это может стать проще.

Да, это был мой первый день на курорте, на летней работе, которую я не хотела, но согласилась на неё только потому, что не умею говорить нет.

Эмили протянула руку.

— Люси?

— М? — я уставилась на девочку. Мы уселись на тротуар у её дома, и рядом стояло ведёрко с цветным мелом. Кусочек ярко-голубого цвета она сжимала в руке — второй закрывала глаза от солнца, пытаюсь смотреть на меня.

— Я могу что-нибудь выпить?

Я потянула за одну из светлых косичек.

— Твоя бутылка с водой на крыльце, — она аж подпрыгнула от радости.

Эмили исполнилось пять. Она девчушка умная, к двум знала уже сотни слов — мы с Трикси даже список составили! Эмили была кухней Трикси. Обычно мы нянчили её вместе, но теперь мы с Эмили остались вдвоём.

В субботу, когда все уехали на рыбалки. Да, скоро лето, на озеро Хальчион и во множество других курортных городов Миннесоты скоро наедет полно людей... Закончится школа, и наш сонный городок наполнится туристами.

Родители Трикси и Эмили владели каютами в Эппл Три Лэйн. Дело было на поколения, равно как наш семейный ресторан. Моя работа здесь — позаботиться об Эмили и помочь с домашним хозяйством и некоторым обслуживанием на курорте. И в ресторане я должна сделать всё, что могу, чтобы помочь.

Хорошо быть занятой.

— Люси? — Эмили достала бутылку с водой и поставила её на тротуар рядом со своими красочными меловыми рисунками с разными бесформенными бабочками. — А мы можем поплавать?

Весна, слишком рано для купания. И хотя я выросла, купаясь в озере и летом, и зимой, катаясь на водных лыжах, я никогда не любила плавать. Даже тогда...

Трикси была чемпионкой, сильной и быстрой, будто бы рыба в воде.

— Слишком холодно, — ответила я.

— Люси?

— Да, Эмили?

— Расскажи мне о Трикси.

Я улыбнулась. Это было одним из наших любимых занятий — так я могла сохранить Трикси живой. Рассказы Эмили о её двоюродной сестре стали частью нашей рутинной жизни.

— Когда-то давно, — начала я.

— Была счастливая маленькая девочка по имени Беатрикс.

— Но все называли её Трикси.

— И у неё был брат по имени Бен.

— Правильно, — кивнула я. — У неё был брат по имени Бен, — вот только горло сжалось от его имени.

— Расскажи мне о первой, первой Трикси, — Эмили рассмеялась таким драматическим смехом, сложив руки на животе, играя, будто Трикси... Но я не могла вспоминать о ней счастливой.

— Однажды, когда Трикси было пять лет, она пошла в детский сад...

— И познакомилась с Лулу! Лулу! С тобой!

Я улыбнулась. В тот первый день я так нервничала — и упала на туфли Трикси, но она всё равно хотела быть моим другом.

Я не была Лулу до нашей встречи. Это Трикси дала мне такое имя, а потом Бен с их родителями. Я чувствовала себя особенной, уникальной и замечательной. Куда лучше скучной Люси. Даже когда мы стали старше, рядом с Портерами я была Лулу.

Словно часть их семьи.

Теперь никто не звал меня Лулу.

На подъездную дорожку въехал автомобиль.

— Бен! — завизжала, подпрыгивая у чёрного авто, Эмили. — Бен приехал!

Бен. Бен приехал. Моё сердце ушло в прятки, а глухие удары разливались по всему телу.

Я встала, прочистила горло, уставилась на свои руки.

Я почти слышала голос Трикси в своей голове. Будь смелой, Лулу.

Её голос, живой, серебристый, пропал.

Эмили стояла на тротуаре, дожидаясь Бена. Она прыгала, сначала на двух ногах, потом по очереди, и вновь завизжала, когда он приблизился к передней части машины, дважды ударил по коленям, а после рванулся к ней. Я приблизилась к крыльцу, надеясь скрыться за белым забором.

Мне нравилось проводить время с этой забавной маленькой девчушкой, со своей верой — пусть теперь не было её двоюродной сестры. Тем не менее, я чувствовала что-то странное, когда Бен видел нас вместе. Страх. И маленькую надежду.

— Бен! — закричала Эмили, обнимая его. Он был высоким, широкоплечим и худощавым, но с мускулистыми руками. Пловец, как и сестра. И когда он поднимал Эмили над головой, его голубая футболка так смешно задиралась, что я мельком видела обнажённый гладкий живот, полоску смуглой кожи. Он уже успел загореть, волосы посветлели, и кудри торчали из-под бейсболки.

— Ну, привет, мисс Эмили!

Будь смелой.

Вот он — их код.

Так говорила Трикси, когда мне требовался толчок, чтобы подняться по скользкой лестнице в школе, прыгнуть на батуте, подняться на Огненную Башню.

Оно того стоило — спешка, медали, похвалы, вид с Огненной Башни, раскрывшийся

передо мною, озеро Хальчион, мили сосен и всё, что я так любила...

Да сейчас, наверное, мне должно быть легче.

Надо спросить Бена, как он себя чувствует. Да, оно того стоит.

Он заметил меня, посмотрел в мою сторону и тут же отвернулся. Сердце пропустило удар, и я позволила себе подумать, что он может мне улыбнуться, как прежде, что вспыхнут его глубокие карие глаза.

— О, Люси, — скучным и плоским голосом промолвил он. — Что ты здесь делаешь?

Люси. Не Лулу. Уже нет.

— Люси — моя няня, — воскликнула Эмили.

Он поставил её на тротуар.

— О, да, я всё время забываю.

— Ну нет! — закричала Эмили. — Ты тоже ловить рыбу?

— Да. Где твой отец?

— Не знаю, — Эмили оглянулась и взяла мел в руку, чтобы закончить раскрашивать синие крылья бабочки.

— Мне надо идти, увидимся позже, Эмили, — Бен был с нею таким добрым, что она его просто обожала.

Я не проронила ни слова. Удары сердца понемногу нормализовались. Мой милый Бен.

Нет, не так. Бен не мой. Он не милый, больше нет.

Он обошёл по тропинке гараж, направляясь к озеру, и больше на меня не смотрел. Не прощался.

Так было не всегда — мы были друзьями, а я надеялась, что однажды случится что-то большее. До смерти Трикси. Я скучала по нему, так сильно, как по Трикси. Иногда заставляла его смотреть на себя, и мне было интересно, скучает ли он по мне

Я всунула руку в карман джинсов. Там таился агат от Бена, гладкий, прохладный на ощупь. Я снова и снова прокручивала агат между большим и указательным пальцем.

Мне так хотелось бы отыскать способ вытолкнуть Бена Портера из своего сердца!

2 · Бен

Уже 9:54, и я опаздываю на работу. Технически — нет, если не учитывать того, что дядя повторяет — если ты не приходишь за десять минут, ты опоздал. Мои десять минут, определённо, начинались в 9:50. Мама и папа, конечно, говорят, что ехать отсюда легко, пятиминутная прогулка, но мне добираться довольно трудно. Джон только качает головой, вот только что он мне сделает, уводит?

Несколько дней назад мне и вправду хотелось, чтобы он это сделал. А ещё было жаль, что меня не выгнали из школы.

Но Лулу — нет, Люси, — здесь.

Под "здесь" я подразумеваю то, что она восседает на тротуаре моего дяди.

Люси — это последнее, что мне сегодня надо. Я хотел провести день на озере, ни о чём не волнуясь. Эмили вот смеётся над тем, что говорит Люси, и у Люси эта дурацкая улыбка на губах. Может быть, она улыбается... Раньше улыбалась, когда я был рядом, и как же я любил её улыбку! Сам миг её рождения, как она со стороны кажется кривоватой, а потом освещает всё её лицо...

Я спустился с холма так быстро, как только мог, сбегая от Люси и Эмили. Это Трикси

должна сидеть здесь и приглядывать за Эм — не Люси. И только я об этом думаю, один только я!

Мы не друзья, и в этом моя вина. Трудно быть отвратительным с чем-то и ждать, что она поступит как-нибудь иначе.

Интересно, а о чём она подумала, увидев меня? Вспомнила всё, что между нами было, скамью у озера, разговоры на реке и в аквапарке? Или выбросила это из головы? Может быть, думает только о моей семье, ненавидит меня за то, что я сделал, за то, чего сделать не мог?

За то, что я сказал?

Мне не нравится об этом думать. К счастью, у нас достаточно разные расписания в школе, поэтому я её практически никогда не вижу. Но вот, Люси вновь здесь — и всё возвращается обратно, а мои мысли скользят ко дню, когда от нас ушла Трикси. И я постоянно думаю о том, что именно случилось после того дня.

Да, Люси была обязана меня ненавидеть, и я не могу её в этом винить. Большинство своего свободного времени я тоже её ненавидел, в конце концов, и это довольно логично.

Джон уже сидел на скамейке вместе с каким-то парнем в широкополой соломенной шляпе и несколькими детьми от десяти до двенадцати лет.

— Ты опаздываешь, — отметил Джон. — Уже 10:01.

— Прости, дядя, — выдохнул я, усаживаясь в лодку.

Погода была хорошей, довольно солнечной, и только тонкие полосы белых облаков скрывали жару. Веял весенний бриз. Мы направлялись к одному из самых секретных мест Джона. Для этого слишком рано, но мы могли бы привлечь несколько краппи. Здесь в озере прохладно — поэтому я натягиваю на себя старую толстовку. Образ вполне подходит, и я вспоминаю о том, как Люси, одетая вот в это, стояла на скалистом берегу озера, а оранжевые полосы восходящего солнца окрашивали воду за её спиной.

На воспоминания приходится закрывать глаза. Я пытаюсь вытолкнуть их из головы.

Отец что-то знал о рыбалке, но обычно ему постоянно мешали мальчишки. Я помогал распутывать всё это — кажется, часами занимаюсь ерундой, пока они перебрасываются взглядами. Сегодня они оба поймают парочку краппи, после передерутся...

Мы с Трикси в их возрасте тоже постоянно дрались.

— Папа, — обычно ноет старший. — Тут так скучно! Пойдём отсюда! Пойдём!

— Да! — вторит ему младший. — И здесь так воняет, просто фу-у-у!

Спустя несколько минут возни с детьми папа обычно уступает, и Джон поднимает якорь.

Поездка на берег не заняла бы столько времени, но лодка Джона буквально застывает, стоит ему только узреть рыб, что ныряют и всплывают обратно.

В моменты вроде этого, когда я оказываюсь на озере, можно притворяться, что ничего не изменилось — всё то же солнце, розы и дерьмо. Но это ненадолго. Я не мог прожить всю свою жизнь на лодке посреди озера Хальчион.

Я скучаю по своей сестре. Да, мы много дрались. Да, она в большинстве случаев меня бесила. Но каждый день без неё был попросту отстойным...

3 · Люси

После обеда мы с Эмили отправились в дом. Такой себе немного перекошенный, окружённый большим приусадебным участком, с кривыми фанерными стенами и

остроконечной крышей. Её отец, Джон, и его брат, отец Трикси том, выстроили этот домик на дереве, будучи детьми, но с той поры, кажется, решили не вмешиваться в ровность постройки.

Нога моя скользнула по дереву, но я лишь глубоко вздохнула и продолжила подниматься. Ничего страшного, уже сотню раз проходили! Кажется, если пожелаю — и на огненную башню залезу. Так что, надо просто крепко держаться за дерево.

Эмили уже расстелила на полу игру, когда я взобралась на платформу. Пришлось устроиться напротив неё — отсюда я могла увидеть и холм, и Бена, когда он будет подниматься с озера. Сердце привычно содрогнулось — разрушенное и сгоревшее.

Бен был первым парнем, которого я когда-либо любила. Да что там! Единственным, кого я когда-либо любила.

Мой первый поцелуй.

Я всегда думала, что в этом будет замешана Трикси, Трикси будет рядом, Трикси, что с каждым днём наблюдала за тем, как я влюблялась в её брата. Но этого не случилось.

Эмили никак не была связана с воспоминанием о дне смерти Трикси.

Нас тогда было четверо — я, Трикси, Бен и Клейтон, — и мы как раз были в воде. Сильно жгло солнце. Я, сонная и туманная, влюблённая в парня, что лежал рядом — так близко, что наши руки почти соприкасались.

— Так жарко, — промолвила Трикси, усаживаясь рядом со мной. — А давайте поплывём на остров...

— Не-е-ет! — возмутился Бен. — Уйди, я сплю.

— Ты не спишь, — ответила Трикси. — Уверена в этом! Вот Клейтон, он спит. Вот, послушай, как храпит...

Я не открыла глаза. Наверное, веки уже сгорели от солнца. Как хочется остаться с Беном наедине... Ради этого я готова провести здесь весь день.

Трикси меня плыть на остров не просит. Она в курсе, как сильно я ненавижу эти сорняки, что появляются из ниоткуда. Да и на плоту мне плыть тяжело.

— Ну, может, мы хоть домой пойдём? — спросила она.

Теперь села уже я. Подалась к ней вперёд, поджала колени к груди.

— Нет, — прошептала я. — Я не готова отправляться домой.

Она подмигнула мне, а после толкнула Клейтона ногой.

— Клей, идёшь со мной на остров?

Мой брат вскочил на месте.

— Что? Что я пропустил? Ты уже вознамерилась свести меня с ума? — он отложил в сторону шнур и прыгнул в воду пушечным ядром, обрызгав всё на свете. Вода освежает — даже моя кожа на миг перестала жечь.

— Что за прекрасный день! — он наклонился ко мне и прошептал. — Будь хорошей девочкой, Люси, обещай мне.

— Обещаю, — отозвалась я.

Трикси нырнула в озеро. Мы с Беном всё спорили, и я слышала и наше дыхание, и наши сердца, и шум озера, брызги, смех...

Бен сел.

Протянул руку, дёрнул меня за мой конский хвост.

А после провёл ладонью по моей руке. Я задохнулась, чувствуя, что дрожь прогнала

прочь даже жаркое-жаркое солнце.

— Лулу, — промолвил он. — Посмотри на меня.

Но я не сделала этого. Просто не смогла.

Я задержала дыхание, а Бен вновь коснулся моей руки указательным пальцем.

— Лулу, мне хотелось бы знать...

Его прервал доносящийся с озера крик Клейтона.

Бен прыгнул в воду, поплыл к Клею — туда, где должна быть Трикси. Бен кричал, звал её, но я не могла ни её увидеть, ни позвать на помощь. Рыдая, выскочила на берег, и женщина положила полотенце на мои плечи, сказала, что уже позвонила 911, сказала, что я должна дышать.

Вдох.

Я никогда не рассказывала об этом Эмили, но когда-то смогу. Когда-то она захочет узнать каждую печальную деталь, а не только счастливые, но такие глупые истории о двух растущих девочках.

Когда Тами вернулась домой с кучей поручений, на подъездной дорожке автомобиля Бена больше не было. Она спросила, не хочу ли я домой, потому что было довольно холодно, но я ответила ей, что отправлюсь с мамой.

— Тебе повезёт, если в тебя не швырнут фартуком и не потребуют работать, — сказала Тами. — Твоя мама говорила, Рита уходит.

Я закатила глаза.

— Если уж кого-то интересуется моё мнение, то это не такая уж большая потеря! — мама уже много раз просила меня прикрыть Риту, говорила даже её выгнать, но так перепугалась, когда её официантка-ветеранка решила наконец-то уйти.

Кафе "Фул Лун", ресторанчик семьи моей матери, открытый в середине сороковых, находился рядом с курортом. В этом городе всё было рядом. Даже переполненная автостоянка и заправочная станция. На скамьях у входной двери с полдюжины человек, что ждут стола. Субботняя ночь, рыбалка, мама в новом фартуке...

Я должна войти, взять фартук и помочь.

Но не делаю этого.

Я прошла мимо кафе и "Оазиса", мимо туристического центра с кондитерской и магазинчиком с сувенирами, мимо кинотеатра. Ускорилась, минуя дом Бена. Дом, в котором он вырос — и Трикси. В этом доме я столько времени проводила, ночевала по праздникам, словно часть их семьи.

Прошли дни, когда я проходила этот дом и желала, чтобы быть достаточно храброй, дабы остановиться и прикоснуться к колёсам велосипеда Трикси, что всё ещё висел на своих крючках в гараже, чтобы попить чай с её мамой, Джейн... Попросить книгу, из которой мы с Трикси в детстве так часто выписывали цитаты...

Достаточно храброй, чтобы поговорить с Беном, немного больше, чем те напряжённые и вежливые фразы, что мы бросали друг в друга, когда не могли избежать столкновения. Больше чего-то вроде "как ты?" в тот миг, когда хотелось забраться в его сердце и расспросить обо всём на свете.

Однажды он сказал мне, что я могу спросить его обо всём на свете, однажды прошлым летом, ещё до смерти Трикси — это была игра, в которую мы играли, играли для того, чтобы я не вздумала волноваться, проходя все сто тридцать ступеней Огненной Башни.

— Какое твоё второе имя? — спросила я.

— Алистер. Разве ты не знала? — он стоял на ступеньках за моей спиной, словно не позволяя упасть.

Нет, не знала. Алистер. Беннет Алистер Портер. И день рождения одиннадцатого апреля.

— Тебя назвали в чью-то честь?

— Да. У моего дедушки было имя Алистер.

— Любимое блюдо?

— Мамина рыба.

— Конфеты?

— Кленовые, — в его словах буквально светилась улыбка.

Потом я немного споткнулась, и он положил мне руки на талию, пытаясь успокоить. Я радовалась, что он стоял у меня за спиной, а значит, не мог увидеть моего лица, что горело от смущения — смущения от его касаний.

Теперь, миновав квартал, где находился дом Портеров, я с облегчением вздохнула — никого дома не было. Я не была достаточно храброй, чтобы остановиться хотя бы по одной из перечисленных мною причин.

Первый день школы

Когда-то жила счастливая маленькая девочка, которую все называли Трикси. Трикси жила со своей мамой, со своим папой и со своим старшим братом Беном.

Однажды, когда Трикси было всего пять лет, она пошла в школу. Она знала всех детей в своём классе по церкви, парку или ещё каком-то месту, кроме одной маленькой девочки с косичками. В первый день в школьной подготовительной группе Трикси подошла к ней — и протянула руку.

— Привет. Я Трикси. Как тебя зовут? — спросила она.

— Люси, — ответила девочка. Кажется, она очень переживала, хотя Трикси ей и улыбнулась.

И вот, тогда маленькая девочка Люси испортила туфли Трикси.

Но Трикси была очень любезна. Она позвала учителя, похлопала Люси по спине и промолвила:

— Всё хорошо.

— Трикси, — промолвил учитель, — отведи Люси к медсестре, пожалуйста.

Медсестра вызвала мать Люси. Трикси ждала с нею в больнице, пока не пришла мама.

— Я буду звать тебя Лулу, — сказала Трикси, когда они бок о бок сидели на жёлтых пластиковых стульях.

— Почему? — спросила Люси.

— Потому что ты похожа на Лулу.

На следующий день Люси, точнее, теперь уже Лулу, больше не боялась подготовительной группы в школе. Они с Трикси придумали целую деревню, и притворялись обезьянами. Они сидели вместе в столовой. И всё, к чему б девочки ни прикасались, было подобным на золотую пыль.

— Пока, Лулу, — под конец дня сказала Трикси. — Не дождусь, пока мы опять будем дружить, завтра, послезавтра и всегда!

Она сжала руку Люси, а когда отпустила, та увидела мерцающую золотую линию на ладони, что скрепила их дружбу.

4 · Бен

За обедом папа без конца болтал.

— О, сегодня был такой насыщенный день, правда, Бен? И озеро! Курорт уже весь забит на лето, и всем нужны гиды. О, у нас будет большой-большой улов.

Рыбалка — это одна из тех немногих вещей, что ещё у нас осталась. Папа и дядя Джон выросли на курорте, знают каждый закуток озера Хальчион, будто бы свои пять пальцев — даже те местечка, где обычно растут грибы. И папа часто подрабатывает, когда уходит со своей работы — преподаёт в школе.

Мама поставила на стол блюдо с пирожными. Её светлые волосы, волнистые и идеальные, сегодня рассыпались потоком по светло-голубой блузе. Мама родом из Лондона, с лёгким акцентом и странной одержимостью садом и Джейн Остин.

— Я всё утро провела на кладбище, — промолвила она, когда папа наконец-то умолк. Словно побывала в продуктовом магазине или в книжном. — Несколько камней вокруг могилки мистера Уилсона выпали, поставила их на место.

Мало того, что мама высадила для Трикси целый сад, она ещё и работала над могилами. И ходила на кладбище ежедневно, даже зимой.

— Тебе стоит сходить со мной, Бен, — промолвила мама. — Помог бы сестре. Мне кажется, копать в земле — это даже некоторая терапия.

О да, она всегда возвращается в грязи и в слезах, а потом пьёт чай. Словно вся энергия уходит в землю.

— Я лучше на рыбалку, — ответил я. — Но спасибо.

— Я с тобой, сынок! — воскликнул Отец.

— Да? — пробормотал я. Не помню, чтобы мы когда-то вместе рыбачили.

Мама вздохнула. Мама только откашлялся и сделал глоток пива. За ужином он никогда не пил, а теперь держит ящик в холодильнике, да и ликёр... Но мне удобно, впрочем.

— Сегодня на курорте я видел Люси Медоуз, — сказал папа. — Этим летом она присматривает за Эмили.

Я едва сумел дожевать свой гамбургер, ставший вдруг сухим и безвкусным. Долго пил воду и не проронил ни слова.

Наверное, я всё же помню, когда мы рыбачили с папой.

Прошлым летом, до смерти Трикси. Мы и Медоузы отправились туда. Трикси уснула на солнце, Люси ловила рыбу. Сидела рядом со мной на носу лодки, упёрлась руками в борт и ждала. У неё терпения всегда было больше, чем у Трикси. И, кажется, ей и везло больше.

— Бедная девочка, — промолвила мама.

Никогда не понимал её беспокойство о Люси. На её месте я бы злился — что она жива, а Трикси нет.

Люси жива, а Трикси нет. Может быть, если бы в тот день я уделил ей внимания больше, а не думал о том, как близка Люси, она была бы жива...

Вино пузырилось кислотой в горле.

— А как Клейтон в университете, Бен? — спросила мама, и её слова выдернули меня из воспоминаний.

— Не знаю, — я встал. — И почему должен? Мне пора.

— Что ты имеешь виду, когда говоришь, почему должен знать? Клейтон — твой лучший друг! — возмутилась внезапно остро мама.

— Больше нет, — пробормотал он.

Он отправился в школу через несколько недель после смерти Трикси. А потом покинул город и больше не возвращался, потому что для меня, что для него так было намного легче.

— А как насчёт Люси? Пригласи её на ужин. Мне бы очень хотелось её увидеть.

— Мама, — промолвил я, и слова походят на камни. Словно я и вправду пригласил Люси на обед. И как её остановить?! — мне, правда, нужно идти.

— Бен, — промолвила она, — так что насчёт Люси? Ты пригласишь её на ужин?

Нет же, дура, я не приглашу её на ужин!

Мама замерла, папа вскочил, и я понял, что промолвил это вслух.

— Бен, извинись перед матерью, — промолвил отец.

А вот теперь я зол. На себя, на маму за её поддержку, на папу за воспитание и на Люси в первую очередь.

— Ко всем чертям! — я оттолкнул стул.

— Бен! — в голосе мамы чувствовалась боль.

— Вернись, иначе!.. — слова папы пресек громкий стук дверью, и я выскочил в гараж.

5 · Люси

Ханна позвала меня, когда я шла по дороге у Трёх Корон, почти дома.

— Эй, что делаешь? — спросила она. Она переехала сюда вместе Митчеллом из Южной Дакоты, выбрала себе дом и всё ещё гнусавила.

В городе было тепло и душно, и я чувствовала, как сильно запыхалась.

— Просто иду домой, — ответила я.

— Ты видела сегодня Бена? Вах-вах! — она облизнула губы.

За учебный год мы немного сдружились, и я пыталась рассказать ей о Бене, не упоминая слишком о многом, но она не сдавалась, и пришлось не отвечать.

— О, видела! Он был в этой своей футболке? Вах, как горячо! А как бы я хотела увидеть вообще без одежды...

— Боже, Ханна! — оборвала её я. — Прекрати.

— О, Люсиль, полно — мы обе знаем, что ты по уши в него втрескалась! Поддайся своим чувствам!

Если б всё это было так просто...

Если б только она перестала говорить что-то в этом роде.

— Ну, в любом случае! — промолвила она. — Став няней, должна была мне позвонить. Помнишь? Ночь кино.

— Ой... Слишком трудный день, и я...

— О, уверена! Когда разбудить? Фильм в сорок пять минут, ты будешь готова?

— Я уже почти дома. Дай мне пятнадцать минут на душ, и всё будет хорошо.

Я удивилась, увидев на дороге папин грузовик. На выходных он обычно брал себе дополнительные смены. Наши соседи Кларки отобрали у нас кусок подъездной площадки, и рядом со старым коричневым бьюиком красовался слишком неуместный, городской серебристый Вольво.

— Папа? — позвала я, дёрнув входную дверь, но ответа не последовало. Я взбежала вверх по лестнице, вытащила из корзины свежие юбку-футболку, быстро приняла душ, не потрудившись вымыть волосы. Их надо будет столько сушить... Скрутила их в причёску и закрепила заколкой.

Я как раз перебирала серьги на фарфоровой тарелке, чтобы выбрать подходящие, и едва не опрокинула фото — Бен с Тикси и со мной в парке Дулут прошлым летом, смеётся и щурится на солнце....

Я прикоснулась пальцем к фото.

Обе эти девочки пропали.

Спрятанная в углу кадра мемориальная фотокарточка с её похорон. Цитата Бернарда шоу — свечка, факел, яркость...

Это была первая цитата Трикси в нашем цитатнике, а потом последовали и киношные цитаты, и тексты песен, и что-то ещё — её громадный почерк и мой осторожный, крохотный.

Я спустилась вниз, вышла на палубу, разыскивая отца. Он был во дворе, спускался по склону, к берегу озера с Кларками и другими людьми, которых я не знала — высокая женщина в свободном наряде и ещё более высокий парень.

Папа увидел меня и жестом позвал вниз. Я догнала их на полпути.

— Где ты была? Приходи встречать Стэнфордов.

— Кто такие Стэнфорды?

— Арендаторы.

— Арендаторы?

— Да, Бетти и Рон проводят лето в Канаде с дочерью, сдали дом в аренду, помнишь?

— О... — помню, Бетти такое упоминала, когда приносила тарелку с печеньем. Бетти и Рон ходили на бабушек и дедушек, только дополнительных. А Бетти любила печь и делиться...

— Её сын твоего возраста, — промолвил папа, когда мы шагали к патио.

Я скосила взгляд, когда мы подошли ближе. Какой-то довольно милый парень стоял у костра, и его светлые волосы торчали во все стороны. Он был одет в мешковатые грузовые чёрные шорты и разорванную футболку. Вынул руку из кармана и приветственно помахал.

Бетти заключила меня в объятия. Её седая макушка едва достигала до моего плеча, и она всегда пахла булочками с корицей.

— Привет, Люси, — протянула она с канадским акцентом. — Это Стэнфорды. Они будут тут этим летом.

Женщина в юбке протянула руку. Её кожа была мягкой, пальцы все в кольцах и пахли землёй.

— Очень приятно, Люси. Вот мой сын Саймон.

Саймон усмехнулся и поднял брови.

— Хай! — промолвил он.

— Госпожа Стэнфорд художница, — сообщил Рон.

— Ой, госпожа Стэнфорд... Просто Шэй, — отмахнулась женщина.

— Итак, — спросил папа чуть громче, — Шэй могла бы работать в патио, там есть рядом... Хорошо, Люси? Давай покажем двор, прежде чем ребята увидят дорогу...

Что? Наш внутренний дворик в качестве арт-студии? Наш внутренний дворик с его звездоподобной брусчаткой, ямой для барбекю и удобными стульями, где можно было сидеть и думать о Трикси — и плакать, зная, что никто меня не побеспокоит...

Я покачала головой.

— К сожалению, я не могу к вам присоединиться, — с ложной бодростью в голосе промолвила я. — Ханна меня звала к себе.

— В любом случае, было приятно познакомиться, — Шэй опустила руку мне на плечо. — С терпением жду этого лета!

Кларки, мой папа и Шэй двинулись на пляж, но Саймон остался.

Он определённо мил.

И смотрел на меня.

Пришлось отвести взгляд в сторону — у него были поразительно зелёные глаза. И почему он так на меня смотрел?

Парень заулыбался.

— И вправду, приятное место.

— Спасибо... но мне пора, — промолвила я, но не сдвинулась с места. Просто пялилась на футболку "доктор Пеппер". Он улыбался мне, я улыбалась ему.

— Весело, — хмыкнул он.

— А почему "др"? — я не сдвинулась с места.

— Что? — он в замешательстве прищурился.

Я указала на рубашку. "Др. Пеппер"

— Доктор Пеппер. Сокращений не было до пятидесятих. Почему?

Он ничего не сказал, и я почувствовала, как вспыхнули щёки. И почему я должна быть такой дурой? Доктор Пеппер. Что за ерунда...

Но он всё ещё улыбнулся.

— Знаешь, я сомневался, что рад этой поездке, когда бросил на лето всех твоих друзей. Теперь, встретив тебя, думаю, что всё не так и плохо.

— Хм, — как мило.

— О. Ты очень пылкая.

Меня прежде никто не называл пылкой.

— Мне правда, пора идти. Скоро тут будет моя подруга...

— Что ж, я составлю тебе компанию, пока ты ждёшь, — промолвил он.

Я проглотила улыбку.

Мы прошли к передней части дома и устроились на ступеньках крыльца. Я достала мобильный — Ханна должна быть здесь. Ещё пять минут, и я позвоню ей и спрошу, всё ли в порядке.

Саймон сидел близко, настолько, что я чувствовала тепло бледных рук, покрытых светлыми тонкими волосками. И эти длинные пальцы со странной синевой...

Почему я рассматриваю его пальцы?

Улыбка не сошла с его лица. А ещё он приятно пах — масляные краски и странный намёк на пряный одеколон.

— И какие у вас планы на вечер? — голос его звучал тепло и дружелюбно.

— Кино.

— А оно есть в городе?

— Да, — кивнула я. — Мы городок маленький, но с кинотеатром.

— Слава Богу! А сколько экранов?

— Один.

Он рассмеялся, и мне понравился звуку его смеха.

— А если отбросить шутки?

— Кино построили в 1919 году. На то время он был большим.

— Круто. И что там?

Я пожала плечами. Понятия не имею, да и это не имело значения. Просто так мы проводили субботние вечера.

— Ну, внизу, в Брэйнерде, тоже есть кино, для разнообразия.

— Не знаю, — медленно промолвил он. — Мне кажется, этим летом я скучать не буду.

Я услышала хруст гравия — Ханна на дороге, — и встала.

— Она пришла.

Он тоже встал и присвистнул, когда старый Лексус Ханны припарковался у гаража.

— Крутые колёса.

— Спасибо за компанию, — я кивнула ему и села в машину. Он откинулся на крыльцо.

Ханна весело мне улыбнулась.

— Что за красавец?

Я покраснела.

— Бетти и Рон взяли арендаторов в этом году.

— Этого парня?

— Да, и его маму.

— А имя у него есть?

— Саймон.

— Саймон, — она словно пробовала его на вкус. — Саймон-арендатор.

— Саймон-арендатор, — повторила я.

— Он милый.

Я пожала плечами.

— Милый.

— О, девочка, у тебя будет весёлое лето! — для Ханны всё весёлое. Трикси была такой же. Я же — реалистка.

— Да. И вправду, у меня будет куча времени на Саймона-арендатора с моими двумя работами.

— Не загадывай.

Может быть. Саймон милый, дружелюбный и, что самое главное, не местный.

Он не знает о бедной Люси, девушке, что потеряла свою лучшую подругу.

— Знаешь что? Моя мама в этом году планирует книжное турне, и знаешь, куда мы едем? Техас! — она завизжала. — А что будет, если я встречу Тони Ромо?

Я закатила глаза. Мама Ханны, Мадлен Миллс, написала двадцать шесть бестселлеров — исторические вестерны. Двадцать шесть. Она продала их огромное количество, в основном благодаря обложкам с обнажёнными ковбоями и женщинами с вываливающейся их платья грудью.

Грудь Ханы точно так же вываливалась из рубашки. Она натянула розовую ковбойскую шляпу, натянула её низко на лоб и подогнула борт, надела джинсовую мини-юбку, любимые коричневые замшевые ботинки — она могла носить их даже в спортзале!

— Разве следовало одеваться как на родео? — спросила я.

Ханна рассмеялась, миновав знак остановки на центральной улице. Её папа соревновался на родео несколько лет, и Ханна об этом очень много знала. Маловероятно, впрочем, что Миннесота — это дом десятков родео, но она пыталась меня оттащить туда почти каждый день.

— Да! Но, кажется, тебе надо было натянуть кроличьи уши. Как называется твой наряд? Шик корзины для белья?

Я рассмеялась.

— В точку. Откуда узнала?

— О, Люси... Слишком длинная юбка. Боже, девочка, покажи ты наконец-то свои ноги! Что хорошего в спортивном теле, если его скрывать.

Моё тело совсем не такое спортивное, как прежде. После смерти Трикси я ушла из гимнастики. Не то чтобы у нас на неё были деньги, не когда Клей звонит домой и требует их постоянно.

Ханна повела Лексус к стоянке через дорогу от театра и подалась вперёд, чтобы присмотреть хорошее место.

— Кстати, — промолвила она. — Помнишь Дастина, из партии Карела? Он нас тут ждёт.

— Отлично, — я потянула зеркало вниз и поправила локон. — Повеселитесь.

— О, Люси, ты тоже! — она открыла дверь и выскочила из авто.

Это был долгий день, я устала и почти на все сто процентов была уверена, что когда следом за Ханой перейду дорогу, Бен будет там. Достаточно легко притворяться, что я не замечала его в школе. Ведь у нас разные графики... Но по выходным его трудно не встретить.

Но это не просто Бен.

Он будет с Даной, своей подружкой.

Типичная субботняя ночь на озере Хальчион.

6 · Бен

Я оказался на стоянке у нашей "огненной" — пожарной, собственно, — башни прежде, чем понял, куда иду.

Тут было пусто — не то чтобы здесь вообще по ночам было много машин. Но на этот раз ещё меньше.

У меня теперь есть своё место.

Я вытянул на заднее сидение свои походные ботинки. На них хорошо было взбираться по холму к башне, но он всё равно оставался крутым, поэтому я тяжело дышал, когда добрался туда.

Дерьмо, опять надо готовиться.

Башня высилась над деревьями и протыкала чернильно-голубое небо. Я поднимался, сжимая поручни, и башня словно качалась на ветру. О, нет, это не дар истории.

Просто длинная дорога.

Я добрался до вершины и встал у перил, смотрел на дорогу, деревья и озёра, понимая, что один здесь никогда не был.

Тут тихо и спокойно, но не внутри. Я забыл, как жить без кольца вины на своей шее.

На похоронах Трикси я встретил сотни людей, что пришли в церковь со своими добрыми словами. Я лишь кивал и миллион раз сказал "спасибо".

И когда всё закончилось, мы с Люси последние остались в церкви.

Я помню, что считал Лулу хорошей. Единственным хорошим в своей жизни.

Мы вышли на стоянку, и я мог отвести её домой. Но она не хотела занимать переднее сидение. Без Трикси это казалось нереальным. Похороны, шкатулка... где же этот долбаный реализм?

Этого мы не учли.

Какой была бы с нею наша жизнь?

— Всё хорошо. . — сказал я ей тогда, и она зарыдала.

Она столько плакала! Хотел бы я знать, как ей помочь.

Мы сидели у её дома довольно долго. Молчали. Дождь бился о лобовое стекло, дворники скользили с удвоенной скоростью, пока я их не остановил — ведь мы никуда не ехали, — а она вновь заплакала, и я не мог этого вынести.

Я протянул руку, осторожно повернул её голову, чтобы она смотрела на меня, а потом вытер подушечками пальцев слёзы и сделал то, о чём много дней мечтал.

Поцеловал её.

Поцеловал Лулу, и это было идеально, пока я всё не испортил.

Она отстранилась, ошеломлённо распахнув глаза.

— Зачем ты это сделал? — её голос был таким хрупким. Такая юная, такая сломленная...

— Лулу, — вздохнул я, — ты знаешь, — я не мог сказать, но она должна знать. Это всё лето было между нами. Я заговорил о плавательном поплавке, положил руку на её, но она одёрнула пальцы.

— Мы не должны, Бен. Не сегодня, — голос её превратился в едва слышный шепот.

Желчь поднялась в горле — страх, вина, гнев.

И мне так сильно хотелось ей навредить!

Я ударил ладонями руль.

— Ты права, — холодно сказал я. — Это ошибка. Мы не должны быть здесь. Трикси не должна быть мертва. Но она мертва, и я её не спас. Мы оба знаем, почему.

— Что? — прошептала она. — Что ты имеешь в виду?

— Я не мог её спасти. Не пришёл вовремя. Но если б тебя там не было...

Она не сказала ни слова. Своими громадными глазами посмотрела на меня, и слёзы вновь полились по щекам.

Я продолжал.

— Это всё твоя вина!

— Почему ты это говоришь?! — воскликнула она.

— Ты ведь знаешь, что это правда.

— Бен... — начала она, но громко всхлипнула и уронила голову на руки.

— Ненавижу, — промолвил я. — Ненавижу, что ты тут, а она нет. Вон из машины.

И она ушла. Открыла дверь, вышла на дорогу под сильный дождь, и её гладкие волосы плотно прижимались к груди.

Боль от потери Трикси была слишком сильной, и я должен был её прогнать. Потому отдал её Люси, что больше всех этого не заслуживала. Я сказал бы, если б мог, я б забрал бы боль. Но моя была такой невыносимой, что лишняя уж точно ничего бы не изменила.

Но вместо этого я только усилил её собственную.

Она на мгновение обернулась, чтобы посмотреть на меня, прежде чем открыла дверь, и я должен был побежать к ней через дождь и грязь и сказать, что не это имел в виду, сказать, что с ума сошёл от горя и печали, а потом попросил бы у неё прощения...

Но я этого не сделал.

И с той поры жил с этим каждый миг.

Мой мобильный издал три коротких гудка. Я вытащил его из кармана и проверил сообщения.

Один от Гартри.

"Чувак, у меня неприятности. Дана".

Два от Даны.

"Где ты? Я в кино".

"Бен, ты обещал".

Чёрт!

Я последний раз посмотрел на верхушки деревьев и попробовал отыскать покой в тишине и одиночестве. Но от реальности не сбежать — а она ждала меня внизу. Я повернулся и пошёл вниз.

Когда я приехал в кино, все были внутри, кроме Даны. Она прислонилась к стене, скрестила руки, и Гартри был прав — неприятности.

Вот как это было.

Дана: ты опоздал. Ты обещал, что не опоздаешь, Бен.

Я, отмахиваясь от роя мошек: увы, меня припрягла родня.

Дана: ой!

Я: не веришь?

Дана: конечно, верю!

Я: не похоже.

Дана: Бен, я пытаюсь помочь. Ты столько всего потерял в последнее время...

Я: Дана...

Дана, мягким, низким голосом: я хочу, чтобы ты позволил себе помочь...

Я, отталкивая руки: почему ты думаешь, что мне вообще нужна помощь?

Дана, поджав губы: ты понятия не имеешь, сколько людей о тебе заботится, сколько тебя любит. Столько беспокоится о тебе, потому что ты очень долго плохо себя чувствуешь.

Я, измученный, злобный, не желающий её слушать: Заткнись!

Дана, открыв рот: что? Что ты сказал?

Я, отступая на шаг назад: то, что слышала. Иди ты нахер со своим мнением!

Я дерьмо, а она слишком хороша и не должна с этим мириться.

Я шагаю по стоянке, залезаю в авто, и лишь минута требуется Данае, чтобы решить, что

за мною надо последовать.

— Давай немного покатаемся, — промолвила она. — Может быть, это немного прочистит голову.

О да. Я знаю.

— Хорошо.

Мы отправились на заброшенные бейсбольные поля за бумажной фабрикой. Я припарковал машину и повернулся к девушке на переднем сидении. Своей девушке. Она улыбалась, и зубы её казались искусственно белыми и совершенными. На самом деле, видимых недостатков у неё не было. Её волосы, её улыбка, всё это идеально. Даже слишком идеально.

У Люси хвостики обычно были кривыми, или пряди выбивались из причёски, обвивались вокруг её шеи, крутились по плечам. А если присмотреться, то можно было заметить лёгкое косоглазие. А ещё у неё были изогнуты два нижних зуба, чуть наклоненные друг к другу.

Я сижу с девушкой в авто и думаю о Люси Медоуз.

И больше не хочу думать.

Так что — я наклонился к Дане.

Вот как это происходит. Я пытался послать Дану ко всем чертям, потом мы спорили, расходились со всеми, кто попадался под руку, потом наматывали бесконечные круги по всему нашему чёртову крохотному, махонькому ненавистному городку...

Потом развлекались в моей машине.

И я ничего не чувствовал. Пустота. Именно это мне нравилось больше всего.

Дана была не первой. Сначала существовала Анна. Анна положила руку на мою ладонь, откинула голову и прошептала что-то своим низким голосом в первый день после смерти Трикси. Она поймала меня в читальном зале в первый день в школе, сказала, что ей жаль, что Трикси была замечательным другом, и мы все будем так сильно по ней скучать...

Она говорила имя моей сестры так много, что мне хотелось свернуть ей шею.

Анна с Трикси не дружила.

Потом её голос стал ещё тише, и она сказала:

— Я о тебе беспокоюсь. Хочу убедиться, что всё в порядке.

Анна была несколько месяцев. Потом Джесс. Теперь Дана. Всё по кругу.

Как легко трахаться, когда девки тебя жалеют...

7 · Люси

Когда я вернулась домой из кино, мама сидела на кухне с чашкой чая. Она посмотрела на часы над плитой и вздохнула.

— Ты опоздала. Уже после полуночи.

— Да, — пробормотала я, но не сказала, что в полночь была уже здесь, но вынуждена была слушать болтовню Ханной о Дастине, схожести в музыкальных вкусах и о том, что хоть он и немного тупой, она б с радостью выскочила за него замуж.

— Я рада, что вы так сблизились с Ханной, — промолвила мама, плотно сжимая

губы, — но это не означает, что можно нарушать комендантский час.

— Я не хотела, — я повернулась, взяла стакан из шкафа и шагнула к крану. — Я пыталась.

— Пытайся лучше, сладкая. Мы о тебе беспокоимся.

Я кивнула. Я знала, что им тоже было тяжело — особенно смотреть, как с потерей дочери справлялись родители Трикси.

— Тебе было весело? Ты пропустила замечательный ужин со Стэнфордами.

Я удивлённо замерла со стаканом в руке, так и не выключив воду.

— Вы пригласили их на ужин домой? — она обычно на работе вечером субботы...

— Для Бетти и Рона было важно, как я приму людей, что проживут тут всё лето. Только представь, как трудно оставить на чужого человека дом, даже если Шэй — подруга племянницы Бетти.

Я шагнула к раковине, набрала воды, пока мама рассказывала о Бетти, Роне, о том, как их собака Оскар положила Саймону голову на колени.

— Саймон просто очарователен, — мама встала из-за стола, помыла свою чашку и поставила её на место. — И ты его заинтересовала, Люси. Он много спрашивал, — она улыбнулась и потянула меня за выбившуюся прядь.

Прежде чем она что-то ещё спросит, я поверилась и поправила полотенце.

— Пора в кровать. Не ложись слишком поздно, хорошо, Люси?

Она ушла наверх, а я осталась на кухне, наедине со своей водой.

Мой телефон гудел — Ханна всегда писала, когда возвращалась домой, так я могла узнать, что всё в порядке. Но номер оказался незнакомым.

"Прости, что так поздно. Это Саймон. Надеюсь, ты не против — твоя мама дала мне номер. Не могу дождаться лета на твоём прекрасном озере".

Насколько я была не рада, что мама полагала, будто может так легко раздавать мой номер, так же радовалась, перечитывая текст вновь и вновь. Думала, что отписать. Я в этом не разбираюсь. Вот Трикси знала, что сказать, и Ханна тоже... А я всегда была слишком застенчивой и сто раз подумала бы, прежде чем что-то сделать.

Мои пальцы заскользили над экраном. "Увидимся скоро", что-то типа этого.

Может быть, лето окажется не таким уж и отвратительным.

8 · Бен

Я тяну Дану за собой, и она выдаёт:

— Я люблю тебя, Бен.

Я говорил ей пару раз о любви, но слова были пустыми и ирреальными. Сегодня не смог заставить себя сказать это — просто дошёл до двери и поцеловал.

— Спокойной ночи, — сказал я, не в силах посмотреть в глаза и ощутить симпатию. Я её не заслужил.

Спускаюсь на следующую улицу. Заезжаю в парк. Он закрыт, но можно перелезть через забор. Лучшее место озера Хальчион. Всегда. Что бы ни случилось. Я стянул футболку, джинсы и зашёл в воду.

Вот дерьмо! Холодная.

Я поплыл к острову и обратно. И всё. Один раз. Три минуты туда, три минуты назад.

И у Трикси ушло б ещё меньше. Она в воде могла надрать мне задницу, сильный пловец. Но её отобрала не вода, а сердце. Аномальная активность — вот причина. Они сказали, что, вероятно, у неё всё время болело сердце, просто она нам не говорила.

Я тысячу раз думал о том, как всё могло пойти иначе.

Если б я сопровождал Трикси и Клейтона к острову... Если б был в воде — добрался бы до неё раньше.

Если б они не плыли так быстро. Если б она была спокойной.

Если б не было Люси, и я думал о сестре.

Если б я не был так очарован её карамельными волосами, заправленными в конский хвост, рыхлыми прядями на мягкой и бледной шее.

Они говорили, что ничего бы не изменилось. Что на самом деле шансов спасти её у меня не было.

Но это не мешает мне думать, пока все "бы" не начинают так сильно впиваться в кожу.

Я плавал в ледяной воде, к острову и назад, пока сердце не закололо, а тело не онемело. Тогда, не в силах двигаться, я растянулся на столе для пикника и смотрел на звёзды.

Я был ничтожеством во всей огромной вселенной.

9 · Люси

Воскресным утром, в День Матери, я проснулась поздно. Дом был совсем тих. Папа сидел на крыльце, с чашкой кофе и местной газетой.

— Где мама? — спросила я. — Разве мы не готовим для неё обед?

Он не посмотрел на меня.

— Не-а. Она в ресторане. Кто-то там заболел. И она спрашивает, пойдёшь ли ты.

Я поджала губы.

— У меня до начала моей смены, между прочим, были планы.

Он зажал газету в руках и поднял на меня взгляд.

— Какие планы?

— Ну... Я планировала заглянуть на кладбище.

В его взгляде было смешано беспокойство и раздражения.

— Зачем тебе туда, Люси? — голос его был таким мягким и тихим, что мне пришлось напрягаться, дабы услышать.

— Я раз в месяц туда хожу. Я по ней скучаю, — вырвались из моего горла слова.

Я ходила всегда. Каждый день. Иногда дважды — первые несколько недель.

— Это помогает? — спросил он.

Не помогает. Нет.

И когда я не ответила, он лишь покачал.

— Позови меня, когда будешь готова.

По дороге в город папа не унимался.

— Люси, тебе надо завести новых друзей.

— У меня есть друзья, папа. Ханна...

— Она слишком громка.

Я закатила глаза и попыталась сменить тему.

— Почему ты сказал Шэй Стэнфорд, что она может рисовать на нашем патио?

Папа пожал плечами.

— Договорился с Роном и Бетти. Пятьдесят баксов в неделю. Деньги нам не помешают.

В животе скрутился узел. Ненавижу говорить о деньгах. Я посмотрела на отца. Щёки впали, под глазами залегли тёмные круги, да и надо бы побриться... Он работает на заводе, что производит судоподъёмники и алюминиевые доки, но мы такого себе позволить не можем. Он продал лодку месяц назад, пусть работал в две смены и сверхурочно. Дядя Дэниэл говорил, что мы можем брать лодку когда угодно, но я не помню, когда в последний раз папа бывал на озере. Обучение Клейтона было дорогим, затраты на ресторан росли, и я прекрасно знала, что деньги нам срочно нужны.

Когда я ничего не ответил, он продолжил:

— Ты будешь настолько занята этим летом, что даже не заметишь.

Папа высадил меня у церкви. Телефон разрывался — я бросила на экран быстрый взгляд. Клей.

— Хай! — промолвил он.

— Ну, как там учишься? — спросила я.

— Учусь. О, гуд! — он говорил грубо, а рот был словно забит пеплом.

— У тебя похмелье?! Два часа дня.

Он расхохотался.

— Ну, капельку.

— Я думала, ты приедешь на День Матери. Планы поменялись?

— О да. Мне учиться к понедельнику.

— Не похоже, чтобы прошлой ночью ты учился.

Клейтон рассмеялся.

— О! Светлое и тёмное пиво изучал, — сколько можно?!

— Ты знал, что на лето Бетти и Рон сдали дом?

Клейтон резко оборвал её.

— Да, папа говорил. Слушай, сделай одолжение, скажи маме и папе, что этим летом я не вернусь домой.

— Что?!

— Ну, мы с парочкой приятелей арендуем домишку. Только на лето.

— И когда это вы решили?

— Несколько дней назад.

— Уверена, мама рассчитывала на тебя в ресторане.

— Ну, плевать. Кроме того, мне надо чуть поменяться, чтобы подходить под статью людям, к которым я клеюсь. Лучший мир.

— Лучший мир для тебя, возможно.

— Думаешь? А тебе не всё равно, приеду ли я домой?

— Всё равно. Просто... — но мне не всё равно. Всё иначе. Пропала моя Трикси, Бен. Не было Бетти и Рона, ни их сладостей, ни добра. Я не могу быть без них. Я больше не могу! Но я только тяжело вздохнула.

— Всё ок, Люси. Скажешь, да?

— Почему это должна делать я?

— Ну, помоги мне! Я хочу получить летом немного удовольствия, а не трудиться в ресторане.

— О, как мило! Мне подходит — тебе нет?

— Именно. Вспомни, я старше.

— Как обычно! — выплюнула я. — Сам скажешь.

Я сбила звонок и шагнула на кладбище.

Могила Трикси находилась в стороне, дальше всего от церкви, под серебристыми клёнами. Надгробие у неё было из красного гранита, маленькое и простое. Дата, имя и "любимая дочь и сестра".

Мать Трикси, Джейн, рассадила тут цветы, и земля была ещё сыроватой, где она поливала её. Она сегодня здесь была. Первый День Матери без Трикси...

У подножия могилы Трикси была маленькая скамейка с херувимами. Я присела — и повернулась к ней.

— Эй, Трикс, — как всегда.

И я заговорила.

Говорила об Эмили, о том, как рада её нянчить, рассказала о том, как работала с уборкой. Говорила о Клее, о Ханне и Дастине, вчерашнем кино и о том, как странно идти в кино без неё.

Говорила о Кларках, об арендаторах, Саймоне с его футболкой.

— И, хм, он довольно мил. Как думаешь? Пойти с ним?

Я опустилась на колени рядом с надгробием и погладила его кончиками пальцев.

— А ещё я видела Бена. Я беспокоюсь о нём, Трикс. Он всегда зол. Со мной не разговаривает. Я хотела сказать... Ему без тебя трудно, понимаю. Он по тебе скучает. Но почему надо взваливать это на меня, зачем отталкивать и такое говорить?

Трикси не ответила.

Только один человек мог ответить на эти вопросы.

— Я стараюсь быть смелой, Трикси, — прошептала я. — Но было куда проще, когда ты мне об этом напоминала.

Я встала, стряхнула траву с колен. Потянулась в карман, положила на надгробие конфету. Я всегда клала ей конфетку, когда приходила сюда, какую угодно из её любимых. Мне нравилось думать о том, как она будет ею наслаждаться, хотя, скорее всего, за Трикси это сделают енот или белка.

— Я его спрошу, — промолвила я. — В следующий раз, когда увижу, я пойду прямо к нему и спрошу, почему он вышвырнул меня из своей жизни, — я прижала пальцы к губам, потом к надгробию. — Потом, Трикси. Я люблю тебя.

Я обернулась. Дыхание словно пропало, когда я увидела Бена на ступенях церкви, перегнувшегося через перила. Он так грустно смотрел на меня... Интересно, как долго он там стоял и мог ли услышать всё, что я сказала Трикси.

Я отвела взгляд и зашагала вниз по улице. Мой блестящий план по противостоянию ему превратился в мятую траву под ногами.

Сегодня первый День Матери без Трикси. Я перестал ходить в церковь после его смерти, никогда не бывал на кладбище, но мать попросила сходить, а я не смог отказать. И это плохо. Плакала мама, папа её обнимал, а я бродил между надгробиями.

Её там нет. Трикси умерла, а то, что мы вложили в землю, это просто оболочка. Я не ходил в её комнату — и не мог заставить себя сесть у её могилы.

Какой толк? От этого мне легче не будет.

Мама рыдала большую часть дня, поэтому, когда папа сюда меня отправил за сиренью с куста на её могиле, я пришёл.

Но тут была Люси.

Я стоял на ступенях церкви и наблюдал за нею. Она говорила — но услышать я не мог. Потом встала, положила что-то на надгробие, поцеловала пальцы и прижала их к надгробию. Я постарался проглотить застывший в горле комок. На это нельзя смотреть.

Прежде чем я отступил, Люси обернулась и увидела меня.

Ох, пусть она не идёт ко мне и не пробует поговорить! Я вряд ли сдержусь. Она должна чувствовать примерно то же самое, потому что уходит, опустив голову.

Ненавижу. Ненавижу, что ничего не могу исправить. Ненавижу, что не заслуживаю прощения.

Я подошёл к могиле Трикси, достал мамины садовые ножницы. Надо сделать это быстро.

Конфета на камне. Трикс и Люси любили тратить все свои деньги на конфеты. Они приходили домой, загорали и делили — карамель для Трикси, шоколад и помадки для Лулу.

Однажды, несколько лет назад, я последовал за ними, сделал вид, что пошёл по поручению папы в хозмагазин.

— Почему ты нас преследуешь? — спросила Трикси.

— Не преследую, — я остановил велосипед, чтобы на них не натолкнуться.

— На тротуаре кататься на велосипеде нельзя, — сказала она.

— И кто меня остановит?

— Иди домой.

— Я должен купить папе гвозди.

— Гвозди?! — возмутилась Трикси. — Он что, давно ногти не бил?

— Не знаю. Двухдюймовые гвозди, — звучало правдоподобно. — Вот этим я и занимаюсь. А вы?

— Ты же знаешь, что мы собираемся в "Душистый горошек", — она остановилась, обернулась и упёрла руки в бока. Люси тоже замерла, запихнув руки в карманы шорт. Она смотрела в землю, не могла понять на меня взгляд.

— Почему ты никогда ничего не скажешь, Лулу? — спросил я. Она вскинула голову, и в её глазах светился то ли страх, то ли удивление... — Эй! Я просто поддразнил...

Она покраснела, отвернулась и вновь зашагала вперёд.

— Оставь нас в покое, Бен, — отмахнулась Трикси. — Иди за гвоздями.

Позже, когда Люси вернулась домой, я нашёл кусок кленовой помадки, любимой, в горохово-зелёной ткани на моём столе в спальне.

После этого, каждый раз, когда девушки шли в "Душистый горошек", я всегда находил кленовую помадку на своём столе. Два года. Пока Трикси не умерла, они не перестали туда ходить — и не перестали смеяться.

Я старался не плакать, пока срезал несколько веточек сирени, но ничего с собой

поделать не мог. Я стёр слёзы тыльной стороной ладони, прежде чем спустился вниз по склону.

Я был прав, когда избегал этого места. И больше сюда не вернусь.

Самая высокая башня на свете

Трикси и Лулу любили исследовать мир. Они поднимались в леса и купались в озёрах. Ловили рыбу и на следующий день выпускали её в озеро.

Они взбирались на деревья в парке, на гигантские ясени и дубы, и даже если сердце Люси колотилось от страха, а ладони потели, она шла вверх. "Держись", — напоминала ей Трикси, и Лулу держалась. Когда она не могла идти дальше, она смотрела на красивое спокойное озеро, в честь которого назвали и город — Хальчион. Она никогда не видала ничего прекраснее. Отсюда, с верхушки дерева, озеро, казалось, можно было увидеть всё.

А потом однажды брат Трикси Бен сказал им, что знает место ещё более захватывающее. Вся местность как на ладони.

Лулу не знала, сможет ли взобраться на башню и победить свой страх.

Но однажды, когда Трикси слишком сильно хотела приключений, две лучшие подруги оставили своё озеро и принялись искать новое и неопознанное, то, с чем прежде никогда не сталкивались.

Лулу боялась и на дерево взбираться, а тут её просто парализовало от страха — и безоблачное летнее небо растянулось над ними. И когда Лулу запрокинула голову назад и увидела деревянную громадину, колени её задрожали.

— Насколько она высока? — спросила Лулу.

Трикси точно не знала, но Бен говорил, что внутри сто тридцать кривых ступенек.

— Лулу, — сказала Трикси. — Я знаю, что в тебе есть мужество, чтобы подняться на вершину башни.

Лулу закрыла глаза, потянулась к тому самому месту в своей душе, где таилось мужество, в котором она так сильно нуждалась, но не хотела использовать всё сразу. И поднималась.

Они взбирались с таким ужасом... Она чувствовала, как кружилась голова, как небо, и башня, и всё на свете крутилось перед глазами, но она закрывала глаза, клала руки на перила, и мир замирал.

— Мы почти там, — нежно сказала Трикси. — Тебе понравится.

Они поднимались, отдыхали и поднимались — часами.

Наконец-то Трикси и Лулу добрались до вершины башни. Лулу вернулась к своему страху, и желудок сжался.

Но вид, как и обещал Бен, был поразительным.

Мир казался бесконечным. Они смотрели на вершины сосен, дубов, клёнов, берёз, осин, ив, на озёра, реки и пруды, как всё это сверкало на свету. И дыхание куда-то пропало.

Лулу повернулась к своей лучшей подруге.

— Это самая удивительная вещь из всего, что я когда-либо видела.

Тогда Лулу посмотрела на покрытый тимьяном пол платформы. Перед глазами množились фиолетовые цветы и обвивали ноги — и они всю дорогу вели к лестнице.

— Трикси, смерти! — вскричала Лулу. — Откуда это?

Трикси улыбнулась.

Это всё твои шаги! — она протянула руку и сжала ладонь Лулу.

Друзья долго ещё смотрели на мир, пока солнце не опустилось за деревья на западе. Они спускались вниз, по тёмьяну, и теперь Лулу было не так страшно.

А когда они добрались до безопасного места, стали на твёрдую землю, Трикси посмотрела на свою лучшую подругу, улыбнулась и сказала:

— Видишь, как волнение всегда награждается.

Лулу запомнила эти слова на всю свою оставшуюся жизнь.

Июнь

Тишина — вот реальный разговор между друзьями. Не говоря уж о том, что в ней ничего не нужно говорить

— Margaret Lee Runbeck

11 · Люси

Это первая неделя летних каникул.

Мы с Эмили играли на маленьком манеже на курорте. Теперь у меня было чёткое представление о том, где Бен — он помогал гостям с багажом, с ловецкими орудиями, водил экскурсии по курорту. Он стоял, сунув руки в карманы, хмурился, пока гигантский внедорожник спускался вниз по дороге.

— Хочешь в библиотеку? — спросила я Эмили, так высоко толкая её на качелях, что она даже завизжала. Бен посмотрел на нас, и я быстро опустила голову.

— Нет! Ты обещала научить меня делать кульбит!

В столь прекрасный летний день я не могла винить её в нежелании быть в здании, поэтому мы придвинулись по траве ближе к озеру.

— Давай! — воскликнула Эмили.

Вот уж месяц, как я ступила в спортзал, но я подняла руки и легко сделала кульбит. Площадка была неровной, и я немного пошатнулась, а когда обернулась, увидела, что на меня смотрел Бен — и отвернулась.

— Вот! — обратилась я к Эмили, и мой голос задрожал. — Надо начать с малого. Маленькие прыжки, — я показала, как поставить на землю руки, как прыгать. Понадобится время, прежде чем она на самом деле сумеет перевернуться.

Через несколько прыжков она бухнулась на землю.

— Уф! Это трудно.

— Тренируйся — и всё получится, — это было так знакомо и свободно! Я скучала по гимнастике, движению... Готова ещё много месяцев стоять.

Я присела рядом с Эмили. Трава была тёплой от солнца.

— Почему тебе не нравится Бен? — спросила она.

Вопрос, появившийся из ниоткуда, кулаком ударил меня в живот.

— С чего ты взяла? — слова почти душили меня.

— Вы не разговариваете, ты не смеёшься и не рассказываешь ему историй, которые уже и мне, и маме успела рассказать. А почему ты с ним не дружишь? С Трикси же дружила!

Я кивнула и сморгнула слёзы — они появились из ниоткуда, как и вопрос Эмили.

— Ну, мы с Беном дружили. Когда-то дружили...

— Но сейчас Трикси на небесах.

Я вновь кивнула. Господи, как же я не готова к этому разговору!

— Ты не разговариваешь с Беном, потому что Трикси больше нет? Не понимаю...

О, разумеется. Я тоже, к слову.

— Ну, Эмили, дружить мы точно не можем, — комок боли в груди вновь забился. —

Это... Сложно.

— А что тут сложного?

Я замерла и потянулась к травинке.

— Это сложнее головоломки. Или подобно ей. Знаешь, как будто какая-то частичка мозаики не подходит.

— О, — кажется, этого объяснения ей тоже не хватило, но пусть. — Но знаешь, что я делаю, когда не подходит?

— Что?

— Прошу маму помочь, — и Эмили бросилась обратно к качелям.

В ту ночь я мало спала. Мне нужен был мой цитатник. Интересно, Джейн убралась в комнату Трикси, или там всё так же, как в то утро, когда мы, прихватив пляжные полотенца и солнцезащитный крем, поспешили в парк? Интересно, а ноут всё ещё стоит на её столе, там, где мы оставили его ночью? А она ещё новую цитату от Одри Хепберн написала — "Лучше всего держаться друг за друга по жизни".

Я открыла свой ноутбук и создала новую папку. Искала цитаты, находила картинки вместо слов — тёмно-синие чернила, закрученные буквы с сердечками вместо завитков. Идеально.

Я искала одно за другим — взросление, лучшие друзья, воспоминания. Десятки знакомых цитат, десятки новых, ещё одна от доктора Сьюз — "иногда вы не осознаёте значение момента, пока он не превратится в воспоминание". Трикси думала о мгновениях — а ещё она в двенадцать лет холодным зимним полднем убеждала меня, что я влюблена в её брата.

Мы играли в игру в её подвале рядом с дровами, гоняли пластиковые машинки с пластиковыми куклами. Тогда мы всегда знали, как назвать пластикового мужа. И мне очень хотелось дать ему имя Бен — но я была слишком застенчива и боялась, что могла подумать Трикси. Обычно я выбирала самого популярного в классе мальчика — Джека, в которого влюблялись все девочки в классе, или Тайлера Кларка, моего соседа, который учился в средней школе.

— Поздравляю! — сказала Трикси, вручая мне синее колечко. — Объявляю вас мужем и женой. Кто на сей раз? Джек? Тайлер?

Я откашлялась и сделала глубокий вдох.

— Бен.

Трикси подскочила.

— Что? — она захлопала в ладоши и запрыгала. — Супер!

— Трикс... — пробормотала я, опуская голову. Щёки вспыхнули.

— О, вы поженитесь, у вас будет куча детей, а ещё, Лулу, мы станем сёстрами, сёстрами!

Я так волновалась, что она высмеет меня, разозлится, станет ревновать... Но зачем? Ведь это моя милая, заботливая Трикси, мой лучший прекрасный друг.

Она вновь села, и я катала машинку с моим пластиковым мужем Беном.

— А что тебе больше всего нравится в нём? — спросила она.

— Ну, Трикс....

— Пожалуйста? Всего пять фактов?

Я назвала в своём топе первое, что пришло в голову — ямочка на щеке, нежность по отношению к коллекции агата, то, как он называл свою мать "мама" (и Трикси возопила, что тоже так делает), как восхитительно смотрелся с Эмили, что я всегда рядом с ним, плавая или на лодке особенно, чувствовала себя в безопасности, я знала, что это так, пусть ему было на меня плевать.

Прошло три года, прежде чем с Беном что-то случилось, прежде чем я подумала, что, возможно, он мне слишком нравится, что я всё это время любила его. Мы всё время были вчетвером — я, Клейтон, Бен и Трикси, — и почти не расставались. Выросли. Я хваталась за его мысли каждую неделю и закрывала в себе, оставляла в его комнате конфету, пусть он ни разу не сказал спасибо. Наблюдала, как он целовал девушек и водил их на футбол или в кино.

И Трикси вступалась за меня, когда мне было грустно, говорила, что её брат глупец и когда-то поймёт, как сильно меня любит.

Я долго не тренировалась и теперь ещё и свернула шею... Пришлось растирать её рукой. И я нашла последнюю цитату — "Этот прекрасный день должен таковым оставаться". И озеро на фоне.

Трикси ошибалась.

12 · Бен

Дана хотела сегодня вечером сходить в кино. Мы смотрели каждый чёртов фильм, что был в этом городе. Ну, можно придумать что-то ещё. Съездить на Клауд, 9, раскинуть за городом палаточный городок, сыграть в мини-гольф или искупаться в реке. Подняться по пожарной башне и пить пиво, возвышаясь над миром. Кататься на лодке, сидеть у костра. Что угодно — но не сидеть в этом душном и затхлом кинотеатре.

Я солгал Данае, сказал, что сегодня должен остаться дома и помочь папе, но, кажется, она не купилась.

После обеда я поднялся в свою комнату и просто плюхнулся на кровать. Встал, быстро подошёл к окну и посмотрел на летнее, красивое озеро Хальчион.

Гадко.

Я отвернулся от окна и пнул ногой угол своего стола. Стола, на который Люси клала конфету для меня. На нём стояла гора камней — агат, камушки, наждачная бумага, мелкая тарелочка с испарившейся водой. Прежде это принадлежало моему папе, и я был так горд, когда он сказал, что я для этого достаточно взрослый. Я хотел быть похожим на него тогда, в четвёртом классе — рыбалка, скалы... И думал, что буду учить о Земле, как и он.

Я подхватил агат с небольшой стопки на столе. Этот я нашёл на пляже у озера в верхней

его части летом прошлого года, но не отполировал. Он был грубым, неровным, с одной стороны сколотым — совсем не таким, как с другой. О, он был просто прекрасен! Всё это стоит побольше, чем у меня есть, и в естественном состоянии, даже больше, чем в отполированном, но мне больше нравилось, когда всё сверкало.

Однажды я дал Люси свой агат. Интересно, она всё ещё хранила его? Выбросила или уложила в коробочку с сентиментальным мусором? Много лет спустя вытащит её из-под кровати, всю запыленную, и спросит себя, что это за агат...

Прежде для полировки требовалось много терпения. И мне хотелось скуку и уродство превратить в гладкость и динамику — но я ничего не делал после смерти Трикси. Я оставил всё, как есть. Как и мама.

Я поставил несколько камешков друг на друга, стараясь сделать так, чтобы ничего не упало. Я вспомнил вдруг об Инуксуке. Папа рассказал об этом во время нашей первой поездки в Дулут много лет назад, когда мы увидели несколько статуй вдоль долги. Каменные громадины — ориентиры, что показывали, где хорошо охотиться или ловить рыбу, а ещё как мемориалы. И прошлым годом, перед смертью Трикси, на каменистом пляже мы увидели как минимум пятьдесят.

Моя башенка из камушков пошатывалась, но укладывание камней утешало душу. Я хоть что-то создал.

Но, в отличие от Инуксука, всё это отнюдь не показывало мне, в какую сторону надо было идти.

Я дёрнулся — и камни один за другим полетели на стол.

13 · Люси

Понедельник был моим выходным днём. Я долго спала, а потом натянула шорты и футболку с озером Хальчион и надписью "ястребы", а после принялась убирать дом — теперь мне следовало заниматься этим самой, ведь мама и папа постоянно работали. Рутинная работа мне нравилась — я начинала с мансарды и доходила до кухни.

Я только-только закончила пылесосить гостиную, как увидела сквозь стеклянную дверь Шэй Стэнфорд. Они с Саймоном прибыли пару дней назад. Мы с Саймоном немног переписывались, но дома меня часто не было, и я нервничала перед встречей. Как всегда — бессмысленное возбуждение.

Шэй упёрла руки в бёдра и смотрела на яркие полосы на озере. Деревья зеленились, воздух наполнил аромат ландыша и сирени.

В другое время я б остановилась, спустилась вниз и посидела на нашем патио, теряясь в свежем прохладном ветре.

Теперь я этого сделать не могла. Шэй разбросала всюду свои мольберты и эскизы, вокруг словно стояли открытые коробки для снастей, только со всякими художественными принадлежностями. И когда она возвращалась с озера, то улыбалась так солнечно, как свет на воде.

Это должно приносить больше пятидесяти долларов в неделю!

Я открыла в гостиной окна, быстро обошла книжные полки и столы с тряпкой и

отправилась на кухню.

Кухню нынче почти не использовали — мама всё время проводила в ресторане. Забрало не слишком уж много времени загрузить посудомоечную машину, помыть столешницы, помыть полы. И, закончив, я набрала стакан воды, вышла на улицу и, перегнувшись через перила, вновь наблюдала за Шэй. Интересно, что делает Саймон?

Что ж, не следовало и удивляться, что когда я повернулась, Саймон Стэнфорд стоял у камина и вертел в руке рамку с фото.

Он был здесь. Сердце моё на миг забилося быстрее, но взгляд скользнул по камину. Я уже знала, что за фото он взял.

Нас там было четверо — на скамейке, за два месяца до *ее* смерти. Бен стоял между мною и Трикси, положил нам на плечи руки... Джинсы, зелёная футболка — и смотрит не в камеру. На меня.

Моё любимое совместное фото.

Последнее фото.

— Положи! — я рванулась вперёд и вырвала фото из рук Саймона.

Он отступил назад, вскидывая руку.

— Эй, прости! Я стучал, ты не ответила, но дверь была открыта, и я тебя видел, — он улыбнулся.

— Так почему не пошёл туда, где видел? Зачем тут рыскать?

— Я не рыскал, Люси. Тут твоя фотка. А остальные кто? — он встал рядом со мной и вновь посмотрел на фото и постучал по стеклу. — Вот, вы похожи — это твой брат, наверное. А второй? Парень?

Я отошла от него, поставила фото на место и сглотнула.

— Нет, — я повернулась к нему лицом. — Он мне не парень, и это не твоё дело.

Саймон отреагировал не так, как я ожидала — он просто рассмеялся, а после промолвил:

— Прости, Люси. Полагаю, мне следовало отыскать менее навязчивый способ узнать, есть ли у тебя парень. В конце концов, у этого вопроса совершенно эгоистичные причины.

Мой гнев растаял в один миг. Щёки покраснели — и я отпустила голову, а когда вновь её подняла, заметила на губах Саймона весёлую улыбку.

— Итак. Чем займёмся? Я умираю со скуки, ты наконец-то дома. Будет ли ещё шанс увидеть город?

Я посмотрела на свою покрытую пятнами одежду, принялась — пот и сосновый полироль для мебели. И щека грязная. И телефон зазвонил, когда я пыталась вытереть собственную руку о футболку.

— Не забывай, о чём мы говорили, — промолвила я, благодарная за возможность отойти и подумать о своём ответе, пока странные непонятные чувства прыгали в моей душе.

"Дэниэл. Дома Джинни с больным ребёнком. Можно с трёх до шести помочь, пока не придёт Розмари?"

Я посмотрела на время. Сейчас было 13:15. К тому времени, как я приму душ и приведу себя в порядок, будет почти два, и мне придётся отправиться в город. Ханна в Техасе со своей мамой в каком-то книжном туре, папа на работе, и очень сомнительно, что кто-то сможет уйти с работы, чтобы меня подменить.

— Это был мой дядя, — промолвила я. — Я должна помочь в нашем семейном ресторане... Может быть, напомнишь о городе попозже, чтобы я тебе всё показала?

Он нахмурился.

— И до сколько ты работаешь?

— До шести.

— Замечательно. Я отвезу тебя на работу и встречу, когда закончится смена.

Он широко улыбнулся мне, так по-настоящему. В груди что-то вспыхнуло, я покраснела

— и посмотрела на Капитана Америку на его футболке.

— Спасибо, — пробормотала я белой звезде на его рубашке. — Я буду готова через час.

Когда я опоздала на минутку, мама заявила, что ждёт меня уже час.

— О чём речь? — спросила я. — Дэниэл попросил меня поработать с трёх до шести.

— Нет, — ответила мама. — С двух до шести.

Я открыла сообщение и протянула ей телефон. Она бросила на него взгляд, вернула обратно и протянула:

— Марш за фартуком и шуруй к столам.

— Добро пожаловать, — пробормотала я себе под нос.

Позже, когда уже закончилась моя смена, меня перехватила Клэр.

— Люси, спасибо, что пришла в выходной. Мы бы тут с ума сошли.

— Спасибо, — ответила я, — что хоть кто-то меня ценит.

Клэр здесь была хозяйкой — и подругой Дэниэла. Они жили вместе в квартире над парикмахерской "Златовласка", где она тоже трудилась, только там у неё был неполный рабочий день.

— Дай бедной матери шанс на ошибку, Люс. После ухода Риты ей трудно. Я работаю много, но больше не могу — салон...

— Пора бы заменить Риту.

— Ты знаешь лучше других, как это трудно. Ты видела официантов последние пять лет... Этот глупый парад! Твоей маме нужен кто-то надёжный, а для этого нужно время.

— Шесть недель?

Клэр ответить не смогла, потому что красная дверь отворилась и с треском захлопнулась — и зашёл Бен Портер.

Проклятье! Ведь это же вечер понедельника! А почему я никогда не соглашаюсь работать по вечерам в понедельник? Потому что в каждый такой вечер сюда приезжают Бен и Гартри, каждый раз после смерти Трикси!

Я понеслась за прилавок, прежде чем он по-хозяйски устроился за столом. Да, тут меня немного защищала перегородка, но всё ещё я могла слышать каждое слово.

— Эй, Бен, — промолвила Клэр, — я припасла тебе столик.

Неужели один из моих?!

— Спасибо, — ответил он. — Но я сегодня тут, у бара посижу. Один.

Первая моя мысль была полна облегчения — бар я не обслуживала, — а потом поняла, что стояла тут. Я пробралась к кухне, конечно, но Бен уже устроился на стуле — и он явно меня увидит...

Я прижалась к стене и сделала несколько глубоких вдохов.

— Вау, — протянул Дэниэл. — Такое впечатление, что только что ты увидела зомби!

— Можно сказать и так, — тихо ответила я — не то чтобы Бен мог меня услышать... в кафе было шумно, и Дэниэл, и Крис говорил с другим поваром, но всё равно.

— Бен здесь, да? Сегодня он рано.

Дэниэл был долговязым парнем с шапкой тёмных волос, неряшливой бородкой и страстью к классическому року. Сегодня он натянул футболку от "Blue Oyster Cult". Он был всего лет на десять старше меня и больше походил на старшего брата, чем на дядю.

— Напомни мне, чтобы я больше никогда не выходила в понедельник, — сказала я ему. Теперь наконец-то можно было отдышаться.

— Хочешь отнести ему гамбургер?

— Обхохочешься!

— Хорошо, если этого делать не будешь — давай, одиннадцатый стол, неси заказ.

Я водрузила тарелки на поднос и вышла из кухни, обернувшись так, чтобы не видеть Бена в конце барной стойки.

Что бы я следующие пять минут ни делала, то и дело ловила на себе взгляд Бена. Я разобралась с последним столом, отдала оставшееся Розмари и уже стянула фартук, когда сквозь дверь прошёл Саймон.

Чёрт! Я совсем про него забыла!

Он попросил столик на двоих...

— Привет! — он заключил меня в объятия на глазах у всего кафе. Перед моей мамой, Клэр, Дэниэлом, что говорил с Беном...

И самим Беном.

Я отступила.

— Ты знаешь Люси? — спросила Саймона Клэр.

— Конечно, знаю, — слишком громко ответил он. — Моя семья арендует дом Кларков этим летом.

— О, конечно, арендаторы! — Клэр поставила на стол меню.

Я присела, а когда подняла голову, заметила, что Бен мог смотреть прямо на нас. Я видела его, он — меня... И Саймона.

— Зачем тебе столик, Саймон? — спросила я, когда Клэр вернулась обратно к разговору.

— Госпожа Кларк расхваливала местные пироги. Что бы ты посоветовала?

— Печёный пирог или кремовый? С фруктами? Сладкий? — я вновь включила режим официантки. Пироги Дэниэла всегда замечательные.

— Ну... — ответил он. — Просто пирог.

— Хм? Лучший из пирогов! Мой любимый с клубникой и ревенем...

— Нет-нет... Кокосовый крем?

— Ты не можешь выбирать кокосовый крем!

Видимо, Саймон пришёл не только за пирогом — потому что когда пришла Пэтти, чтобы принять заказ, он попросил ещё и жареные рёбрышка, миску супа с диким рисом — и кокосовый крем.

Саймон рассказал мне о школе, о хозяйственном магазине папы и дедушки.

— Папа хочет, чтобы я принял дело, но я не хочу там застрять, понимаешь?

Я кивнула. О, да, я понимала.

Мама принесла нам заказ.

— Саймон, так приятно тебя здесь видеть. Замечательно, что вы с Люси вместе обедаете! Приятного аппетита. Поднести вам комплимент от шефа? — она подмигнула мне, и я закатила глаза.

Я взяла кусочек фирменного пирога — сумасшедший микс из всех ягод, которые попались Дэниэлу под руку, шарик домашнего ванильного мороженого. Саймон ел, рассказывал о графическом романе — художник, как и мама.

А когда я не смотрела на Саймона, то переводила взгляд на Бена. Он вытащил из кармана телефон, тыкал пальцем бездумно в экран, а после положил его рядом со своей тарелкой и провёл рукой по лицу, словно снимал незаметную для окружающих паутину.

Писал ли он Гартри? Маме? Дане?

Я посмотрела в сторону и прижала вилкой последнюю ягодку на своей тарелке.

Саймон обернулся на Бена.

— Почему ты постоянно туда смотришь? Ты знаешь этого парня за барной стойкой?

Я кивнула.

— Вроде того.

— Просто вроде?

— Да, мы знакомы. Я думаю, можно сказать, что мы дружили.

— Были. — Это не было вопросом. Он обернулся и ещё раз посмотрел на Бена. — Старый друг.

— Нет.

— Злишься на него или что-то в этом роде?

— Нет, — я ответила слишком быстро, наверное, потому Саймон кивнул, словно узнал какой-то огромный секрет.

— Это парень с фотки? Верно? С камина? Теперь я понял.

— Не думаю, что понял, — слова звучали остро.

— Так почему же меня не просветить?

Я замерла. И почему должна рассказать ему о своих проблемах?

— Ну же, Люси! Ты единственный человек, которого я тут знаю, — он улыбнулся и засветился весь, вплоть до кончиков светлых волос.

Учитывая фактор Бена, трудно было оценить, хотела ли я говорить с Саймоном. Но он хороший, милый, ест кокосовый крем... О, существует только настоящее, как говорит Ханна.

— Его зовут Бен, — совсем тихо, скорее даже вполголоса ответила ему я. — И мы когда-то давным-давно были друзьями. Я дружила с его сестрой — а потом... Ну, теперь мы с Беном уж точно не дружим и не общаемся. Он... Да что там, мы ведь даже не разговариваем друг с другом?

— Да?

— Это длинная история, — ответила я. — Довольно сложная, запутанная, да и вообще, не имеет значения.

— Ладно, — Саймон умолк и заговорил через минуту. — А его сестра? Вы ещё дружите?

Я сглотнула.

— Она умерла.

— О... — выдохнул он. — Прости.

— Я уже говорила, не имеет значения, — слова сорвались с губ сами.

— Если б это не имело значения, ты бы так не смотрела, — голос Саймона был светло-грустным.

— Поверь. Это не имеет значения.

— Ладно. Верю, — он встал и подал короткий знак. — Ну что? Покажешь мне город?

Прокатимся?

Я встала. Саймон протянул мне руку, и я покраснела.

— Ну, возьми меня за руку, — прошептал он. — И этот твой парень, может, отвернётся.

Я могу сделать это. Могу. Просто для вида, правда?

Я сжала его тёплые, мягкие и странно успокаивающие пальцы. И когда мы пересекли ресторан и миновали Клэр, она мне весело подмигнула.

Я устроилась на переднем сидении автомобиля Саймона. И когда мы покидали стоянку, я повернула голову, чтобы посмотреть, выйдет ли Бен из кафе и посмотрит ли, куда мы направимся.

— Куда? — спросил Саймон.

Мы направились на север.

— Клауд, 9, - ответила я. — Поверни направо на следующем светофоре.

— Клауд, 9? Напоминает что-то эйфорическое...

— О, ты ведь даже себе не представляешь! Там тематический лагерь ещё с пятидесятью, аквапарк, открытый кинотеатр и мини-гольф. Невозможно провести на Клауд, 9 время плохо.

— Звучит странно, — ответил он.

Я покачала головой.

— Ты не можешь не любить Клауд, 9. А может, нам повезёт, и сегодня будет что-то интересное в кино...

Саймон застонал, но с того момента, как мы прибыли на место, улыбка не сходила с его лица. Он настаивал на том, чтобы оплатить за нас двоих, а потом зашагал сквозь толпу туристов и нескольких знакомых мне из школы ребят. Мы направлялись в Блюберри Хилл — мини-поле для гольфа.

— Я тут полный кошмар, — сообщил Саймон, взяв клюшку.

О. Другое слово не подобрать. Я тысячу раз играла и могла с закрытыми глазами сделать удар, но Саймон выбивал мяч туда, куда он лететь не должен. Мы даже позволили ему вылететь за границы поля. Но он смеялся над собой, стряхивал волосы с глаз и страшным голосом напевал музыку пятидесятих.

Мы даже не записали счёт. Направились вниз по склону к закусочной, где он купил кучу попкорна, и устроились на скамейке у кино.

— Это было весело, — сообщил он. — А что будет дальше? Споём, а?

Я полезла в карман шорт за телефоном, чтобы проверить время, и наткнулась на агат.

Думала о том, как на нас в ресторане смотрел Бен.

Мне хотелось двигаться дальше — нормальная девушка, играющая с парнем в мини-гольф.

Но я ею не была.

— Мне пора домой, — я встала, и Саймон последовал за мной. Я смяла упаковку от попкорна и швырнула его в мусорный бак. — Завтра будет довольно длинный и крайне утомительный день, знаешь, потому вынуждена уходить...

— О, да, у меня тоже, — он последовал за мною, пока я шагала к выходу. — Я имею в виду, сначала надо как минимум десять часов поспать, а потом направиться к озеру. Довольно насыщенная программа...

— Звучит довольно грубо.

Когда мы добрались до его машины, Саймон открыл передо мной пассажирскую дверцу.

— Мне бы хотелось однажды с тобой сюда прийти.

— Ну, мы могли бы просто плыть вниз по течению реки.

— Ты, видимо, часто сюда приезжаешь.

Я покачала головой, садясь в авто.

— Не так, как прежде.

И больше ничего не ответила. Он закрыл дверцу, сам сел, и мы молчали несколько минут, пока покидали стоянку и ехали в город.

— Мне жаль, что так вышло с твоей подругой, — мягко промолвил Саймон. — Тебе плохо тут без неё, на Клауд, 9?

— Немного. Но нормально... Не стоит об этом.

Не хочу, чтобы он меня жалел. Мне нравилось, что он не знал подробностей смерти Трикси. Я сменила тему, пока мы ехали через горы, рассказала ему об озере Хальчион. Указала на кондитерскую, книжный, парикмахерскую и квартиру над ней.

— Вот там живёт мой дядя и подруга, — сообщила я. — Дэниэл — повар в закусочной, и ты видел там Клэр, управительницу...

Я рассказала ему про свою семью и про Эмили. И затаила дыхание, умолкнув, когда мы миновали дом Бена, его авто, припаркованное у третьей двери.

— А вот тут парк, — кивнула я в сторону гор зелени. — Прелестное место для пикника и лучший пляж в городе.

— Круто! И когда мы пойдём.

— Пойдём?

— Ну, да. Поплывать. Разве не для этого предназначен парк имени... Салливана?

Я покачала головой.

— Я плохая пловчиха.

— Серьёзно? Да ты на озере живёшь!

— Ага.

— Но не любишь плавать?

— Нет, — слишком много водорослей, слишком каменистый песок под ногами, слишком много неизвестного в мутной воде. — Но я люблю быть у озера. Там так мило поют птицы... Но только на плоте или крепком гидроцикле.

Он свернул в сторону подъездной дороги Кларков и провёл меня до двери, как будто это было реальное свидание.

— Это было прекрасное время, Люси.

На секунду я подумала, что он попытается меня поцеловать. Но он этого не сделал. Его щёки порозовели, и мне стало интересно, думал ли он об этом, как и я.

— Это было весело, — промолвила я.

И вправду. Я получила удовольствие от встречи с ним. Я улыбнулась ему, он ответил улыбкой.

— Скоро увидимся, — ответил он и зашагал по дороге.

И когда уже почти скрылся с виду и спрятался за гигантским кустом сирени Бетти, повернулся и помаhal мне рукой.

Я помаhала в ответ, а после зачихнула руку в карман. Агат всё ещё находился там, в целости и сохранности.

14 · Бен

Чёрт подери, он держал её за руку! Будто это свидание или что-то типа того! Я видел, как они покинули кафе, оставив на прилавке деньги, и досчитал до тридцати, чтобы пойти за ними.

Люси и придурок на Вольво.

Да. Знаю, безумие. Работа Люси на курорте летом сводит меня с ума. Она так близко — а я не могу ни коснуться её, ни поговорить. Эмили разговаривает со мной, хочет поиграть, но над ней нависает Люси. И она-то говорить не хочет. А виноват в этом только я.

Я был осторожен, оставался на три-четыре машины позади, чтобы они не заметили. Пытался сказать себе, что просто хотел убедиться, чтобы она в безопасности, чтобы этот Саймон не оказался ослом, похитившим этот Вольво и её заодно. Они миновали пожарную башню — и повернули на Клауд, 9.

Вот тогда я понял свою глупость.

И что я собирался сделать? Пойти за ними в парк? Гулять одному по толпе, шпионить, пока они в Шаке покупают мороженое, а потом смотреть в кино с ними мультики.

Как это жалко.

Она в порядке. Он ей нравится.

Она выбрала её.

Я её оттолкнул — и она пошла дальше.

Я повернул авто обратно к дому.

Папа вновь оставил в кабинете открытую бутылку, и я забрал виски к себе. Буду сидеть тут, пить, пока не выбью Люси и лохматого осла из своей головы.

Следующим утром я опоздал на работу. Папа как раз сидел в амбаре и был крайне зол.

— Ну? — не поднимаясь, сказал он. — Где ты был.

О, ему ещё интересно!

— Ну? — вновь спросил папа, когда я промолчал.

— Мне надо было кое-что сделать.

Мне надо было вырвать — вот почему я задержался.

Он тяжело вздохнул.

— Мог бы сообщить. Джону пришлось работать за тебя, гости устали ждать, и он отстал от графика.

Папа повернулся ко мне, когда я вновь промолчал. Его руки потемнели от смазки, кожа теперь покрылась трещинами. Мы столько времени проводили вместе, раньше у нас было много общего... Казалось, мы должны были бы стать ближе после смерти Трикси, но я в последнее время не могу быть рядом с ним. Он пьёт, он всегда в дерьмовом настроении...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Да, общее у нас определённо есть.

— Бен, сколько раз я тебе говорил? У тебя есть обязанности. Люди на тебя рассчитывают. А занятость — это...

Он сделал паузу — и я мог только заставить себя не подражать ему, когда он повторял одно и то же.

— Это обязанность. Жизнь — это обязанность.

— Да что ты говоришь... — я не смог сдержать горечь в голосе.

— Не умничай, Бен. Я не в настроении.

И это я прежде слышал. Словно сломанная пластинка. Каждый год одно и то же, то же озеро, тот же родительский мусор...

С Трикси было иначе. Разговоры — реальные. О школе, о рыбах, о тачке... И иногда, как с Гартри, говорить вообще не надо было. Мы сидели на лодке и ловили — и просто не следовало проронить ни слова.

— Эти два парня в Вольфе? — сказал папа. — Они принесли саннис, как раз выпотрошили. Почисти рыбу.

Я повернулся без слова и зашагал по траве. Дерьмо! Опять чистить гнилую рыбу — вместо озера! Спасибо Люси и дебилу...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Позже, когда я убрал дом от рыбы, сказал папаше, что чувствую себя дерьмово — и ушёл на остаток дня. Пора прочистить голову, так что я пошёл пешком от озера до парка. Потом к авто вернусь.

Дорога была тихой, обычно тут и бегуны, и велосипеды, и семьи в поисках тихого места для рыбной ловли — удивительно.

Я миновал почти половину пути, дошёл до деревьев, по которым лазили мы с Трикси, когда наши родители впервые позволили сюда самим ходить.

Осмотрелся, нашёл несколько камней, довольно больших, у ствола дерева. Верхний камень накренился, и я вновь перекладывал их с места на место, пока не построил всё так, как надо.

Удовлетворившись, я полез на дерево. Прислонился к стволу, влез в карман, выключил телефон.

Нет места лучше для хмельного сна.

15 · Люси

Я не видела Саймона после нашего "свидания" несколько дней — и делала всё, что могла, чтобы избежать встречи с Беном. Но в субботу, когда я зашла на кухню к Джону, он уже был там.

Сидел за столом. Уже поздно — с чего б ему быть здесь? Бен сейчас должен находиться на озере или косить газон... Да хоть что-нибудь! Но когда я присела рядом с Эмили, он просто отвёл взгляд.

— Ну, — промолвила я, — чем сегодня займёмся?

— Лодка! — воскликнула она. — Покатаемся на лодке! Можно, папа?

— Конечно, — кивнул Джон.

— Бен, сопроводишь их? — спросила Тами.

Я больше ничего и не услышала — в ушах после предложения Тами Бену свозить нас на рыбалку просто ревел.

Я этого не хотела. Не хотела проводить утро на лодке посреди озера рядом с Беном. Это худшее из всего, что могло случиться! С озера мне не сбежать!

Тами поставила прямо передо мной тарелку с яичницей и жареным беконом.

— Съешь что-нибудь, прежде чем вы пойдёте.

— Нам не стоит беспокоить Бена, Эмили, — промолвила я, чувствуя, как раздирали горло слова. — Не хочу отрывать его от работы.

— Это не беспокойство, — голос Бена меня удивил. — Лодка будет готова, пока вы закончите завтрак.

Бен так быстро встал, что почти что сбил стул на пол. Да, лодка готова. Всегда готова. Он просто хочет выйти отсюда и побыть наедине, прежде чем начнётся эта экзекуция.

Я пыталась поесть, пока Эмили катала красный виноград по тарелке. Потом я заплела ей конский хвост, намазала солнцезащитным кремом — растягивала это как можно дольше, и Бен в доке, наверное, делал всё крайне медленно.

— Ты так с нею терпелива, — промолвила Тами, загружая посуду в посудомоечную машину. — Неудивительно, Люси, что она просто тебя обожает.

— Спасибо, — я покраснела. Знала б она причину моего терпения...

Эмили и сама готовилась с нетерпением. У неё была готова сумочка с соком, фруктами, сырными крекерами в форме птичек и двумя книжками. Я схватила солнцезащитные очки и телефон, и мы направились к докам по каменной дорожке.

Моё сердце забилося пуще прежнего, стоило поймать взгляд Бена — он сидел на скамье и говорил со своим отцом, Томом. Да, и Тома я тоже избегала. Он нас увидел, махнул рукой, и Эмили помчалась вперёд, запрыгнув к Бену на руке.

— Спасибо, Бен! — вопила она.

Я поймала её и усадила на лавочку. Том вручил мне спасательный жилет, Бен надел крохотный на Эмили.

— Эй, — сказал мне отец Бена, — рад тебя видеть, — не сказал "Лулу".

Я кивнула, но заговорить не смогла. Я глубоко вздохнула и ступила в лодку, немного пошатнулась — как год назад....

Бен протянул руку и поймал меня за руку, чтобы помочь сохранить равновесие, но я только выдернула свою руку.

— Пожалуйста, не трогай меня, — прошептала я, но он уже устроился на своё место, и я понятия не имела, услышал ли он меня.

Всё утро на лодке я болтала с Эмили. Стоило ей умолкнуть — заговаривала сама. Рассказывала о том, что нас окружало, вызывая у Эмили очередную гору вопросов о деревьях, гагарах, рыбе, погоде — так можно было занять время.

Я любила озеро, а большинство времени в детстве проводила между папиной лодкой и пляжем. Я любила здесь всё — от яркого солнца и его бликов на воде, до запаха рыбы, бензина, полевых цветов и водорослей. Я любила ветер, что охлаждал раскалённую кожу, отбрасывал волосы с лица, когда мы мчались по озеру. Прохладу воды, её успокаивающую мутность. Бесконечные лодки...

На несколько минут я зажмурилась и почувствовала на лице тёплое утреннее солнце. Я откинула голову назад и сделала вид, что всё как прежде. С нами Трикси, Клейтон, может, Гартри, Бен ведёт лодку — старый добрый Бен, а не злой и холодный. Мой бен.

— Люси, — промолвила Эмили, и я распахнула глаза. — А как умела Трикси?

Моё дыхание вмиг пропало, Бен быстро вскинул голову.

— Эмили... Я... Я не думаю, что... — я вообще ни о чём не думала! Да как рассказать об этом, ещё и перед Беном!

А он опустил рядом с нею и взял за руку.

— Эй, — промолвил он надтреснутым голосом. — Ведь ты знаешь. Сердце у Трикси было больное. Она пошла купаться, а сердце перестало работать.

Такой спокойный, такой нежный, что я и слова вымолвить не могла. Я не была к этому готова. Она слишком юна, чтобы понять — но он достаточно ей сказать.

Эмили повернулась ко мне.

— А моё сердце больное? Оно тоже перестанет работать?

— О, нет, — ответила я. Я обняла её, опустившись на колени — и плевать, что теперь стояла рядом с Беном. — Не стоит об этом думать, дорогая. То, что произошло с Трикси, не со всеми случается.

— Ты была там, Люси? — спросила она. Отстранилась от меня и посмотрела на Бена. — Ты был?

Я кивнула, но не смотрела на Бена.

— Мне кажется, мы собирались рыбачить, — протянул он, и это, к счастью, её отвлекло. Её лицо, на мгновение ставшее поразительно грустным, засияло от радостной улыбки.

Она схватила меня за руку и потянула наверх.

— Ты тоже рыбачь!

— Хорошо, — я могла лишь сдерживать рыдания.

— Рыбачь! — уверенно воскликнула она. — Я хочу, чтобы ты со мной порыбачила! Скажи, Бен, что научишь её!

Бену не надо было учить меня рыбачить. Я знала, как надевать мотыля на крючок, ещё до того, как научилась писать своё имя.

— Да, хорошо. Пoryбачим, — повторила я.

Она взобралась на нос лодки и покачивала ногами. Чтобы оказаться ближе к ней, мне пришлось придвинуться к Бену вплотную. Я задержала дыхание. Когда он подошёл к носу, протянул мне поплавок и катушку, и на миг наши пальцы соприкоснулись. И я бессмысленно, словно обожглась, одёрнула руку.

Он не двигался. Он был так близко... Он, должно быть, даже слышал, как громко в груди колотилось моё сердце.

Он наклонился ко мне, и на секунду в голову пришла безумная мысль, что он поцелует меня прямо здесь, на лодке, посреди озера Хальчион.

— Люси, — тихо промолвил он, — ты в порядке?

Я кивнула. И всё вдруг закончилось, а он отвёл взгляд.

— Я помогу Эмили, если тебе не надо.

Она завизжала, когда он протянул ей червяка, подпрыгнула, когда он надел его на крючок, и Бен помог ей забросить крошечный спиннинг.

Мне всегда будет надо.

Я сидела на носу и раз за разом забрасывала удочку и смотрела на поплавок. Ждала чего-то... Вот только чего?

16 · Бен

Позже утром, после того, как я отвёз Эмили и Люси на берег, я отыскал Тами в саду, опустившуюся на колени у саженцев помидор.

— Эй, — промолвил я.

Она подняла взгляд.

— Здравствуй.

— Слушай, сегодня было круто, но, знаешь, лучше Эмили на лодку больше не пускать.

Это меня нервирует.

Она ладонью прикрывалась от яркого солнца — и знала, что я лгу.

Но Люси едва меня не сломила, так что удила моей двухсотдолларовой удкой, которую я даже Гартри не давал, а потом умчалась, будто бы я её жалил.

— Ну, если ты так полагаешь... — Тами вернулась к своим овощам.

Да. Я так полагаю.

Я некоторое время катался по кругу, не в силах отправиться домой. Всё крутил верхнюю часть рулевого колеса.

— Эй, красавица, — если и есть что в мире, на что можно рассчитывать, так это моя машина. Старушка меня не подводила.

Жар-птицу я купил весной в год смерти Трикси — второй курс. Мне всего пару недель было шестнадцать, но копил я долго. Этот Бак из средней школы, продавал тачку, и несмотря на то, что папа хотел было взять, сказал, что подождёт, пока у меня не станет денег. Я много времени проводил у Джона, зарабатывал на курорте...

Нас было четверо, и мы поехали к нему, когда у меня появился чек. Он жил у дороги, которой мы отправлялись к Люси и Клейтону, на таком себе полуострове — вручил мне ключи с кожаным брелоком, поржавевшие от воды, и я согласился — и всё было правильно.

— Её зовут Бриджит, — сообщил Бак. У него были мышинные волосы, затянутые в хвостик, а ещё — разило несвежими сигаретами. Запах почувствовался резче, когда он наклонился и похлопал по двери.

— Её?

— Да. Бриджит. В честь девушки из колледжа. Позаботься о ней.

— Позабочусь, — кивнул я.

— И не кури внутри. Вот моё правило. Уважение к девочке.

Трикси ехала домой со мной и положила ноги на приборную панель.

— Забери свои грязные лапти с моей новой тачки, — я шлёпнул её по ноге.

— Бриджит? — поинтересовалась она. — Парень — тот ещё чудака.

— Да, странно. Он работает на пристани. Порядочный. И придержал её, пока у меня не было денег.

— Был в колледже, теперь пристань... — вздохнула Трикси. — Разве колледж — это не круче?

Я думал об этом, пока мы не миновали его "железное озеро", добрались до Хальчиона. Трикси уже всё продумала. Она будет учителем начальной школы, потом тренером команды по плаванию, заведёт семью, но не раньше, чем поживёт год или два в Лондоне. Она знала, чего хотела от жизни. Мама и папа и меня прочили в преподы. Свободное лето — вот что круто, говорил папа. Но я не хотел запереться в классах на девять месяцев. Не хотел учить — хотел рыбачить. Мне нужен был воздух...

— Не знаю. — Протянул я. Мне хотелось быть младше. Родители приняли за меня уже не одно решение... А я хотел отправиться в Миннесотский университет и заняться изучением природных ресурсов. Водой. Так и сказал Трикси.

— Круто, — кивнула она. — Делай то, что от тебя ожидают? Нет. То, что любишь. Жизнь коротка, Бенни, наслаждайся ею.

— Да-да. Конечно.

Она была бы великим учителем.

Я не назвал Жар-птицу Бриджит — но видел Бака однажды в городе. Он ласкал её тогда, сказал, что любит. Тот день показал мне счастье.

Я был бы счастлив, прожить на берегу Хальчиона всю свою жизнь — и прожил бы, не умри Трикси. Может, занялся бы своим бизнесом. Может быть, когда-то устроил что-то крутое. Но в Миннесоте полно озёр. А ещё есть северный штат Висконсин! Я мог уехать из города, подобно Клейтону, и больше никогда не оглядываться назад...

Но не сегодня. Я повернул на стоянке и направился в сторону дома.

17 · Люси

Вечером воскресенья, после моей смены в кафе, я отправилась домой вместе с мамой. Обычно она не задерживалась так надолго, но сегодня решила подождать меня.

Как только мы выскользнули из здания, она промолвила:

— Уверена, ты в курсе, что я нашла Рите замену.

— Да.

— Её зовут Джейлин. Она замужем, есть парочка детей, они живут у озера...

— Мило.

— Летом она не может работать по понедельникам вечером, так что придётся немного перестроить график.

Вечер понедельника. Приход Бена.

— Нет, — это больше походило на выдох, чем на слова.

— Послушай, Люси, это не просьба. Ты должна это сделать.

— Ты не можешь попросить Джинни? Розмари?

— У Розмари дневная смена. Джинни и так пять дней подряд работает.

— Пэтти? Другая официантка?

Она вздохнула.

— Пэтти в понедельник в ночную смену. А отыскать официантку трудно — видишь, как долго я искала Джейлин.

— Мама, я не могу.

— Люси, пожалуйста! Только этим летом! У меня нет больше денег на персонал, учитывая, что ещё надо заменить Клейтона...

Я сглотнула и повторила, что это не только из-за Бена.

— Мама, — начала я, и голос дал слабину, — это мой единственный выходной. Единственный свободный день! Это лето и так достаточно трудное...

Она вздохнула и умолкла. А тогда самым нежным тоном из всех, что я слышала за последние десять месяцев, промолвила:

— Милая, почти год прошёл. Я знаю, что Трикси была самым лучшим другом на свете, все мы её любили, но тебе надо это отпустить. Пришло время двигаться дальше.

Она потянулась ко мне и сжала ладонь.

Она не понимала. Ни она, ни те, кто в школе подбегали и говорили о том, как же это грустно, но надо двигаться дальше, жизнь ведь продолжается!

Я ненавидела их за эти слова.

— Нет, — прошептала я. Слезы катились по моим щекам.

В машине застыло облако ненавистной тишины, обернулось вокруг нас настоящим дымом. И когда мы вернёмся домой, я смогу сбежать на озеро, там Шэй не будет...

Но Саймон!

Он уже стащил два стула к пляжу. Небо тут было сумеречно-синим, но не совсем тёмным.

Я была удивлена видеть его здесь — но это меня не расстроило. Он-то не скажет, что надо жить дальше.

Украдкой проведя рукой по щекам, я присела на пустое место.

— Привет.

— Хэй! Я столько тебя не видел. Скучал, к слову. Тебе лучше?

Прошлым вечером, после рыбалки с Эмили и Беном, я была испита до дна. Я проигнорировала его приглашение и сообщения — потому что плохо себя чувствовала и в кино, вопреки планам, пойти не могла.

— Угу.

Он отпил из своего стакана.

— Мамин чай. Хочешь?

Он протянул мне стакан, но я покачала головой. Его пальцы, казалось, посинели от тона небес.

— Спасибо, всё хорошо.

— А как работа? Я сегодня говорил маме, что можно пообедать в вашем заведении, но она слишком увлеклась своей живописью, понимаешь? Так что пришлось довольствоваться бутербродом, — он рассмеялся. — А это трудно сравнить.

— Ты тоже рисовал? — я кивнула на его размалёванные пальцы.

— А, ну... Да, — он запнулся. — Я не так хорош, как мама, но рисовал. Когда-нибудь тебе покажу, хочешь?

Я кивнула, но не проронила ни слова. Лишь закрыла глаза и откинулась на спинку кресла.

— Мне здесь нравится, — через минутку промолвил Саймон. — Но в таком месте я жить не смог бы. Тут слишком тихо.

— Слишком тихо? — я даже открыла глаза, чтобы видеть его. — Как здесь может быть слишком тихо?

— В Сент-Поле постоянно шумно. Воздух, кажется, твердеет от звука. Сирены, музыка разговоры, крики... Там не утихает даже посреди ночи, — в его голосе почувствовалась неподдельная нежность.

— А тебе это нравится?

— Да — я могу пойти спать, ведь кто-то обязательно будет бодрствовать и следить, что всё так, как надо. И мне не придётся полагаться только на себя.

— И зачем это?

Он пожал плечами.

— Знаешь, тут только моя мама, правда? Мои родители давно уже развелись. Между ними всегда было мало общего... Думаю, тебе следует понаблюдать за моей мамой.

— А где твой отец?

— Он на юге Сент-Пола, не так уж и далеко от нас.

— Тише. Помолви, — прошептала я. — Тут на самом деле не так уж спокойно...

Я улыбнулась, услышав крик гагары над головой, шелест листьев на ветру, ворчание сердитого бурундука и рокот мотора на озере.

— Что ж, мне придётся попросить прощения за ошибку, — ответил он. — Как вы спите под весь этот шум?

— Он успокаивает, — ответила я. — Что бы ни случилось, жизнь на озере продолжается.

— Люси?

— Да?

— Если я кое-что спрошу, ты будешь честной?

Я смутилась, но всё же кивнула.

— Бен, ну... Он был твоим парнем?

Я вздохнула. И что с этим поделать? Вечер неприятных разговоров?

— Нет. Ведь я тебе уже говорила.

— Но ты бы хотела, чтобы он стал?

Я не знала, как ответить. Он попросил меня о честности, и мне хотелось и не солгать, и не рассказать правду...

— Да, хотелось.

— И всё ещё хочешь?

— Саймон... — да разве мои желания имели значения?

— Прости. Ты не должна отвечать.

По правде, часть меня полагала, что мне станет легче, если я промолчу, но всё же...

— Между нами многое изменилось после смерти Трикси. Всё ещё больно.

Он умолк, а потом прошептал?

— Понимаю.

Ему хватило того, что я сказала.

...Вокруг меня кружились комары, и я только раздражённо от них отмахивалась.

— В сарае есть специальные свечи. В следующий раз тебе стоит их захватить, — я потянулась и убила одного из комаров у него на руке. — Разве у вас москитов там нет?

Я ему улыбнулась. Он подался вперёд и сжал мою руку — на этот раз ладонь его была влажной, Бен ничего не видел... И, это было правдой.

Спустя минуту я одёрнула руку — вынуждена была отмахнуться от москита.

— Нас тут заживо съедят.

Саймон встал и с улыбкой посмотрел на меня сверху вниз.

— Я провожу тебя домой.

Мы отправились вверх по склону, к моему дому, и остановились у двери.

— Тут так много звёзд, — промолвил он. — И это прекрасно. Мне бы хотелось нарисовать...

Он склонился ко мне — и его губы коснулись моей щеки самым невинным из возможных поцелуев.

— Приятных сновидений, Люси.

Саймон повернулся и быстро зашагал по траве. Я наблюдала, пока он не скрылся за кустом сирени, а потом прижала ладонь к своей щеке.

Мне он нравился. Нравилась его лохматые волосы, окрашенные краской пальцы. То, как он ко мне относился, что хотел проводить со мной время.

И я хотела провести с ним время.

Вот как мне хотелось думать.

18 · Бен

Мы с Гартри стали заглядывать в кафе вечерними понедельниками спустя пару месяцев после смерти Трикси. Я настолько тяжело переживал минуты, проведённые дома, с родителями, за столом, даже за обедом, где каждый силился произнести хоть слово, которое не напомнило бы о Трикси, что позвонил Гартри и попросил встретиться со мной и посмотреть ночью футбол. А потом — на следующую неделю, и на следующую...

А ведь я даже не любил футбол.

Каждый вечер понедельника мы ели там — даже когда закончился сезон.

Люси обычно этими вечерами не работала. Прошлая неделя оказалась случайностью. Хотелось в это верить.

— Эй, Бен, — сказал Дэниэл, когда я устроился за барной стойкой. — Как там клюёт рыба?

— Прелесть. Воды стало больше после дождя.

— А как люди?

— Прелесть, — повторил я, пусть это было не до конца правдой. Мама как раз не вылезала из постели, и папа всё выворачивал на меня, когда я работал на озере.

— Чего-нибудь особенного? — спросил Дэниэл, и я кивнул.

Особенное по мнению Дэниэла — это барбекю "Бэйкон Бургер". Папа называл это сердечным приступом на тарелке, но на эту тему мы больше не шутили.

Мы вообще больше не шутили, подумать только!

Гартри устроился на стуле рядом со мной. Он был высоким, долговязым, с волосами оттенка тёмной меди — и широким лбом. Наполовину ирландец, наполовину индеец, с низким и ровным голосом — и поразительно спокойный.

— Эй, — промолвил он. — Мне то же.

— Что случилось? — спросил я.

— Ну, мы с Эдди нынче поймали чудного судака.

— Где?

Он на минутку задумался.

— Двенадцать футов. Может, пятнадцать. На теплой линии.

— Да, — а судак нынче уходит глубже. Температура меняется, и водоросли плохо начинают расти...

— И ещё Эдди поймал самого громадного краппи, которого я видел в своей жизни.

— Оставил?

— Не, швырнул его. Ты идёшь?

— Да. Семья с какими-то детьми средней школы. Парень дурень, а девушка ничего, — я на мгновение умолк. — Любопытная милашка.

Напомнившая мне почему-то Люси — только с прямыми зубами и не умеющая даже червяка на крючок насадить. Не то, что надо.

Не то чтобы я искал Люси...

— Итак, — протянул он. — Порвал с Даной?

Воу. Что?

— Порвал с Даной? С чего ты взял? — в горле пересохло, и я потянулся за водой.

— Ну, люди всюду! Слухи ходят, что ты крутился с Люси, вас видели на озере вдвоём...

Я почти выплюнул воду.

— Чего?!

— Да, я пытался развеять этот слух.

— Значит, ты ему не веришь?

Боже, что за дебилизм я мелю!

Гартри сухо посмотрел на меня.

— И зачем мне верить?

Я не ответил, просто покачать головой.

— Слушай, могу я что-то сказать? — спросил Гартри. — Ты знаешь, на курорте хватает девушек. А ты так странно ведёшь себя с Люси. Что случилось?

Я вновь покачал головой.

— Ничего. Понятия не имею, о чём речь. Это ничего не значит.

— Так ты порвал с Даной?

— Нет. Но мы с Люси рыбачили — с Люси и Эмили. Это ведь моя работа.

Дэниэл поставил перед нами две тарелки. Я был так голоден, что едва не вырвал от запаха бекона. На минутку я мог думать только о том, насколько офигенски будет есть эту еду — но потом меня словно ударило под дых.

— Погодь. Дана трепалась, что мы порвали?

Гартри забросил в рот горстку картофеля фри. Он какую-то минуту жевал — и не сразу ответил, словно задумывался над моим вопросом.

— Ты влюблён в Дану? — спросил он.

— Серьёзно, Гартри? Ты ж знаешь ответ.

— Совсем нет, — ответил он.

Он пытался меня разговорить. Но я об этом говорить не буду. Чёрт, нет, я в неё не влюблён.

Дана — такая милая девушка. Нет причин её не любить. Но только не выходит.

Гартри откусил гигантский кусок от своего барбекю. Я, впрочем, вообще не ждал от него ответа.

Как самый младший из пятерых — старший брат и три сестры, постоянно треплющиеся без умолку, как и его маман, — он, как и папа, рано научился тщательно подбирать слова.

Когда он не рыбачил — читать. Никогда не знал о своих предках, а в четвёртом классе вдруг этим занялся. Не остановился. Узнал о куче культур, перешёл к немцам и скандинавам, к французам и канадцам. Он даже дошёл до книги об истории Миннесоты.

Мы оба принялись за еду, а после Гартри протянул:

— И это пройдёт.

— Не корчи из себя царя Соломона, — проворчал он.

Гартри швырнул на прилавок деньги и встал.

— Пора идти. Мы ещё не покончили с судаком.

Я доел барбекю, потом закончил с пирогом, который поставил передо мною Дэниэл, а потом попросил лимонное безе. По правде, я довольно простой парень в еде, вишня там, яблоко, но лимонное безе...

Твою налево, я даже не знаю, что это такое.

...Ушёл в Жар-птицу.

Мне надо было отправиться к Дане и убедить её о том, что о нас с Люси просто судачат. Времени пойдёт немного. Родителей её дома никогда нет — впрочем, это неважно.

Может, и вправду стоит порвать с нею.

Я посмотрел на пустое пассажирское сидение и опять подумал о Люси.

Впервые за всё время я не хотел находиться в этой тачке.

Я поехал к Дане — но у меня не было сил порывать с нею. Не сегодня.

19 · Люси

Ханна вернулась из книжного тура, поэтому вечером в четверг мы остались дома, смотрели всё фильмы и болтали.

— Я и вправду надеялась встретить горячего техасского ковбоя, — сообщила она, — но была разочарована. Только книжные магазины и вечный круговорот гостиниц... Мой первый и последний книжный тур, клянусь! Слушай, давай посмотрим "Молодое оружие". Там жаркие парни, а?

Я пожалала плечами. На самом деле мне было плевать на то, какой фильм мы смотрели, я просто была счастлива от того, что она вернулась.

Трикси, может быть, была дивным факелом, но Ханна — настоящим пожаром.

— Так что там с твоей мамой? Она задаёт тебе жару, — протянула Ханна. Мы остановились у нашей забегаловки, чтобы взять для Ханны ирисовый пирог, о котором она мечтала с самого Техаса, но мама не сказала мне ни слова — с поры разговора в авто.

Я посмотрела на Ханну.

— Она злится на тебя, потому что ты не меняешь график? — спросила она.

— Да. Я посмотрела и попыталась что-то переставить. Думала, что нашла достойное решение, но это ещё её больше разозлило.

— Неужели она всегда такая была? — спросила Ханна. — Вечно в своей забегаловке!

— Нет. Она брала неполный рабочий день, пока дедушка не ушёл на пенсию, и не пришлось всё взвалить на себя. Дэниэл работал в пабе в Миннеаполисе, а она убедила его вернуться и помочь. Потом Клейтон — ему вечно надо деньги. Она позволила ему жить у нас на шее...

— Итак, ты будешь работать в понедельник вечером?

Я покачала головой.

— Нет, стою на своём, даже если мама промолчит до конца лета.

— Повезло тебе.

— Или, может быть, брошу вызов.

Ханна рассмеялась.

— Какой тут вызов, Люси! Ты, милая, слишком лояльна.

Лояльна. О, мой самый громадный недостаток.

— Так или иначе, она заполучит твой вечер понедельника.

Может быть, я и выиграю?

— Итак, что ещё нового? — протянула она. — Ты часто видела Саймона-Арендатора?

Мои щёки от этого порозовели.

— Ха! Так я и знала! Делись!

Я рассказала ей о нашем свидании на Клауд, 9, а ещё о ночи на пляже.

— И ты его поцеловала, да? Ну, ты могла! Милый мальчик, романтический вечер на пляже....

Я кивнула и с удивлением обнаружила, что губы растянулись в милой улыбке.

— Ну, не совсем. Он поцеловал меня, да, но в щёку.

— А, достаточно близко! Когда опять увидите?

— Я его уже видела. Он близко, помнишь?

— Я имею в виду свидание, эй!

Я пожала плечами.

— Так, Люсиль! Ну что ты теряешь?

Когда я не ответила, она обратилась ко мне тихим, нежным голосом:

— Ты не можешь потерять то, чего у тебя нет, Люси.

Она была права. Я отлично знала, что она была права.

Мне хотелось бы записать эти слова в нашем цитатнике, если б он всё ещё у меня был.

Ханна вдруг захлопала в ладоши.

— О, я только что вспомнила! Там завтра ночью Гартри устраивает вечеринку, и ты должна туда пойти. И прихватить с собой Саймона-Арендатора!

— Хм, ладно, — я знала о Саймоне не так уж много, чтобы притащить его к куче людей, из которых он никого не знал, но вдруг ему это понравится? — Я завтра его спрошу.

— Нет, Люсиль! Сейчас и только сейчас! Давай, черкни ему сообщение!

Я схватилась за телефон.

"Сегодня ночью будет вечеринка. Пойдёшь?"

Ханна вырвала телефон из моих рук.

— Ну что я тебе говорила? Вот, Люсиль, теперь кое-что уже есть!

Та часть меня, что чувствовала себя смелой и гордой, возликовала. Саймон ответил вполне ясно — "Да

20 · Бен

Ночью в пятницу Гартри приглашал к себе. Его брат Эдди закатил вечеринку. Дана притащила своих подружек, Гретхен и Кирстен — и совсем скоро я понял, какой громадной это было вечеринкой. Друзья Даны и по отдельности были опасны — и, пьянея, становились более буйными.

А я, пьянея, мечтал от них сбежать.

— О боже! — выдохнула Гретхен. — А они что тут забыли?

Я посмотрел — и увидел направляющихся к нам четверых. В той компании была и Люси.

— Понятия не имею, что она смеет показываться, — остро отметила Кирстен, — после этой езды на лодке!

Гретхен фыркнула.

— Как будто она и вправду верит, Дана, что может увести у тебя Бена!

Иисусе, да заткнитесь!

— Эй, я стою здесь, — отметил я.

— Правда, девочки, — Дана тоже выпила, но всё равно не была сухой. — Это просто недоразумение, да, Бен?

Я скосил взгляд, чтобы выглядеть смиреннее. Даже в темноте можно было рассмотреть Ханну Миллс — длинные ноги, ковбойские сапоги и коротенькая юбочка. Она тащила за собой этого странного бойфренда, Дастина. А за нею шла Люси с тем парнем, что держал её за руку в кафе. Парнем, что возил её на Клауд, 9?

— Так или иначе, что она себе возомнила? — продолжила Кирстен. — Её никто не приглашал! Тут её друзей нет!

— Она дружит с Гартри, — ответил я. — И в последний раз говорю, тут приглашения не нужны. Вас тоже никто не приглашал!

— Пардон, — протянула Гретхен. — Но почему ты её защищаешь?

— Не защищаю, — огрызнулся я.

— Серьёзно, Грет, не верь всему, что слышишь, — Дана потянулась ко мне и поцеловала в щёку. — Правда, Бен?

— Конечно.

Люси со своими друзьями подошла ближе. И когда они приходили мимо, этот придурок потянулся к руке Люси, и она сжала его пальцы.

Позже, когда почти все ушли, включая Дану и её неадекватных подружек-пьяниц, я направился к лесу, чтобы отлить — Люси как раз сидела в одиночестве на пляже, отбивалась от комаров, а на подлокотнике её кресла стояла бутылка чужого пива.

Я и не знал, что Люси с её друзьями ещё была здесь.

И собирался с ней поговорить.

Просто подойти и сказать, что мне жаль. Просто. Она меня простит — и мы вновь будем друзьями.

Я достаточно пьян, чтобы это сказать.

Но Ханна выскочила из ниоткуда, схватила Люси и потащила её по песку.

— Люсиль! Пошли купаться!

Ханна уже стянула майку, демонстрируя бикини.

Люси покачала головой.

А потом Гартри — Гартри? — схватил Ханну за руку, и они бросились в озеро, а Люси осталась одна.

Я сделал шаг к ней, но путь мой преградили.

Этот парень.

Как его зовут?

— Эй, — промолвил он. — Ты Бен, да?

— Какое тебе дело? — я не в настроении для вежливости.

— Мы официально не встречались, но я тебя знаю.

— Чё те надо?

— Хм... Думаю, тебе лучше не трогать Люси, — его голос нервно дрожал.

— И какого чёрта это значит?

— Это значит, что... В её жизни и так много плохого.

Он думал, что мог просто привальсировать ко мне и трюндеть что-то? Он не знал Люси так, как знал её я!

Знал раньше.

— Да ты вообще кто такой?! — выплюнул я.

— Парень Люси, — голос всё ещё дрожал.

Сколько он тут? Две недели? И он её парень?

Он повернулся и зашагал вниз по пляжу, где она стояла, скрестив руки на груди и наблюдая за тем, как плескалась в воде её подруга. Положил руки ей на плечи, повернул к себе лицом, наклонился, чтобы поцеловать.

Парень Люси.

Не я.

21 · Люси

Нашим водителем-трезвенником в пятницу был Саймон, но я тоже не пила. Мне надо было следить за Ханной, что, как светлячок в ночи, порхала от одних людей к другим.

Ей было так хорошо. Мне хотелось отпустить её в беззаботность и свободу. Она с Гартри стояла в озере — брызгались водой. И, кажется, Гартри тоже просветлел.

— Привет, — это был голос Саймона. Он положил руки мне на плечи, повернул к себе.

— Что случилось? — спросила я.

Он не ответил, но наклонился — и без колебаний поцеловал.

От этого сладкого, дымчатого поцелуя по спине пробежала дрожь. Я обвила его шею руками, прижалась к его тёплому телу... Как же он мил.

Он на мгновение отстранился.

— Ничего не случилось, всё прекрасно.

Я спрятала лицо у него на груди, закрыла глаза — и просто позволила себе поверить.

Следующим днём, когда я пришла с курорта, в гостиной с папой сидел Клейтон.

— Ты что тут делаешь? — спросила я.

— Рад тебя видеть, сестрёнка, — он отпил немного из бутылки пива. — Завтра день отца, думал сходить со стариком на рыбалку.

Папа усмехнулся, и они чокнулись бутылками.

Ты позволяешь ему пить? — я упёрла руки в бёдра, но папа только пожал плечами.

— Светлое пиво, Люси, — Клейтон хмуро на меня посмотрел. Он не мог уйти ни с чем. — У тебя месячные, а?

Как типично.

Папа покачал головой.

— Уверен, что этого бы я не пропустил.

— Расти, Клейтон, — ответила я.

Он продемонстрировал мне палец.

— Ты ж не дашь ей сорвать нашу рыбалку, па?

Я зашагала вверх по лестнице в свою комнату. Ещё два года. Ещё два года, и я сбегу, как

это сделал он.

Я слышала их послеобеденные споры.

— Я довольно в опасное время живу, — протянул Клей. — И мне нужна помощь.

Я на цыпочках подошла к краю лестницы, чтобы слышать лучше. Ждала, что папа даст Клейтону всё, что ему надо.

— В опасное время живёшь? — спросил папа. — Ты проехал все эти мили только для того, чтобы заявить такое? Да что за розыгрыш! Мы с мамой круглыми сутками пашем, чтобы оплатить твоё образование, а ты у нас в опасное время? Люси права, тебе пора вырасти.

Мне казалось, что моя челюсть с грохотом упадёт на пол.

— Ладно, пап, мне надо время.

— Нет. У нас для тебя денег нет, Клей, хотя это не относится к делу. Если тебе так нужны деньги, может быть, пора на работу?

— О, супер! Пришёл домой, и что теперь? Ничего?

Я слышала, как хлопнула дверь, и вернулась к себе. Не открою времени до той поры, пока Клейтон не уберётся.

— Невероятно, — промолвил он.

Я повернулась к нему.

— Это ты у нас невероятен! Ты явился домой на день отца, да? О, Клей. Супер. Просто супер!

— Заткнись! — прорычал он. Ушёл в свою комнату, вернулся уже с рюкзаком. — Я ухожу.

Я была не удивлена его поведением, но слова папы меня ошеломили. Он всегда пускал Клея на самотёк — потому что он старше, он мальчик... И я чувствовала, что никогда не доберусь до Клейтонова постамента. Да, несправедливо, но так и было. Удивительно, что папа сказал ему нет.

...Спустя пару минут папа постучал в мою дверь.

— Эй? — промолвил он. — Ты слышала, что я сказал твоему брату?

Я кивнула.

— Он ушёл?

Я вновь кивнула.

— Как думаешь, половим завтра рыбу? Я у Дэниэла и лодку взял.

Я улыбнулась.

— Что ж, не против, — я подумала о Саймоне — он никогда не рыбачил, папа ему всё обещал, но был слишком занят. — А ты не будешь против Саймона? Он прежде не рыбачил, а родители у него в разводе...

Папа кивнул.

— Да конечно! Это будет весело!

Когда я взяла телефон, там уже красовалось сообщение от Саймона.

Но я решила сказать ему о рыбалке лично. Нашла свою обувь — и направилась по дорожке к его дому.

Утром в воскресенье Саймон пришёл после завтрака, почти подпрыгивая от волнения. Папа вручил ему одну из старых удочек Клейтона, и мы отправились вниз по склону к

причали, где красовалась лодчонка Дэниэла.

Я перевернула вверх подушку на сидении.

— Вот твое ЛПУ, — я протянула ему жилет.

— Что?

— Личное плавательное устройство, — я провела по жёлтым линиям, показывая, как надо затянуть ремни.

— О, спасательный жилет. Я давно не бывал на лодке, — он неловко рассмеялся. — На самом деле, это немного не моё.

Он не шутил. После того, как мы бросили якорь, он запутался в снастях и бобинах и паниковал каждый раз, когда его что-то кусало. Но папа был терпелив, как и когда нас учил, и Саймон наконец-то немного вник в процесс.

— И как тебе с мамой на озере Хальчион? — спросил папа.

Саймон прикусил нижнюю губу, поймал москита и улыбнулся.

— Всё хорошо.

Я за него переживала — боялась, что он ничего не поймает и разочаруется в себе, да ещё и они с папой ничего не найдут общего между собой.

— Смотришь что-нибудь? — да, вопрос времени, прежде чем папа спросит о бейсболе...

— Я не совсем любитель спорта...

Папа откашлялся.

— Бывает, — он хотел сказать что-то ещё, но внезапно на горизонте показалась немаленькая рыба.

— Это у неё такие глаза? — Саймон наклонился к ней, сверкающей бронзовыми чешуйками. Её суровый красный глаз и беловатый рот напоминали сцену из фильма ужасов.

— Да. Милаха, правда?

Я рассмеялась над отворачиванием, показавшемся на саймоновом лице.

Папа наклонился и бросил рыбу в озеро.

— Вы её не оставляете?

— Да пусть ещё кто повеселится, — хмыкнул папа. — И что ты делаешь, если не занимаешься спортом?

— Рисую. Когда-то играл на фортепиано, — его поплавок едва не утонул, он подался вперёд в возбуждении, но ничего не увидел. — Стрелял. Смотрел много фильмов. Поклонник Бонда...

— О, агент ноль-ноль-семь! — в голосе папы почувствовалось волнение, и я точно знала следующий вопрос. — А кто твой любимый Бонд?

Я надеялась, что Саймон ответит правильно.

— Я был впечатлён Дэниэлом Крейгом, да и Шон Коннери — это классика, но, по правде... Мой любимый — это Роджер Мур.

Папа повернулся к Саймону и улыбнулся.

— Вот что мне по душе!

А потом удилище Саймона так выгнулось, что он подался вперёд и почти потерял равновесие. Я отложила свою удочку и бросилась к нему на помощь.

— Легонько, — я положила руку на его катушку, и когда мы наконец-то вытащили северную щуку и опустили её в сети, на его лице появилась такая широкая улыбка, что я не могла ничего сделать, только ответить на неё тем же.

22 · Бен

День отца.

Ещё один первый раз без Трикси. День Матери вышел отвратительным, и я не ждал сегодня ничего лучше.

Я встал рано. У меня был выходной, и сколько б мама не шурилась и не кусала губы, я сказал, что мы с Гартри планируем половить судака.

Папа был внизу — не спал. Он сидел на диване, держа в руках пульт, и я тихонько прошёл мимо него, надеясь, что он меня не заметит.

Но заметил.

— Бен, сынок... — всхлипнул он.

Худшее, что я видел. Он пьян, плачет, и с этим не совладать. Гадский День Отца, и я просто хотел слинять отсюда. Не видеть это, не признавать реальность!

Думаю, я на деле не лучше.

— Папа, чего тебе? — мой голос дрожал. — Тебе надо поспать.

— Нет, — ответил он. — Я нужен семье. Третье поколение?

Ух. Мой желудок сжался от жалости. Сегодня ему работать... Сам же на этом настоял, хотя Джон отказывался и предлагал работу мне. Но нет, папа хотел возить Три Поколения Рыбаков! Говорил Джону, что это поможет ему отвлечься.

Отвлечься.

От первого Дня Отца без дочери.

Проклятье.

— Папа, когда тебе надо выходить?

Он что-то долго считал, потом поднёс к губам пустой бокал и разочарованно уставился на него.

— Девять.

Меньше часа. Что ж, проконает.

— Давай, — я помог ему встать, провёл в гостевую. Не стоило поднимать его вверх по лестнице и расстраивать маму — да и я б его не затащил. Я мог себе только представить, как отреагирует мама, когда узрит его — и не хотел быть рядом в то время.

— Я думал, нас повезёт Том, — проворчал старик, когда я встретил рыбаков и представился. Сварливый чудак с покрасневшим обветрившимся лицом...

— Это мой отец, сэр, — сказал я. — И ему нехорошо, так что я пришёл на замену.

— Ну, мать твою, надеюсь, ты знаешь, что делать! Мы немало бабок отвалили!

О, я не смог сдержать смех.

— Знаю, сэр! Я на этом озере вырос.

Средний, сын старого чудака, похлопал меня по спине.

— Пола-а-адим!

Младшему было лет двадцать пять, а уже женатик с ребёнком.

— Пара лет, и тут будет четыре поколения!

— К тому времени я уж помру, — возразил старикан.

Его сын покачал головой.

— Нам так не повезёт.

Я слышал их пересмешки всё утро. Они знали, что делали, так что я просто плавал от одного места к другому. А они быстро заполняли рыбой лодку — окунь, щуки, судаки.

Мы собирались вытащить якорь и вернуться на берег, когда ко мне повернулся старик.

— Так что за дела у тебя, малыш?

— Сэр? — я понятия не имел, что он хотел услышать. Пьяный папаша? Мёртвая сестра, которую я не успел спасти? Пойдёт?

— Я говорю, чего такой красивый парень рыбачит тут с нами троими? У тебя нет дела получше?

Звучало правильно.

Я не знал, почему сказал правду.

— Озеро мне дом. Единственное место, где мне хочется быть.

Он прищурился и кивнул.

— Будь за это благодарен.

Я благодарен, сэр, — и я поднял якорь.

Обещание

Одним тёплым летним днём Трикси и Лулу, будучи уже чуть старше, собрались на пикник, и пошли в свой любимый парк, на зелёный холм, сели среди деревьев у любимого озера. Они мчались через парк, и длинные волосы серебром и золотом развевались за их спинами. Они крутили кульбиты. Руки вскидывали к небу. Они искали четырёхлистный клевер, бросались на клетчатое одеяло. Сидели близко-близко — и грелись на солнце, что прорывалось сквозь деревья.

— Лулу, — сказала Трикси. — Я хочу поговорить с тобой о Бене.

Лулу удивлённо посмотрела на неё.

— А что с ним? — тревожно спросила она. Они нечасто говорили о Бене или о чувствах Лулу к нему.

— Я знаю, тебе трудно видеть его с другими девушками...

Лулу ничего не ответила.

— Он придёт, — сказала Трикси. — Я знаю брата, Лулу. Потерпи.

Лулу прижала колени к груди и положила на них подбородок.

— Откуда уверенность, Трикси? Иногда он так говорит, словно меня и вовсе не замечает.

— Замечает, поверь! И когда-то полюбит тебя так же сильно, как ты его любишь! Как я тебя люблю. Клянусь.

Долгое время Лулу молчала. Она сжимала край одеяла. Думала о терпении, о котором говорила Трикси. А если Бен не поймёт? Что делать, если Лулу будет ждать, а он не полюбит? Что тогда?

Трикси сгребла клевер в руки.

— Протяни руки, Лулу.

Лулу протянула — и Трикси бросила клевер. Он полился по пальцам Лулу.

— На счастье, — ответила Трикси. — Обещаю.

— *Трикси, как ты можешь быть так уверена в чём-то?*

— *Я знаю. Моё сердце знает.*

Июль

Мы никогда не потеряем то, чем однажды наслаждались. Каждая частичка нашей любви

— это частичка и нас самих.

— Хелен Келлер

23 · Бен

Брат Гартри, Эдди, устраивал праздник каждый раз четвёртого июля. Он со своими приятелями отправлялся на середину озера — на островок, который нынче называли Островом Петард. Утром четвёртого мы жарили сосиски над костром — и я спросил Эдди, могу ли поучаствовать.

Он рассмеялся.

— Там нечего делать. Просто связываем, зажигаем одну. А дальше они сами. Или руками. Хочешь?

— Да.

Эдди склонил голову набок, и на его лице появилось какое-то отсутствующее выражение.

— Ты в курсе, что это незаконно.

Я пожал плечами.

— А как же.

— Ты можешь получить дохрена неприятностей, если нас поймают.

— Чувак, три года подряд! Вы, правда, думаете, что какой-то полицейский вдруг вас поймает?

— Твои похороны.

Он умолк на миг.

— Ты понял, о чём я, — промолвил он, вдруг побагровев.

Поздним вечером Гартри, я, Эдди и несколько его приятелей с хоккея взяли фейерверки и отправились на старую лодчонку. На остров пришлось кататься трижды.

Эдди не шутил о ручном труде. Было жарко, и прежде чем мы разгрузили всё первый раз, по спине уже полился пот. Я стянул рубашку — и таскал деревянные ящики Эдди с берега на полянку. Каждый раз приходилось укладывать всё отдельно — ящики были пронумерованы от одного до двадцати шести

— Нет тринадцатого, — промолвил я, обращаясь к Гартри. Тот нёс номер четыре —

римские свечи.

— Эдди суеверен. Не виню его — не стоит смешивать неудачу и пиротехнику.

— Не стоит смешивать пиротехнику и алкоголь, но это их не останавливает.

— Эдди сегодня не пил. Я тоже.

— Что ж, напьюсь за вас.

— А где сегодня Дана?

Я склонился к коробке номер семь, за тортами.

— Видимо, я не так неотразим, как сначала казалось. Она ходит с мамой и сёстрами где-то в торговом центре по магазинам.

— Это кажется несчастьем, — он поднял коробку и рассмеялся. — Проверь. Бог огня. Внимание — беги от пылающих шаров! Это будет круто!

К тому времени, как все были готовы к работе, вокруг была целая куча людей.

— Ты можешь остаться там, — сказал Эдди мне и Гартри, а потом указал на берег. — Всего один зажечь, дальше оно само.

— И сколько вы тратите на это дерьмо? — спросил я.

Эдди пожал плечами.

— Да как на рояль!

Дерьмо. Если б только у меня были такие деньги, я б не тратил их на фейерверки.

— И что за эти деньги у вас есть? Двадцать пять, тридцать минут?

— Да, но зато какая крутотень! — фыркнул Эдди и помахал рукой платформе с фейерверком. — Это ж произведение искусства! Ноу-хау, идеальная последовательность, знаешь?

— Не совсем.

— Если мы что-то делаем, стоит ли оно наших усилий? — хмыкнул Эдди. — Вот ты сидишь целый день в лодке, но ничего не наудил. Оно того стоило?

— Такого не бывает, — пошутил я.

— Я говорю в целом. Такой опыт, знаешь?

Опыт.

Мы придвинули стулья к берегу. Я не был пьян. А жаль. Но устал — и спрыгнул со стула и растянулся на холодном песке. Нет ничего страннее лета на озёрах Миннесоты. И воздух влажный... Медленно вспыхивал берег...

— Всё готово? — заорал Эдди, и в небо рванулись первые снаряды.

Я думал о его словах — скорее об опыте, даже если всего на пару минут, что не стоят подготовки.

Небо замерцало белым.

— Супер! Идеально! — заявил Гартри.

Комар жужжал у моего уха. Я только досадливо отмахнулся.

— Люси, — промолвил я. Вырвалось само собой. Я не думал о ней весь день. — Ести ведь песня о Люси и бриллиантах в небе?

Гартри рассмеялся.

— Типа того.

24 · Люси

На Четвёртое Июля Саймон отправился домой, поэтому я проводила ночь у Ханны. Мы сидели на палубе, ждали заката и фейерверка над озером Хальчион.

— Ты скучаешь по своему парню? — спросила она, протягивая мне стакан лимонада.

— Да, — я сделала пробный глоток. — Что тут?

— Водка, что ещё, — она села. — Ты в него влюблена?

Я пожала плечами.

— Не знаю.

— Полагаю, мы могли бы попытаться понять это. Впереди целая ночь, — она дотянулась до телефона и скользнула пальцем по экран. — Итак, любовная викторина.

— Ханна...

— Вопрос один. Когда вы впервые его увидели, вы подумали: А. Он симпатичен. Б. Не нашли его привлекательным. В. Не посмотрели на него второй раз. Г. Посчитали его очень красивым.

Я закатила глаза, и Ханна расхохоталась.

— Два. Как вы часто думаете о своём милome, когда далеко друг от друга? Милом? Это что, сороковые? А. Каждый миг. Б. Несколько раз в день. В. Раз или два. Г. Почти никогда. Ну-у-у!

— Ханна.

— Ладно, — она крутила дальше. — Минутку! Подходит для тебя! Ваш возлюбленный вручает вам карточку. Вы будете — спать с нею под подушкой, ответите запиской, отбросите в файл, выбросите.

Я потянулась в карман и нашла агат. И не сказала Ханне об этом.

— Ты уже остановилась?

— А ты не хочешь узнать?

— Я не собираюсь выяснять это по викторине, найденной в Интернете, — я сделала паузу. Все эти вопросы не соотносились с Саймоном — да, он симпатичен и мил, но...

Притягательный.

Каждый миг бодрствования.

В кармане...

Я сделала глоток своего лимонада. Алкоголь меня расслабил.

— А ты? Дастин — он именно твой?

Она рассмеялась.

— Мне тесты для того, чтобы Дастин мне нафиг не сдался, не нужны. Он весёлый, с ним можно хорошо провести время, но это не для меня. И кто сказал, что это должна быть настоящая любовь? Просто хорошо провести время, попробовать новенькое, познакомиться с новыми людьми. Что в этом плохого?

— Ничего, наверное.

— Как у тебя с Саймоном, да? Тебе с ним весело?

Весело. Он внимателен. Водит меня в кино, мы играем в мини-гольф, даже если он и не стал лучше, я сижу на берегу озера с ним, пока он рисует. Вот что мне нравится — его акварели и акрил. Иногда мы ходим на пляж у наших домов, скрываемся за густыми деревьями и целуемся на песке, пока дыхание не сбивается, а губы не опухают.

— Да, он мне нравится.

Её стакан опустел, так что она отпила из бутылки.

— Люсиль, совершенно нормально, что тебе нравится Саймон. Или кто-то ещё. Тебе разрешение не нужно!

Она не сказала, что особенно разрешение Бена.

— И никто не говорил, что это должна быть любовь, — продолжила она.

Я тяжело вздохнула. Влюбиться в Саймона — в кого-либо, кроме Бена, — страшно. Вихрь промчался по моему телу, добрался до ног, но теперь в них почувствовалось и облегчение. Это не обязательно должна быть любовь.

Но у меня и Саймона впереди ещё целое лето, и оно будет просто замечательным!

— Я знаю.

— Помни об этом, хорошо? — она тряхнула своими светлыми волосами. — Посмотрим фейерверк из середины озера? У нас папа новую лодку купил!

Спустя несколько дней после четвёртого числа я завтракала на курорте, и Тами заявила:

— Наш племянник женится в Дулуте через несколько недель, и я подумала, не посидишь ли ты с Эмили?

— Замечательно, — немного неуверенно подумала я. Первым вопросом, что возник у меня, с какой стороны племянник, Джона или Тами? Если Джона, тот двоюродный брат, которого я встречала, там будут Бен и его родители.

— Мы отъедем в пятницу утром и вернёмся в воскресенье, — она болтала об отеле и о церкви, о репетициях, и хоть бы раз сказала, кто женится, так что через пару минут пришлось оборвать её быстрым жестом.

— А чья свадьба? — спросила я.

— Аарон. Ведь ты его знаешь, да?

Кузен Бена. Я быстро кивнула.

Тами болтала без умолку.

— Это будет неплохой отдых — за Эмили постоянно смотреть не надо, у тебя будет свободное время. Наш отель на берегу гавани, у нас две комнаты, так что у вас с Эмили будет своя... Люкс — она уснёт, сможешь посмотреть фильм...

Я кивнула. Ведь я их няня, конечно, они ждут, что я поеду с ними. И я люблю Дулут...

— Я так рада, что ты будешь с нами! Тебе надо проветриться. Может, если вы с Беном побудете вместе...

— Что? — вдруг стало душно. О чём она? Она пытается исправить наши с Беном отношения?

У Тами на лице появилось это ужасное сожалеющее выражение.

— О, Люси, я знаю, как тяжело тебе после смерти Трикси. Моё сердце разбито. Ты потеряла лучшего друга. И Бен... Не знаю, что между вами было, но теперь вы не дружите. Может быть, если б у вас была возможность поговорить...

— Нет! Прошу, хватит.

— Люси...

Я больше не могла об этом говорить.

— Эмили ждёт меня в домике на дереве. Мне пора, — я выскользнула через дверь на улицу и рванулась к старому дубу.

Я залезла наверх и уселась на изношенных половицах, прижавшись спиной к фанерной

стене, пока Эмили играла в чаепитие. Думала о поездке в Дулут и о прошлом лете, о семье Трикси и лучших выходных в моей жизни.

В каюте мы с Трикси смотрели на озеро, Бен гулял по каменистому пляжу...

— Агаты — тоже кварц, — сказал он. — И они уникальны из-за железа в почве. Окись дарит им цвет. Хочешь посмотреть?

Я посмотрела на Трикси. Она улыбалась.

— Конечно!

— Знаешь, что агаты на этом озере — это драгоценности Миннесоты? — спросил Бен. — Агату больше миллиарда лет. Он из лавы... Миллиард лет!

Я кивнула, улыбнулась, а он рассказывал мне о ледниках и о том, почему агаты отсюда можно найти в других регионах государства, и меня приводило в восторг то, что он рассказывал о том, что любил.

А потом, в те же выходные, мы остановились в магазине на Бэвер Бэй, забитом агатами. Бен час рассматривал один из них и напевал себе под нос. А потом мы с Трикси устали ждать и отправились за мороженым в соседнюю закусочную.

Мы сидели на скамейке у магазина с агатом и слизывали сладкие капельки с вафельных стаканчиков.

— Скалы скучны, — сказала Трикси.

— Не знаю, — ответила я, — агаты любопытны...

— Только потому, что Бену нравятся, — прошептала она и понимающе улыбнулась.

Когда Бен наконец-то вышел из магазина, он только сказал:

— А для меня тут есть? — он указал на меня. — Этот, да?

Я догрызла мороженое и кивнула.

— Наконец-то! — воскликнула Трикси. — Почему так долго?

Бен улыбнулся.

— Я не мог уйти, пока не нашёл то, что искал.

Трикси закатила глаза.

Он посмотрел на меня и улыбнулся уголком рта.

— Лулу, у тебя на лице мороженое, — он повернулся к авто.

Я покраснела и быстро утёрла губы салфеткой.

— Давай, — потянула меня за руку Трикси. — Пора убираться отсюда.

Бен оставил дверь авто открытой. Трикси встала, я последовал аза нею.

— погоди, — Бен потянул меня за машину и втиснул что-то в руку.

Я посмотрела на предмет на своей ладони. Самый прекрасный агат — не совсем овальный, меньше дюйма в ширину... Камень был отполирован до блеска, такого глубокого алого цвета с полосами цвета слоновой кости, с вкраплением розового и серого — и это формировало букву "Л".

— О, — выдохнула я. — Для меня?

Что за глупость я ляпнула!

— Да, — Бен улыбнулся.

— Это прекрасно, — он понял. Агат был идеальным — от формы до того, что Бен выбрал его для меня. Сердце колотилось в груди. — Спасибо.

Спасибо. Всё, что я могла. Следовало сказать больше, но не перед Трикси и их родителями.

Что-то между нами было.

— Ну, что? — Трикси выглянула из фургона, и я повернулась к ней, пряча сокровенное в карман.

Я не хотела, чтобы Трикси увидела. Не хотела, чтобы она знала. Это наш с Беном секрет. Единственный секрет от неё.

Долгое время, пока мы ехали вдоль берега, я не говорила. Не могла. Я смотрела на голубую воду и думала о Бене, что молча сидел рядом со мной. Я сходила с ума, не зная, о чём он думал. Хотела сказать больше, расспросить его — случайно ли он увидел этот агат и подумал обо мне или специально искал его? Крошечное чудо — полированный камешек...

Я так и не спросила.

Интересно, сколько сотен он собрал? Интересно, что думает о моём агате? Агате для Лулу, для любви... Что он думал обо мне, к слову?

А что он думал, когда сказал о смерти Трикси — когда Клейтон закричал, что не может её найти?

Я никогда об этом не узнаю.

Теперь, в домике на дереве у Эмили я вытащила агат из кармана, провернула его между большим и указательным пальцем...

25 · Бен

Тами поймала меня, когда я уже шёл к тачке, чтобы уехать домой после дня на берегу озера. Я был с парой вечно ноющих парней — таких неопытных и кошмарных... Я весь вспотел и был раздражён.

— Постой, Бен! — воскликнула она. Она была босиком и утирала руки кухонным полотенцем. — Можешь сказать маме, что надо забрать Люси в пятницу, чтобы встретиться на репетиции ужина.

Зачем им Люси? Куда ей на свадьбу?

— Люси?

— Я тебе не говорила. Она поедет, поможет с Эмили...

Люси собирается на свадьбу. Дерьмо!

— Да. Я скажу маме.

— Спасибо. Мне пора, спагетти выкипает. До завтра!

Я сел в горячую машину и хлопнул дверью.

Я не возвращался в Дулут с того последнего раза, с той поры, как умерла Трикси. Трикси умоляла Люси отправиться с нами, и она согласилась. Мне было шестнадцать, и она сводила меня с ума, эта милая девочка. Прямо перед поездкой всё и началось. Мне нравилась Лулу. И я знал, что ей тоже нравился. До конфет даже. Это было так естественно.

Я любил в Лулу её смех, её улыбку... Её белые зубы, совершенно прямые, кроме тех двух, что так беспокоили её, даже если никто не замечал, пока она сама не тыкнет пальцем. Её длинные каштановые волосы. Мне нравилось, как она раздражалась каждый раз, когда забыла их причесать, прежде чем мы отправлялись на лодку, нравилось, как она скручивала их и перевязывала леской. Нравилось, что она весь день могла провести на лодке и не устать, как на носу выскакивали веснушки — после всех часов на солнце. Я любил её взгляд, её

возбуждение, интерес и поражение. Она могла смотреть в глаза — и ты тогда чувствовал, что никогда не желал большего...

Я любил, когда она на меня смотрела.

Как в тот день на берегу озера, когда мы отыскиали те статуи — пять десятков на скалистом берегу! Она смотрела на меня широко распахнутыми глазами, пыталась балансировать на горах, а после, смеясь, прыгнула вниз.

— Так жаль! — она весело смеялась, и это был самый прекрасный звук на свете.

Я никогда не хотел уходить оттуда — так и остался бы с Лулу на берегу.

Я любил её.

В Дулуте всё было просто идеально. Трикси была жива, а мы все ещё понятия не имели, что именно принесёт это кошмарное лето. И Люси тоже тогда была с нами, счастливая и поражённая энергией озера.

Эта поездка в Дулут будет совсем другой. Трикси больше нет. Люси больше не Лулу, и в этом я могу винить исключительно самого себя.

Я повернул Жар-птицу и отправился домой, чтобы передать маме слова Тами.

26 · Люси

Кузен Бена Аарон женился в массивном соборе, откуда открывался вид на озеро. Это был облачный и ветреный день, но Аарона и его невесту Марию всё устраивало. Они казались влюблёнными и счастливыми. Я стояла снаружи и наблюдала, как щёлкал фотограф — на фото не попадали ни холод, ни ветер.

Когда Джон и Тами уже отправились на свои места, Бен остановился в проходе рядом со мной. Он протянул руку, и я задрожала, взяв его под локоть. Под тканью пиджака напрягались мускулы — мне вдруг стало так тепло, после всего этого адского ветра. Мы последовали за Тами под руку с Джоном — и за Эмили. Когда оказались на месте, я отпустила руку Бена и почувствовала холод. Я посмотрела на него — интересно, чувствовал ли он что-то? Если и да, то не показывал этого.

Джейн и Том сидели на скамье перед нами. Джейн обернулась во время свадебного марша и смотрела на нас. Её глаза наполнились слезами, но она улыбалась, а когда началась церемония, обняла Тома за руку и положила голову ему на плечо.

Конечно. Для них это мучительно.

Том никогда не поведёт свою дочь. Джейн не станет матерью невесты.

Церемония была длинной и красивой. Читал отрывок из Библии Джон. Эмили сжимала мою руку, пока говорил её отец, и его слова раздавались по всей церкви. Она зааплодировала, когда он закончил — и смущённо оглянулась, когда её никто не поддержал. Я лишь погладила её по голове и поцеловала в макушку, наполняясь любовью к этой крохе, напоминавшей мне о Трикси.

Когда я шла в приёмную с Эмили, меня поймала Джейн.

— Люси, милая, так приятно тебя видеть, — она заключила меня в объятия, и я замерла, не зная, что и делать. Когда она отступила, я выдохнула с облегчением. — Замечательно

выглядишь! Как ты, моя дорогая?

— Я в порядке... — прошептала я.

Она склонила голову, словно чего-то ждала.

— Извини, мне пора. Мы с Томом и хозяева... Я скоро приду. Хотела бы услышать... — она запнулась. — Мне, правда, пора.

Она такая прекрасная, мама Трикси, а я — жуткий человек! Не пришла к ней! Я так закуталась в своё горе, что и не думала о ней и о Томе.

Эмили взяла меня за руку.

— Люси! Люси, пошли к маме и папе!

Позже, после обеда, когда все тосты в честь пары были произнесены, станцевали уже первый танец и сфотографировались вновь, Эмили потянула меня с Тами на танцпол.

— Она растёт, — сказала я Тами. Нас обеих беспокоило, что она будет капризничать после долгого дня в церкви, и я была уверена, что мы скоро вернёмся в номер.

— Это благодаря тебе, — ответила Тами.

Эмили повисла на наших руках и принялась качаться. Она увидела Бена и потащила в круг ещё и его. Он присоединился к нам, стал между Тами и Эмили, прямо напротив меня, но не смотрел. Музыка стала медленной, Бен взял Эмили на руки и покачивался с нею, пока она визжала от восторга. Тами улыбнулась и повела меня обратно к столу.

— Спасибо, что поехала с нами, — сказала она, когда мы сели. — Без тебя было бы хуже. Ты часть семьи, — её голос звучал грустно, и я знала, что она думала о Трикси.

Я кивнула, задыхаясь от её слов. Отпила глоток воды — лёд таял, и я смотрела на то, как что-то крутилось в воде.

Гудел телефон — весь день Саймон слал смс. В пятницу утром, прежде чем меня увели Джон и Тами, он так крепко поцеловал меня и сказал:

— Я буду скучать, Люси. Заем печаль вашим пирогом.

— Всего два дня, Саймон.

— Два с половиной. С Беном, — в его голосе была ревность.

Я нахмурилась.

— Тебе не о чем беспокоиться.

— Надеюсь, — он изогнул бровь.

"Надеюсь, тебе весело", — вот что писал Саймон. И просил позвонить.

Я собиралась ответить, когда увидела, что Бен стоял рядом, протянув руку. Я тяжело вдохнула воздух.

Эмили прыгала вокруг нас на одной ноге.

— Бен хочет потанцевать с тобой, Люси! — она перепрыгивала с одной ноги на другую.

Я не могла и двигаться. Не знала, смогу ли быть так близко к нему.

Мне надо быть рядом с ним...

Я дрожала, пока он вёл меня к танцполу. Музыка была медленной и романтической, он обнял меня — это походило на сон. Положил руки на талию, я обвила руками его шею, мигом забыв обо всех поцелуях Саймона.

Так было бы, не испорти всё прошлое лето. Я закрыла глаза и представила, что было бы, если б Трикси не умерла. Может, Бен меня не оттолкнул бы. Может, мы были бы вместе в тот день, он дёрнул бы меня за хвост и сказал что-то важное. Может, я была бы на свадьбе не няней, а девушкой Бена. И тоже была бы на семейной фотографии — он рукой обнимал бы

меня за талию, — а не стояла бы в стороне.

Его пальцы скользнули по ткани моего платья, прижали к себе, и по спине пробежала дрожь. Я желала, чтобы он обнимал меня вечно.

Песня закончилась слишком рано, и Бен ничего не сказал. Он подал мне руку и проводил обратно к столу.

Этот миг закончился — но я ещё чувствовала его руки на своей талии, его прикосновения... И мы не сказали друг другу ни слова.

Эмили всё ещё плясала.

— Бен, потанцуешь со мной?

— Эмили, — сказала я, — тебе надо немного привести себя в порядок?

Она кивнула.

— Я сама, — сказала Тами.

Я покачала головой.

— Не стоит, — мне нужна была минута, чтобы успокоиться и вернуться к реальности. Я потянулась к своей маленькой бисерной сумочке, но рука задрожала, и она упала. Всё вывалилось на пол — блеск для губ, монеты, конфетка, агат...

О нет.

Агат.

Я так быстро опустилась на колени, чтобы его подобрать, что мы с Беном столкнулись лбами.

— Мне жаль, — я потянулась к агату, но он перехватил его первым.

Он поднял его, положил на ладонь и пальцем провёл по "л".

— Почему в сумочке? — голос звучал хрипло.

— Потому что на платье нет карманов, — я поняла, как смешно это звучало.

— Но почему с собой? — голос теперь звучал мягче.

— Всегда со мной, — прошептала я. Сунула вещи в сумку, встала, радуясь, что могла уйти, но Эмили и Тами уже ускользнули.

— О, — выдохнула я. Голова кружилась — я слишком быстро встала, — и Бен поддержал меня рукой, когда я пошатнулась. Его пальцы заставили моё сердце забиться пуще прежнего — бедное, разбитое...

Теперь Бен знал об агате, о том, что я его ещё люблю. Мне нужен воздух. Надо отдышаться. Я выдернула руку — и убежала на улицу.

Тут было прохладно, и я устроилась на свободной скамейке, но услышала его спустя миг.

— Люси, стой! — позвал Бен.

Я замерла — ничего больше не могла сделать. Он встал передо мной, и наши взгляды наконец-то встретились. Такой красивый в смокинге, с ослабленным галстуком, и эти его кудри.

— Я... Мне нужен воздух... — я чувствовала себя такой дурой.

Я опустила голову, чтобы не смотреть, но он кончиками пальцев поднял мою голову за подбородок. Я боялась, что он меня поцелует — боялась и хотела этого больше всего.

— Хорошо.

Он потянулся к моей руке, перевернул ладонь, положил на неё агат и сжал вокруг него пальцы. Я задержала дыхание, ожидая его ответа.

Он вздохнул.

— Саймон... Он твой друг?

Я тяжело вздохнула, но кивнула.

Он долго молчал, потом прищурился.

— А он в курсе, что ты носишь с собой?

— Что.

— Агат.

— Нет, — заикнулась я.

— Будь осторожна, Люси. Не заставляй своего бойфренда ревновать, — его слова звучали остро и насмешливо.

Когда я не ответила, он продолжил.

— Не то чтобы агат что-то значил...

Меня мутило. Его слова в тот день... Он схватил разбитое сердце и расколотил остатки.

Агат всё значил.

Я не могла стоять рядом с ним. Пять минут назад и близко боялась подойти — и мечтала, чтобы он меня удержал...

— Мудак.

Он содрогнулся и закрыл глаза — но не раньше, чем я увидела его боль.

Замечательно. Я тоже этого хотела.

Он повернулся и зашагал обратно в отель, и я осталась одна.

Я не могла дышать.

Осторожность? Поздно. Надо было быть осторожной, когда он разбил мне сердце.

Когда я вернулась в приёмную, Эмили уже спорило. Она сидела на коленях у Тами, положив голову ей на плечо. Она проснулась, и я взяла её за руку, чтобы отвести к лифту, радуясь своему побегу.

Не так должна была пройти ночь. Бену следовало меня избегать — и найти миллион оправданий, чтобы не танцевать.

Я разжала кулак и посмотрела на агат.

И прежде чем добралась до этажа, решила, что Саймону повода для ревности не дам

27 · Бен

Она совершенно права, я тот ещё мудак.

Я ушёл от неё — сердце колотится, в руке агат. Агат. Всегда.

Почему я всё ещё умудрялся плевать на это?

Как только я вернулся в зал, направился к Аарону.

— Эй! — воскликнул я. — Поручишься за меня в баре?

Мой кузен усмехнулся и кивнул, а тогда протянул Нейт, его шафер:

— Я тоже могу, малыш. На стоянку.

По пути Аарона перехватила Мария, но шафер оказался славным малым, проводил меня к мини-бару в чёрном громадном авто.

— И чем ты будешь отравляться? — поинтересовался Нейт, и я потянулся к маленькой

бутылке текилы. Нет смысла ничего скрывать. — Ты уверен?

Я кивнул.

— Тогда бери, — кивнул второй парень. — И если спросят — ты не у нас это взял.

Я быстро отсалютовал ему и отправил бутылку во внутренний карман смокинга. Отыскал по пути скамейку, ту, у которой перехватил Люси — я полагал, что её там больше не будет, и не ошибся.

Я сидел под тусклым светом фонаря и слышал, как волны бьют о берег. Раз за разом. Думаю, волны смывали вино, тупость, горе... Горе. Всё смывало. Или, может, это текила?

С нею мы точно подружились.

Мы бы весело провели время, если б только к нам с текилой не присоединилась младшая сестра Марии.

Сестра: Хэй!

Я: Хэй...

Сестра: Что там?

Я, перехватывая бутылку: Мой хороший друг, текила.

Сестра, отбирая бутылку и подпрыгивая: Приятно познакомиться, текила! Я — Алисия!

Я: Алис... ах...

Сестра, прикладывая к губам бутылку: Хороший друг, но я бы предпочла узнать тебя, Бен.

Она знала моё имя и обладала прекрасной широкой улыбкой, будто бы луна на воде. Ослепляло.

— Ты мне нравишься, — сказала она, и мне этого хватило. Мы сидели на скамье, курили сигарету за сигаретой, но когда она заявила, что пойдёт со мной в комнату, я засмеялся и закашлялся от вдыхаемого дыма.

— Уверен, мои родители не оценят.

— Родители? А ты для этого не стар?

— Это важно? Тебе-то сколько?

Она хмуро посмотрела на меня и одёрнула своё платье. Встала, ушла, но я её не остановил. Она оставила пачку сигарет — расплата за то, что допила мою текилу.

Остаток ночи прошёл в тумане — но я как-то добрался в гостиничный номер. Пару часов провёл на полу в ванной, но проснулся в постели, всё ещё в своём смокинге, со ртом, полным пепла, головной болью и кислотой во рту.

Я заслужил это, как и то, как меня назвала Лулу.

Я то ли спал, то ли потерял сознание — с её именем на губах.

Казалось, прошло всего пару минут, когда мама вытащила меня из постели и сказала, что пора идти и что-то открывать.

— Зачем мне туда? — пробормотал я.

— Потому что ты на свадьбе! Шевелись!

За завтраком я едва выдержал запах вафель и яиц. Папа с чашкой кофе сидел рядом. Он покачал головой, открыл рот, словно собирался что-то сказать, но я оборвал его.

— Помолчи. Уверен, у тебя ещё хватит возможностей надрать мне задницу этим летом.

Здесь была Люси с Джоном, Тами и Эмили, но они сидели за другим столом, и Люси повернулась ко мне спиной. Замечательно.

И маленькая сестра невесты, Алисия, бросала в меня кинжальные взгляды. Она

наклонилась к Марии, прошептала ей что-то на ухо, и та, посмотрев в мою сторону, рассмеялась.

Все свидетельства стёрла из памяти текила.

Но что вело к этому?

Да и так ясно.

Например, когда мы позировали для фото на ступенях церкви, эта дурацкая мысль, что Люси — наша! — должна стоять тут.

Или когда я повёл её по проходу во время церемонии и подумал, что можно бы и повторить! Её пальцы дрожали, и я хотел взять её за руку, сказать, что мне жаль, что хочу жениться на ней...

Иисусе.

А потом, когда я думал, что хуже не будет, всё испортил.

Люси выглядела великолепно, Эмили хотела этот танец. И разве я мог отказать? Кому угодно...

И прежде, чем я понял что-то, Лулу оказалась в моих руках. Такая красивая. А как она пахла полевыми цветами! Она застыла в моих руках именно так, как должна застыть любая нормальная девушка, и я мог бы танцевать с нею целую вечность, а ещё я надеялся на то, что проклятый ди-джей всё-таки сподобится поставить ещё одну, хотя бы одну медленную мелодию, и я смогу прижать свою девушку к груди.

Свою девушку. Так ведь Лулу совсем мне не девушка!

Я мог бы прижимать её к себе на свадьбе, но не в реальности. В реальности мы слишком изломаны.

Мама смотрела на меня зло, поджала губы. Мне следовало чувствовать себя виноватым — ведь её дочь умерла, а сын так разочаровывает. Но у меня не осталось ничего, кроме похмелья и дурноты от сигарет — и желания убраться отсюда.

Но почему я спешу вернуться домой, где на самом деле всё ещё хуже?

28 · Люси

Воскресным утром Джон и Тами оставили меня у моего дома. Это был долгий день. Начиная с завтрака и открытия подарков, где Бен казался адом и не взглянул на меня ни разу. А Эмили устала и, возвращаясь домой, раздражалась.

Я была счастлива, что мама дала мне выходной, взяв смену на себя. Я с нетерпением ждала горячего душа, тихого вечера с хорошей книгой и настоящего выходного завтра.

Я не удивилась, обнаружив Саймона на своём крыльце — он вытянул свои длинные ноги и впихнул в ухо наушник. Подскочил, увидев меня, отбросил наушники в сторону и схватил мои сумки.

— Давай я отнесу.

— Долго ждёшь?

— Не очень, — он улыбнулся — и лицо будто засияло. — Я скучал по тебе, Люси, — он поставил чемодан у лестницы и обнял меня одной рукой, изгибая бровь. Притянул к себе, осторожно поцеловал — поцелуи его успокаивали.

Но я всё ещё чувствовала руки Бена на своей талии во время танца, его касания и разряды, бившиеся о моё разбитое сердце. Пришлось отогнать дикую мысль.

Саймон отстранился и тихонько промолвил:

— Ты в порядке?

— Да, — не совсем.

Он улыбнулся.

— Как свадьба?

— Хорошо, хорошо, хорошо...

— О, настолько?

Конечно, я не могла ответить правду.

— Замечательно, — солгала я. — Дулут прекрасен, свадьба тоже...

— Хочешь сегодня что-нибудь посмотреть?

— Я очень устала. Завтра вечером?

Он улыбнулся.

— Обещаешь?

Он удовлетворился моим кивком и поцеловал на прощание.

— Я возьму тебе пироги, — ответил он.

Я оттащила свой чемодан наверх в комнату и рухнула на кровать, полностью исчерпанная. Агат колот в бедро. Я вытащила его и провела кончиком пальцев по "Л".

Бен.

Я встала, подошла к комоду — на нём стояла кедровая шкатулка с изображением маяка на крышке, сувенир с той поездки, наполненная доверху мелкими камушками, что я собрала на берегу. Я положила туда агат Бена и, тяжело вздохнув, закрыла крышку.

Я как раз облачилась в пижаму, когда позвонила Ханна.

Я передала ей двухминутную версию моих выходных, и она пообещала тот час же прийти.

Я хотела побыть одна после выходных без минуты на себя, упасть на кровать и спать, но нуждалась и в Ханне, потому ждала её в гостиной.

Она вошла в дом без стука, балансируя на громадных каблуках, протянула мне коктейль и опустилась в кресло отца.

— Давай. Хочу услышать все грязные детали!

Я рассказала, даже об агате. Без агата всё теряло смысл. А я ведь даже Трикси об этом не говорила.

— Стоп, — протянула она. — Сколько ты таскалась с этим камнем? С агатом? Каждый день целый год?

— Да.

— В кармане.

— Да.

— От мальчишки, с которым вы не целовались?

Я почувствовала, что краснею.

— Боже, Люсиль, ты целовалась с Беном и не рассказала мне?! — она закричала так громко, что это даже Саймон мог услышать во дворе. — Когда?

— Ничего не было, — ответила я.

— Плевать! Рассказывай.

Я сглотнула свои жаркие слёзы.

— После похорон... Он отвёз меня домой и... поцеловал.

— После похорон сразу?

— Да.

— А потом?

Потом.

Потом он меня разрушил.

Я покачала головой.

— Он сделал тебе больно, — выдохнула Ханна. — О, да пошли ты его.

Я вздохнула и поставила на столик чашку.

— Бен не проходит. Так всегда. К тому же, у меня есть парень. Саймон. Помнишь?

— Милая... — она запнулась, а потом продолжила. — Тебе знаешь что нужно? Уехать отсюда.

— Я только вернулась.

Она хохотнула.

— Давай скажу иначе. Уйти от Бена! Родео!

— Родео?

— Тут что, эхо? Да, родео! Ничто не веселит больше горячего ковбоя с чем-то потвёрже между ногами.

Я закатила глаза.

— Ненавижу разбивать мечты, но на озере Хальчион нет родео.

— Детка, да ведь родео есть в Южной Дакоте! Следующие выходные! — она завизжала.

— Что?

— Серьёзно?! Ты никогда не слышала? О, ты и не жила!

— Ханна, я не могу отправиться в Южную Дакоту.

— Можешь! Мой кузен подсобит с билетами, и мы можем остаться в палаточном лагере. Это поразительно! Вот что тебе надо!

Я покачала головой.

— Родители мне не позволят.

— Позволят, конечно! Дастин отвезёт. Возьмём Саймона — твои родители ведь не против? Он им нравится. А с двумя сильными мужчинами для защиты, каковы причины для отказа?

— Ты правда, веришь, что мне позволят поехать в Южную Дакоту с двумя полужнакомыми парнями и с тобой?

— Оно того стоит, правда? — она усмехнулась.

Когда в голове у Ханны вызревала идея, особенно сумасшедшая, её было не остановить. Я знала, что ей понадобится всего несколько недель, чтобы убедить забраться на старую водонапорную башню, при моём-то страхе высоты. Да, она права — мы забрались туда, у меня кружилась голова, но там было шикарно.

— Так что? — вновь повторила она.

Я была измождена. Она поставила на столик пустой стакан и села рядом на диван, потянулась к пульту.

— Посмотрим кино. Тебе поможет, — она щёлкала по каналам, пока не отыскала старый фильм с хэппи-эндом и Мэг Райан. — Это тебя повеселит, клянусь.

Моё сердце было переполнено любовью к ней. Мы дружили только с начала учебного

года, но я уже её любила. Да, она не была как Трикси — у меня никогда не будет никого такого, как Трикси, — но она была Ханна, такая громкая, такая глупая, так заботящаяся о моём разбитом сердце...

— Спасибо, — прошептала я. — За всё.

Она сжала мою руку.

— Всё для тебя, Люсиль

29 · Бен

Да это просто шутка!

Этим летом мне везло — кроме одного раза, по вечерам в понедельник в закускойной Люси не было.

Но сегодня, когда я пнул ногой красную дверь, увидел её. Остановился — и почувствовал, как забытое похмелье накатывает волной.

Она сидела за столом в дальнем углу с Саймоном, он широко улыбался. Перегнулся через стол, провёл рукой по её ладони, и она улыбнулась.

Она должна быть со мной! Всегда, а не только на свадьбе!

Нет. Это её жизнь. Её решение.

За миг пришлось решить, уйти или остаться. Я застыл в дверном проёме. Мог бы развернуться и выйти, и никто бы меня не заметил.

— Бен! — позвал меня Дэниэл. — Тебе как всегда?

Люси подняла взгляд, встретилась со мной глазами, и улыбка её пропала. Я замер. Не мог двигаться. Проклятье.

И моё тело само по себе направилось к Дэниэлу.

— Да нет, я просто так...

Меня нет. Я повернусь, уйду за дверь, и плевать, кто меня увидит — но я не буду смотреть на её дурня и на Люси опять!

Гартри оказался на стоянке.

— Эй, пацан! — воскликнул он. — Куда ты?

Я покачал головой.

— Ты в порядке? Будто чёрта увидел!

— В порядке.

Но это не так. Я был зол, и ярость колотилась в моём сердце вместо крови. Я мог бы выбить из Гартри всё дерьмо сию секунду. И из Саймона. А из себя?

— Ты уходишь? — спросил он.

— Ухожу.

Он кивнул.

— Ну, ладно. Я отвезу. Можешь напиться и поваляться на кушетке.

То, как он говорил, так серьёзно, убрало напряжение. Я рассмеялся и зашагал к его машине.

Мы отправились к нему домой, его мама приготовила для нас макароны с сыром. Но я не набухался — вообще не пил. Утром на работу, а нет ничего хуже солнца по похмелью.

Учитывая ту субботу...

Позже, когда Гартри как раз что-то делал с огнём, я решил позвонить Дана. Спустился вниз к озеру.

Я собирался сказать ей, что нам пора расстаться. Я думал об этом, когда взял Люси за руку. Кроме того, я парень дерьмовый, а она заслужила хорошего.

На берегу было тихо, только москиты жужжали, и мне нравилось сидеть на скамье и слышать всё вокруг. Эта груда камней... Я укладывал их один на другой — камни скатывались, и я переставлял их вновь.

Дана после первого же гудка взяла трубку.

— Всё в порядке? Ты не с Гартри? Сейчас понедельник...

— Да, — ответил я.

— Ты пьян?

— Нет.

Я поставил ещё один камень наверх, но он не был плоским, и всё упало.

— Серьёзно, Бен, что случилось?

Дрянная курица!

— Я позвонил пожелать тебе спокойной ночи.

Мёртвая тишина.

— Дана?

Она прочистила горло.

— Спокойной ночи, Бен. Я тебя люблю.

Я закончил говорить. Отбросил телефон — и вновь принялся складывать камни, только уже думая головой. Потом пошёл вдоль берега, за новыми камушками, наполнил карманы шорт ими и построил ещё одну башню.

Камни были кривыми, башня то и дело падала, а потом ещё и самую первую сбила.

— Чёрт, — пробормотал я.

И начал заново, и когда башни падали, опять повторял.

Долго дышал.

— Эй! — Гартри застыл за моей спиной, и я повернулся к нему. — Ты на правильном пути.

— Что?

— Ну, Инуксуке... Одно из значений — это правильный путь. Маркер. Способ узнать дорогу...

— О, — кивнул я. — Верно.

Мы вернулись к огню, Гартри отметил что-то на карте, но я не мог перестать думать о его словах.

Ты на правильном пути.

Да что ж тут правильного-то, а?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

30 · Люси

Вечером во вторник у меня появилось достаточно мужества, чтобы спросить папу о родео. Мама была на работе — а папу без неё убедить легче, тогда он и с нею разберётся.

Ханна пришла со мной.

— Моральная поддержка! Ну как он при мне откажет? — заявила она.

Я была уверена, что Ханна в крохотном топе и юбчонке окажет противоположный эффект.

Я только изогнула брови.

— Серьёзно? Тебе б одежду сменить...

Она закатила глаза.

— Твой папа меня любит.

Я фыркнула.

Папа сидел за кухонным столом с чашкой кофе в руках.

— Эй... — я села напротив него, Ханна осталась в дверях.

— Привет, Люси, — он кивнул Ханне. — Здравствуй.

— Здравствуйте, мистер Медоуз! — слишком громко заявила она.

Не было смысла тянуть.

— Папа... — промолвила я. — Ханна приглашает меня к Стампедам в Митчелл на эти выходные...

Он посмотрел на Ханну, потом на меня.

— Родео?

— Да.

— С родителями?

— Нет, — вмешалась Ханна. — С Дастином и Саймоном.

Ох, ну и зачем?!

— Боюсь, нет.

Вот этого я и ждала.

— Папа, послушай...

— Люси, тебе шестнадцать. Ты не слишком взросла для выходных без взрослых.

— Дастину восемнадцать, — отметила Ханна, но папа отмахнулся от неё, что-то пробормотал, и она выскользнула на улицу. Ну, вот и поддержка!

— Папа, это не так.

— Что не так? А как?

— Не знаю, что б ты не думал... Беда, беременность там... Это просто поход и родео! Две палатки! Девочки и мальчики. Клянусь!

— Похоже, вы уже всё спланировали.

— Это была идея Саймона, — промолвила я. Ложь появилась сама собой. С той рыбалки на День отца — с Бонда, — папа полагал, что Саймон ничего плохого не следует.

— Нет, Люси.

— Ну, папа! — я не смогла удержаться от мольбы в голосе. — Просто одни выходные.

Он прервал меня.

— Ты провела выходные в Дулуте! Сколько ещё надо?

Если б он знал...

— Я работала. Это то же, что и с друзьями? Ничего не случится. И это Саймон. Ты ему не доверяешь?

— Недостаточно, чтобы отправляться с ним на выходные. Мы его не знаем.

— Я его знаю, — я закусила губу.

Он склонил голову набок и прищурил глаза.

— Насколько? Вы часто видите в последнее время?

— Папа, да, мы встречаемся! — кивнула я. — И это не преступление!

— Нет, — повторил он. — Ты не поедешь в Южную Дакоту с едва знакомым парнем.

— Ты его знаешь! Он живёт по соседству всё лето!

— Люси...

— Ты бы позволил Клейтону.

— Всё иначе...

Конечно, иначе. Для него — не для меня. Шестнадцать Клейтону? Он бы поскандалил на родео.

— Двойные стандарты, папа, — слова мои были острыми и горькими.

Я не собиралась ждать ответа, вышла из кухни на крыльцо, где ждала Ханна.

— Мы едем. Мне плевать, что он говорит, — промолвила я, — и мне плевать на маму.

Пойдём.

— Ю-ху! — воскликнула Ханна — и подбросила розовую шляпу в воздух.

Выбираться из дома в пятницу вечером легко. Я старалась смотреть телевизор дольше, чем родители, скрутила громкость, поставила таймер, чтобы телек выключился в половине первого, и за несколько минут до полуночи выскользнула на улицу. Записку не оставляла — сами поймут.

Я спустилась на длинную дорогу, где Дастин припарковал свой грузовик. Саймон тоже нас встретит, пусть мама ему и позволила — там как раз в Сент-Поле художественная ярмарка... Она сказала, что горда, что он собирается съездить.

Громадный красный пикап Дастина уже был припаркован, а с ним, разумеется, была Ханна. Она сидела на коленях у Дастина, обнимая его.

Я не видела Саймона — и откашлялась.

Дастин повернул голову, но Ханну не отпустил.

— Эй, Люси, — он ухмыльнулся. — Всё готово?

— Да, — я бросила сумку рядом с Ханной. Саймон оказался там, с рюкзаком и кучей закусок.

Он притянул меня к себе и поцеловал.

— Это будут незабываемые выходные, — прошептал он.

До Митчелла было семь часов. Ханна не собиралась спать, чтобы Дастин за рулём не сошёл с ума, но я устала. Устроившись на сидении, я прижалась щекой к холодному окну. Шея протестующе заныла.

— Люси, — сказал Саймон спустя миг. — Это неудобно...

Он притянул меня к себе. Такой тёплый. Его плечи, запах — так привычно... Он обнял меня — и я уснула.

31 · Бен

Мы с Гартри сидели на заднем дворе у костра, когда я получил сообщение от Тами.

"Ты видел Люси? Её не видели с прошлой ночи".

А почему меня спрашивать? Откуда мне знать? Но в груди заныло.

Люси пропала. Пришлось звонить.

— Тами, — сказал я, когда она подняла трубку. — Что значит, её не видели?

— Дэниэл сказал, — в голосе пылало беспокойство. — Родители Люси её ищут. Они думали, что она ушла сюда, но когда не вернулась на обед, отец попытался ей позвонить — голосовая почта. И Ханна тоже. Ты их не видел?

— Нет, — опять сердце забилося. Если что-то случится с Люси... — Я позвоню, если что-то узнаю, — я поднялся и зашагал у костра.

— Что случилось? — спросил Гартри.

— Люси пропала.

Гартри отпил воды.

— Не пропала. Все знают, что она с Ханной, Дастином и Саймоном отправилась в Южную Дакоту.

Блядь!

— Что? С чего ты взял?

— Ханна сказала, что родители Люси на родео не отпустили, но она всё равно туда собиралась.

— И когда ты видел Ханну?

— Да недавно, — пожал плечами он.

Я вновь позвонил Тами.

— Спроси маму и папу Люси, знают ли они что-то о Южной Дакоте? — я повесил трубку прежде, чем Тами что-то сказала.

— Чувак, пива? — Гартри протянул мне ледяную бутылку из холодильника. Холодное стекло приятно остудило мою руку, и пиво охлаждало и замораживало горло. Мне хотелось онеметь.

Беспокойство и что-то ещё впилося в мою кожу. За тридцать секунд я всё передумал о Люси — мир остановился.

Я помнил это.

Пиво пошло легко — я бросил пустую бутылку на землю и опять встал.

— Мне надо идти, — сказал я.

Гартри кивнул.

— Будь осторожен, Бен.

— Что?!

— Уймись. Хочешь ты быть с ней или нет — решай, и не играй с людьми.

Он встал и пошатывался, направившись к дому.

— Если что, родео в Митчелле, Южная Дакота.

Было много причин, почему со второго класса Гартри стал моим лучшим другом — мы оба попали в неприятности тогда, скрывались в лесу и пытались ударить белку и выстрелить в неё из рогатки, но вместо этого я попал в Гартри...

Я выпил пива, но ничего не чувствовал. Сел в тачку, написал маме сообщение — что я у Гартри. У меня был полный бак, так что я планировал ехать в Митчелл, в Южную Дакоту.

Я думал о Люси. О том, как её упустил, о её смехе и улыбке, о том, что в Митчелле я наберусь сил и попрошу прощения.

Я включил радио на полную мощность, чтобы не уснуть. Спустя некоторое время даже попал на канал о паранормальном дерьме, и когда история о таинственном убийстве в Сен-Клу окончательно вывела меня из себя, я переключил на классическую музыку.

Я добрался до Маршалла, города на западной окраине Миннесоты, недалеко с границей, и замер, чтобы отлить и отдохнуть.

Я провёл за рулём три, три с половиной часа. И ещё столько же впереди.

Но рядом с кулером на заправке на меня снизошло озарение.

Я идиот. Приеду в Митчелл, чтобы попытаться найти на грёбанном родео подругу моей покойной сестры. Она там с парнем. И не стоит забывать, что у меня есть девушка.

Я чертовски глуп.

И что я ей скажу? Да как я её найду?

Она всё равно меня не простит!

Я сказал непростительные вещи.

Я сам непростителен.

Я купил колу и обернулся.

Где-то рядом с Виллмаром я начал плакать. Это были не мучительные рыдания по Трикси — но просто слёзы, которые незаметны, сколько б я их не утирал. Нелепость. Я не знал, почему плачу. Остановился в парке с озером, ушёл на пляж, и сердце мне даже дышать не давало.

Я упал на колени и принялся рыться в песке и траве в поиске камушков, а после вспомнил, что в карманах шорт оставил камни от Гартри. Я укладывал их один на другой — и так успокаивался.

Я складывал камни всюду. Рядом с потрескавшимися дорожками к хижине, где мы чистили рыбы. В траве у башни. На самой пожарке...

И хотя обещал себе, что на кладбище не вернусь, сложил их на вершине могильного камня Трикси, где Люси оставила конфеты. Ветер развеял их, наверное, скорее, чем я дошёл до машины, но мне и пары минут баланса хватило, чтобы унять бесконечную боль.

Трикси бы знала, что делать. Знала бы, как попросить прощения у Люси.

Но её здесь не было.

Я складывал камушек на камушек, а они, теряя баланс, падали обратно...

32 · Люси

В Митчелле было жарко, влажно и пыльно. Мы прибыли рано, потому бродили по городу, посмотрели парад, пообедали в маленькой закусочной, не слишком отличающейся от нас. Саймон и тут заказал пирог с кокосовым кремом, но хотя и вылизал тарелку, заявил, что у нас лучше. Жаркие и вспотевшие, мы разбили палатки в палаточном лагере, а после ушли на родео.

Я никогда не видела Ханну такой счастливой, домашней и спокойной. Она натянула плотную белую футболку с прошлого родео с надписью "помести кое-что между ног". Показывала нам каждый закуток! Флиртовала с ковбоями, ребятами у гриля... Дастин стоял у неё за спиной и насмехался над всеми, кого она уже успела окрутить.

— Милый, я видела у тебя за прицепом фиолетовую краску, — протянула она сладким голосом. — А теперь вперёд. Белый на пять долларов меньше. Всего лишь краска — ты не

хочешь по той же цене продать?

Он хотел — и шляпу Ханна получила за желанную цену.

Я включила телефон, пока мы отправлялись на трибуны. Восемнадцать пропущенных вызовов, семь сообщений на голосовой почте — большинство от папы. Тридцать два текстовых сообщения от папы, мамы, Тами, Дэниэла и даже от Клейтона. Единственное, что я открыла.

"Девочка, ты в дерьме. Никогда так не гордился".

Я споткнулась и закусил губу, чтобы не дрожать.

— Ты в порядке, Люсиль? — Ханна схватила меня за руку, чтобы успокоить. — Что-то не так?

— Можно сказать и так, — я показала ей телефон.

Она рассмеялась.

— Пронесёт!

Мы наблюдали первые несколько выступлений. Ханна постоянно кричала во время гонок.

Саймон коснулся моей руки.

— Давай выбираться отсюда.

— Ты что? — я покачала головой. — Мы сюда за родео пришли. Разве ты не хотел его увидеть?

— Я хотел побыть с тобой, — улыбнулся он. — А ты не хочешь?

— Хочу. Мы ведь вместе.

— Мне плевать на родео, тебе, кажется, тоже. Это не твоё. Посмотри на Ханну — она подпрыгивает каждый раз, как кто-то падает с лошади и пытается набросить аркан, — он умолк на миг, а после промолвил. — Как насчёт вернуться в лагерь?

Я не сразу ответила.

Я здесь с Саймоном, так легко проскочившим в мою жизнь. Со своим парнем.

Бен со мной быть не хочет. Он ясно дал понять.

Саймон — хочет.

— Да, — кивнула я наконец. — Пошли.

Ханна удивлённо покосилась на меня, когда мы встали, и я пожала плечами.

Гулять было жарко, было под сорок градусов — и по спине стекали реки пота. На берегу озера круче будет. Палаточный лагерь пустовал — большинство ещё несколько часов будут на родео. Но здесь всё её был слышен звонкий голос диктора и рёв толпы.

Мы устроились на стульях за пределами палатки и наблюдали, как темнота опускалась на озеро. Саймон поднялся, присел передо мной и взял меня за руки.

— Тебе весело?

Я улыбнулась — горячая, потная, пыльная.

— Да, это было весело.

— С тобой всегда так. Это лучшее лето.

Я кивнула. Он потянулся ко мне — и я видела его макушку.

— Ты удивительна, Люси. Ты сделала моё лето таким. И я не хочу возвращаться домой.

Я чувствовала биение его сердца — прижалась к нему.

— Впереди ещё много времени.

— Слишком мало.

Его голос грохотал в этом слишком густом воздухе, а ещё он обнял меня слишком крепко.

Этот парень хотел быть со мной.

Саймон поцеловал меня — и я ответила на его поцелуй. Он потянул меня в палатку, положил на спальный мешок, прижимая к земле.

— Разве это нормально? — спросил он. — Я... Я имею в виду, не стоит, если ты не хочешь.

Он нервничал.

Я, как ни странно, нет.

Он вновь повторил свой вопрос.

Я кивнула.

— Я люблю тебя, Люси, — прошептал он в ответ.

Я ничего не ответила, он продолжал.

— Что бы ни случилось, люблю. Я понятия не имел, что за лето у меня будет, когда мама сказала, что мы будем арендовать дом на севере... но теперь понимаю, что я самый везучий парень на земле.

Он целовал меня, мягко и нежно, и мне в тот момент казалось, что он и вправду меня любил.

Я закрыла глаза. Надо идти дальше. Позволить Бену уйти.

Саймон держал меня за руку — между этими двумя лагерными стульями. Небо было синевато-чёрным, а яркие прожекторы с родео виднелись на расстоянии. Аплодисменты утихли, так что Ханна и Дастин должны уже были возвращаться.

— Люси, ты в порядке? — голос Саймона звучал тревожно и неловко. Мы недолго были в палатке, и я была благодарна, что он дал мне время одеться и привести себя в порядок.

— Да, — я чувствовала себя странно, но это нормально.

— Хорошо, — он тяжело вздохнул. — Хорошо...

Когда я не ответила, он сменил тему.

— Всегда хотел увидеть Кукурузный Дворец. Как думаешь, завтра у нас получится?

Единственный в мире кукурузный Дворец был огромной достопримечательностью в городе, и каждый год на его украшение уходило больше четверти миллиона початков кукурузы.

— Может быть...

— Тебе неинтересно? Я вот думаю, это ж сколько надо потратить сил, чтобы взрастить всю эту кукурузу, ещё и разного цвета, а потом — просто взять и пригвоздить это к стене! Произведение искусства... — он улыбнулся. — Хочешь?

Громкий возглас отвлек нас от разговора, и я подняла голову, увидев наконец-то Ханну и Дастина. Дастин тащил вязанку дров.

— Вы пропустили прекрасный финал! — Ханна мне подмигнула. — И как вы тут, голубки?

Я покраснела.

— Лучше не бывает, — голос Саймона казался каким-то надтреснутым, и он потянулся за бутылкой воды.

— Давайте разожжём огонь, — предложил Дастин. — Я могу тебя научить, городской.

После того, как огонь наконец-то зажгли, Ханна заявила, что мы с нею будем спать в одной палатке, а парни — в другой. Это оказалось удивлением для всех, даже для меня.

— Давай, детка! — Дастин шлёпнул её по заднице. — Ты ведь шутишь, правда?

Она покачала головой и игриво толкнула Дастина.

— Её родители меня убьют.

Сначала меня, впрочем...

Угли зашипели, когда Дастин пролил на них воду. Он снял свою ковбойскую шляпу, поцеловал Ханну и ускользнул в палатку. Саймон поднялся на ноги и обнял меня.

— Спокойной ночи, Люси, — прошептал он мне на ухо. — Я тебя люблю.

И он последовал за Дастином в палатку.

Ханна открыла нашу, пропустила меня вперёд, а сама проскользнула следом.

— Ты хочешь о чём-нибудь поговорить? — спросила она. Она сжала края своей вязанной фиолетовой ковбойской шляпы и принялась обмахиваться ею. Улыбалась — Ханна всегда была такой красивой и радостной.

Я кивнула.

— Но не сейчас. Нас ведь могут услышать.

Я едва уснула в тепле — ворочалась и с нетерпением ждала утра.

33 · Бен

Утром вокруг меня всё хлопотала мама.

— Бен, ты ужасно выглядишь! Что случилось? Ты заболел?

Понятия не имею. Я не спал, всю ночь ехал, сидел у Гартри, пока не пришлось отправиться домой.

Люси не должна встречаться с парнем. Я, по правде, не полагал, что она вообще с кем-то кроме меня должна встречаться, но откуда же я имел право на это мнение?

Ни с кем, кроме меня.

Не с этим парнем.

Мама поставила передо мной кружку горячего кофе.

— Тами говорила о Люси. Ты об этом что-то знаешь?

Кофе обжигало — вот чего я хотел. Я надеялся, что оно выжжет всё, что меня убивало изнутри. Я давно оттолкнул Люси и не должен этого чувствовать...

— Бен, слышишь?

Я покачал головой и встал.

— Мне пора идти на курорт.

— Постой. Прощу, останься, нам надо поговорить....

— Эмили просила сводить её на рыбалку, — я миновал кухню и захлопнул за собой дверь в гараж.

Солнце было так ярко, а небо — так синело... Идеальный солнечный летний день, но не такой прекрасный для рыбалки. Но Эмили и не почувствует, она просто рада.

Я отправился на курорт и отыскал Эмили и Тами за столом на палубе, под зонтом,

затеняющим от яркого солнца. Эмили всё ещё раскрашивала.

— Эй, Эм, готова на рыбалку?

Эмили вскочила со стула и принялась прыгать.

— Да, да, да!

— Рыбалка? — переспросила Тами.

— Видишь? Я ведь говорила, мы с Беном будем рыбачить! — орала Эмили.

— Но... — запнулась Тами. — Мне казалось, тебе неудобно с Эмили на лодке...

— Не хочу об этом говорить, — он покачал головой.

Она на мгновение затихла, потом промолвила:

— Спасибо, что сказал о родео.

— Об этом тоже.

Меня спасла Эмили. Наконец-то перестав прыгать, она потянула меня за руку.

— Бенни, пойдём!

Она потащила меня к лодке.

Я адски устал — но помогу Эмили поймать рыбу.

Я доплыл до тихого тенистого места на берегу озера, где было не слишком много водорослей, чтобы запутаться. Она забросила свой спиннинг и наблюдала за поплавком.

— Бен, — промолвила она, — а почему ты не пошёл с Люси на родео?

— Меня не приглашали, — ответил я. Просто — но откуда она знает о родео?

— А я собираюсь замуж! — резко сменила тему она. Это не было удивительно — с Дулута она постоянно говорила о невестах и платьях.

— В самом деле?

— Да, однажды! — заявила она. — А можно выйти за тебя?

Я улыбнулся.

— Не-а. Я твой кузен, а с родственными связями нельзя.

Она на минутку задумалась.

— А у нас есть родственные связи с Люси?

— Ты хочешь выйти за Люси?

— М-м-м, нет! Но я хочу, чтобы ты на ней женился.

Я удивился странному ощущению в груди.

— Нет, у нас нет родственных связей.

— Ну так что?

— Что — что?

— Ты на ней женишься?

Я тяжело вздохнул. Я надеялся на лёгкую рыбалку, а не на гору дурацких расспросов о свадьбе. И о Люси.

— Ну, это сложно...

— Я знаю! Люси мне говорила! Как неправильная головоломка.

— Ага, — кивнул я. — Правильно. Люси умна.

— Я знаю, — улыбнулась Эмили. — Потому и надо на ней жениться. Ты расскажешь о Трикси?

— Что, Эм? Что о Трикси? — горло сжалось.

— О Трикси. Сказку. Люси рассказывает.

— О, — я не знал, как реагировать. — Люси рассказывает сказки о Трикси?

— Да. Ты тоже можешь. Я начну. Давным-давно жила-была маленькая девочка по имени Беатрикс, но все хвали её Трикси. Она была такая умная, хорошая со всеми. У неё была лучшая подруга по имени Лулу и брат по имени Бен. Однажды...

Она замерла и посмотрела на меня.

— Теперь твоя очередь! Однажды!

— О, — кивнул я. — Ладно. Хорошо. Однажды ночью Трикси и её подруга Лулу взяли лодку...

Эмили меня прервала.

— Я знаю эту историю! Там у Трикси упало весло, а ты их спас!

Я сглотнул. Когда боли станет меньше?

— Поплавок! — мигом забыв об истории, заорала Эмили.

Вот только я не забыл.

34 · Люси

Когда Ханна проснулась, я уже оделась.

— На прогулку! — заявила она, натягивая футболку, шорты и фиолетовую шляпу. — Я голодна.

Мы отправились в местный магазинчик, купили кофе и бутерброды и устроились за столике у озера.

— Итак, как это было? — Ханна повернулась ко мне, когда уже доела первый бутерброд.

Я покраснела.

— А как должно?

Она расхохоталась.

— Ну, хорошо, да? Только скажи, пожалуйста, что он пользовался презервативом!

Я кивнула.

— Ну, слава Богу! Это довольно любопытно, впрочем...

— Да. До любопытства самонадеянно.

— Ты должна понимать, что он теперь постоянно будет этого хотеть, — заявила она, расхохоталась, а потом вновь стала серьезной. Ты... Не знаю, ты об этом не пожалеешь?

Я покачала головой.

— Нет. Я хотела. Я бы не стала, если б не хотела.

— Но?

— Он такой милый, заставляет меня чувствовать себя особенной... — я сделала паузу. — Это не его вина — что он не тот, кого я хочу видеть.

На какой-то миг мы обе умолкли. Я хотела быть с Саймоном, представляя на его месте Бена.

Мне стало холодно.

Выброшу ли я Бена из головы?

— Ты любишь Бена? Я с ним не знакома, но он мне кажется просто капризной дрянью.

— Он не всегда был таким, как ты его знаешь.

— Итак, ты полагаешь...

Я не знала, с чего начать. Почему я любила Бена? Почему дышала? Почему ела? А потом я вспомнила тот день, как назвала Трикси пять вещей, что любила в нём.

— Что ж, — медленно промолвила я. — Мне нравится его смех — и ямочка на правой щеке.

Ханна посмотрела на меня и закатила глаза.

— Никогда не видела смеющегося Бена. Хмурого — да.

— Он всё время смеялся.

— До, — грустно отметила она.

— До.

— А что ещё? Должно быть чуть больше, чем ямочка.

— Ну... Знаешь, он всегда полировал агаты, — я потянулась к карману, чтобы убедиться, что он там есть, и содрогнулась, вспомнив, что нет. — Думаю, больше этим не занимается. Но с камнями он был нежным, осторожным, словно с самой большой ценностью на земле. Мне казалось, он и к людям так относился, как к камням. Был бережлив.

— Бережлив в прошлом, — хмыкнула Ханна. — Я этого не видела.

— Знаю.

— А ещё?

— Называл мать мамой.

— О, как дивно!

— Они британцы. Эмили — первый ребёнок, с которым он играл, такая крошечная — он так осторожно держал её, словно она могла сломаться. Я помню день её рождения. Я должна была пойти с ними в больницу на посещение. Он смотрел на неё и улыбнулся, словно увидел что-то самое удивительное во всей жизни.

— Так мило...

Я кивнула.

— Эмили рядом с Беном всегда чувствует себя в безопасности. Он сильный, умный, умеет заботиться о людях. И мне кажется, это я больше всего в нём любила. Он дарил мне чувство безопасности — пока я с ним, ничего плохого не случится.

— Но случилось, — осторожно отметила Ханна. — И он не защитил тебя, верно?

Она ещё раз вздохнула, и я кивнула.

— Он изменился.

— Да, но это не значит, что в нём умерло то, что ты в нём любила.

Может быть. Но я тоже изменилась.

— Так что? — промолвила Ханна светло-светло. — Ты в нём столько всего любишь... Столько милого, — она улыбнулась.

— Есть ещё больше. Трикси спросила меня, что я люблю больше всего — и это были первые пять вещей, о которых я подумала.

— И ты помнишь? Спустя столько лет?

— Никогда не забуду.

— Хотела бы я знать Трикси... Как думаешь, мы могли бы дружить втроём? Или я была бы тебе не нужна, и я стала бы одинокой новенькой?

— Думаю, Трикси бы тебя полюбила, — ответила я.

— Расскажи мне о ней.

Я рассказала. Рассказала о своей лучшей подруге Трикси.

Рассказала о её плаванье, о поездках в Сен-Клу за новой школьной формой, о лете на понтоне, о вечерах на арбузном карнавале.

Однажды я рассказу Эмили о том, как мы с Ханной сидели за столом и говорили о Трикси, и это будет одним из лучших моих воспоминаний о Ханне.

— Полагаю, нам пора к парням... — промолвила я.

Я была удивлена, когда Ханна меня обняла.

— Знаю, что в Бене тебе многое страшно... Ты не должна быть с Саймоном Стэнфордом. Тебе нужен Бен. Серьёзно. Это все видят.

— Мило, но, думаю, этого никогда не будет.

— Не загадывай. Чудеса случаются — верь своему сердцу.

— Не верю в чудеса, — не с того дня на пляже, когда я молилась о чуде, а его не было.

— О, дорогая, — она встала и стряхнула с футболки крошки. — Не позволяй этому разрушить. Пойдём...

— Спасибо. Не знаю, что делала бы без тебя, Ханна.

— Я есть у тебя, Люсиль, — она сжала мою руку, и мы зашагали обратно в лагерь.

Дастин остановил грузовик на обочине дороги, даже не съехал в сторону. Саймон вышел, снял наши сумки, протянул мне мою, но отпустил не сразу, и наши руки соприкоснулись.

— Эй, — промолвил он, когда мы встретились взглядами. — Всё нормально, Люси. Всё будет хорошо.

Губы растянулись в мрачной улыбке.

— Надеюсь.

Мы пошли по дороге. Он наклонился, поцеловал меня в щёку и кивнул отцу, что ждал меня на крыльце.

— Мистер Медоуз, — почтительно промолвил он. Да, мы не просто сбежали от него на родео. Мы спали с ним в палатке.

Папа проигнорировал Саймона и заключил меня в крепкие объятия, но практически тут же оттолкнул.

— Люси, как ты могла? Как ты могла?!

Я не знала, как ответить. Обернулась на Саймона, но он просто выдохнул что-то вроде "позвони мне позже" и растворился на дорожке.

— Мне жаль, — ответила я папе. И всё. Не существовало ни единого разумного оправдания или способна это пояснить. Я просто последовала за папой в дом.

Мама сидела за кухонным столом с чашкой нетронутого кофе.

Не в ресторане. Здесь, ждала меня, свою дочь, что должна была вернуться домой. Интересно, у кого там смена.

— Мама... — я сделала медленный шаг вперёд. — Мама, мне жаль, мне не стоило доставлять вам столько беспокойства...

В её глазах плескалась печаль, когда она посмотрела вверх, оторвав взгляд от своей чашки. Такая холодная...

— Что с тобой случилось, Люси? — спросила она, и голос её словно раскололся на части. — Ты прежде так никогда не поступала. Никогда нам не перечила. Папа сказал тебе, что ты не можешь отправиться в Южную Дакоту — и следующее, что мы узнаём, так это то, что ты тайком сбежала посреди ночи!

Когда она умолкла, папа начал говорить:

— Ты не должна была отправляться на это родео! Мы беспокоились! Разумеется, не стоит удивляться, что ты наказана на весь остаток лета. Можешь работать на курорте и в закусочной, и всё. И ты не имеешь никакого права видеться со своими друзьями.

— Нет! — всхлипнула я. — Вы не можете запрещать мне видеть Ханну. Пожалуйста...
Мама оборвала меня.

— Ты сделала свой выбор, Люси, и должна справляться с последствиями. Разговор окончен.

Я повернулась и помчалась вверх по лестнице, убегая от своих родителей.

Я приняла душ и забралась в постель, но не уснула. Отправила сообщение Ханне, чтобы убедиться, что всё хорошо, и получила ответ, что она устала, беспокоится и поговорит со мною завтра.

Роптание моей мамы и отца доносилось сквозь вентиляцию. Их гнев, разочарование, слёзы. Мне одновременно было жаль — и не жаль, что я отправилась в Южную Дакоту.

Мамины слова эхом раздавались в голове.

"Ты сделала свой выбор и должна справляться с последствиями".

35 · Бен

Спустя пару дней, как Люси вернулась с Родео, Тами взяла Эмили к врачу, и Люси осталась без работы. Я слышал от Гартри, который слышал от Ханны, что её заперли и выпускали только на работу. Что она не может видеть даже Ханну. И Саймона.

Какая-то частичка меня радовалась этому. По крайней мере, относительно Саймона.

А ещё частичка злилась на неё и на Ханну за это родео. Но почему я злюсь? Какое я вообще имею право?

Вот что бесило меня больше всего.

Я наблюдал, как Люси кормила гусей. Как наполняла кормушки, подливала свежей воды, чистила дома рыбу, даже рубила двора.

Я помогал курорту много лет, ходил с отцом и дядей, рыбачил, убирал пляж. И это никогда не казалось работой. Просто гул мотора лодки, мерцание послеобеденного солнца на поверхности воды, лёгкий бриз...

Название даже идеальное. Озеро Хальчион. Идиллия. Безмятежность. Мир.

Пока в этом озере, конечно, не умрёт ваша сестра.

Но пейзаж не казался мне волнительным с той поры. Озеро, ветер — они не изменились. А нам следовало жить — но это было слишком трудно для тех, кто любил Трикси. Для меня, Люси, мамы и папы...

В три часа дня Люси как раз начинала собирать мусор у гостей, что оставляли его на улице. От пристани, где стояла моя лодка, было слышно пронзительный визг умирающего двигателя.

Я ждал мига, когда Джон выйдет, чтобы помочь. Но он этого не сделал. Люси раз за разом пыталась завести машину, но та не слушалась. Она вышла на улицу, пнула колесо.

Проклятье.

Я подошёл к ней. Она покраснела, вспотела и всё царапала носком туфля линии на гравии.

— Твоя помощь мне не нужна, — отмахнулась она.

Прежде ей нравилась моя помощь. Она с Трикси тогда взяла шлюпку, они потеряли весло... А ещё Трикси заставляла Лулу подниматься на самое высокое дерево в парке, и она не могла слезть, а я снимал её оттуда...

Раньше она мне доверяла.

А теперь — я просто бесполезность.

— Давай я взгляну, — промолвил я.

Она отступила назад на несколько шагов, освободив достаточно места, чтобы я мог подойти к транспорту.

Я сел на водительское сидение, повернул ключ — ничего. Посмотрел на неё, но она отвернулась к озеру.

Надавил на педаль, попробовал ещё раз, отрегулировал, что мог. Она посмотрела на меня, и мне показалось, что вот-вот улыбнётся, но она только нахмурилась.

— Спасибо, — ответила она. — Но...

— Хочешь, я закончу? — спросил я. Медленно, осторожно, не зная, как она отреагирует. Мне хотелось сделать для неё что-то хорошее, даже если просто собрать за неё мусор.

Несколько минут она просто смотрела на меня, словно пытаюсь понять, должна ли она мне позволять или продолжать упорствовать и сказать мне убратся вон. Она должна сказать мне убратся вон. Я этого заслужил. Секунды протекали мимо, и я боялся, что если она срочно не примет решение, я опоздаю на рыбалку.

— Езжай, — ответила она. — А я буду поднимать мусор.

Я воспользовался шансом улыбнуться ей. Она не улыбнулась в ответ.

Я возил её от одного домика к другому — она не проронила ни слова. Я довозил её до мусора, она выходила, забрасывала мешки. Тем не менее, молчала.

А что мне сказать? Что мне жаль?

Слишком жаль.

Так продолжалось, пока я наконец-то не завёз авто в гараж, и она тихо промолвила:

— Спасибо за помощь, Бен.

Это было глупо, но сердце моё потеплело от того, как она произносила моё проклятое имя.

36 · Люси

По условиям моего тюремного заключения я могла ходить только на курорт и в кафе. Больше никуда. До учёбы оставалось четыре недели, и всё было нормально, кроме того, что я не виделась с Ханной. Саймон звонил и посылал сообщения — писал, что дожидаться не может, как надерёт мне задницу в мини-гольфе, а ещё предлагал шоколадку.

Когда меня отпустят, лето закончится. Не будет больше мини-гольфа. И его тоже не

будет.

Однажды, когда родители были на работе, я воспользовалась шансом выйти в город и взять в книжном пару томиков.

Мы с мамой любили приходить сюда. Обычно говорили, что должны увидеть просто, что без этого вполне проживём.

Вот только мы не могли прожить без "Маленького дома", который она прежде читала зимой, или какой-то книги о городе в южном штате Миннесота. Не могли жить без сказок и, конечно же, без "Гарри Поттера".

После того, как я купила несколько книг, я шагнула в открытую дверь "Душистого горошка". Мне нравилось смешение запахов старых книг и сладости кондитерского.

Я долго стояла у витрины. У них появилось много нового — кленовая карамель, белошоколадный торт, солёные сладости...

— Эй, Люси, — окликнула меня миссис Стюарт, увидев за прилавком. — Что тебе дать?

Я попросила для своей семьи арахисовое масло, немного карамели, мятный шоколад, кленовый сироп...

Подумала, что за неделю до смерти Трикси купила Бену помадку.

— Это значит, что ты знаешь, — сообщила она, когда мы вышли с лавки и зашагали к её дому. — Вы с Беном оба её любите.

Знак. Я смеялась, Трикси ударила меня по руке.

— Вот теперь смеёшься! Но только подожди и посмотри.

— Простите, — попросила я миссис Стюарт. — А можно мне две кленовых помадки вместо мятного шоколада?

Я потёрла лоб. Я только что купила помадку для Бена — зачем делать это для человека, что причинял мне боль? Вот только купила.

Мой телефон загудел. От Саймона — "Вырвалась из тюрьмы?"

С чего он взял?

"Что ты имеешь в виду?" — отправила в ответ.

"Ну, ты в Душистом Горошке... Я через улицу;)"

Я выскользнула за улицу со своей сумкой — с коробкой ирисок внутри. На тротуаре меня встретил Саймон и потянулся к пакету с книжками. Его загар стал ярче, он казался темнее на фоне своей футболки, которую надевал в первый день нашей встречи. Он улыбался такой ленивой улыбкой, знакомой мне за последние несколько недель. Я впервые видела его с поры Южной Дакоты, и он всё ещё был моим парнем.

И я не могла думать о кленовой помадке в светло-зелёной обёртке.

Он протянул руку, коснулся моей бейсболки, надвинутой на лоб.

— Твоя маскировка не сработала. Я бы везде тебя узнал.

— Что ты тут делаешь? — я попыталась улыбнуться.

— Это я должен тебя спросить! Красться, чтобы купить... что там?

— Из книжного? Книги.

Он достал книгу и вытащил книги.

— Грозный перевал, пробуждение... Светлое летнее чтение? — он положил их обратно.

— Ну, у меня теперь есть много времени.

— Да, — промолвил он. — Мне жаль. А в Душистом Горошке что?

— Ну... Конфеты и...

— О... — он взял коробку и понюхал. — Клён? Это клён?

Я выдернула коробку из его рук.

— Оу, это прелестно. Для кого?

— Ни для кого. Для семьи, — мои слова звучали острее, чем должны, и он явно это заметил.

— Люси, я, правда, скучал...

Я кивнула и потянулась за своими книгами.

— Я тоже скучала, но мне пора. Мне надо вернуться домой до того, как кто-то меня увидит.

Саймон взял сумку, потянулся к моей руке.

— Я проведу тебя, ладно?

Не ладно! Не тогда, когда я купила Бену помадку.

— О, нет, не стоит. У тебя есть и другие дела.

— Люси... Ну, правда, я хочу тебе помочь! Я всё равно иду домой.

Он был так серьёзен и уверен...

— Ну, — промолвила я. — Пусть.

И вот именно тогда я увидела его, Бена, что вышел из аптеки, держа в руках пакеты.

Он замер на мгновение, увидев нас, и я, не задумываясь, отпустила руку Саймона.

— Люси, ты в порядке? — спросил Саймон и наконец-то заметил. — О...

Бен кивнул нам и обошёл здание, направляясь к стоянке.

Вот почему я не увидела Жар-Птицу.

Саймон говорил мне, но я понятия не имела, что он сказал.

— Что, прости?

— Я спрашиваю, каковы причины того, что ты не хочешь, чтобы Бен видел нас взявшихся за руки, — в его голосе была боль.

Ответа не последовало. Причин слишком много.

Но причинять ему боль не хотелось.

— О, подожди, — я потянулась, чтобы поцеловать его в щёку. — Мне пора. Не жди меня.

— Что? Тебе не станет ещё хуже, если тебя поймают?

Этот вопрос я тоже пропустила.

— Мама принесла домой кое-что прошлой ночью, и я попытаюсь пробраться.

Я взяла коробку с помадкой и ушла прежде, чем он смог сказать что-то ещё.

Я миновала лес, прошла по тропе к парку. Это было безопаснее, чем ходить по городу — могла увидеть мама, или, может, ей бы кто-то передал. В тени деревьев было прохладнее, но всё ещё влажно, и я тяжело дышала. Я остановилась у скамейки, села и отпила воды из бутылки, закрыв глаза.

Когда я открыла их, увидела стопку камней у берёзы — самый крупный внизу напоминал шар для боулинга. Я подумала о том, как мы прошлым летом пытались с Трикси строить башни. Наши упали, но Бен, такой осторожный и методичный, достиг баланса там, где его не было и следа.

Оставшуюся часть дня я могла провести здесь, в парке, среди деревьев у прохладного ветерка озера. Но я провела тут и так много времени, так что папа мог приехать домой

раньше меня. Я натянула кепку пониже, миновала парковку и помчалась домой.

37 · Бен

Я отгребал водоросли, когда меня нашёл папа.

— Когда закончишь тут, — промолвил он, — надо будет разобраться с пляжем.

— Конечно, — кивнул я. Я не смотрел на мокрый песок береговой линии с охотой — но это отвлекало. Я вновь думал о Люси. Думал о ней с её парнем у аптеки, думал о ней... Всё лето.

Сегодня было жарко, и я бы предпочёл рыбачить на озере, а не возиться на курорте. По крайней мере, можно забраться в озеро и охладиться, в отличие от работы на причале.

— И не забывай о том, — продолжил папа, — что сегодня причал надо сходить в клуб на двадцать семь...

— Ага.

Он на миг умолк, и я чувствовал на себе его взгляд.

— Ты думаешь, что протрезвеешь достаточно, чтобы не испортить матери день?

Я вскинул голову и посмотрел на него.

— О чём ты?

Папа покачал головой.

— Что с тобой, Бен? Злись на меня, мне плевать. Но не мучай мать. Она того не заслужила.

— Чего — того?

Он махнул рукой.

— Твоего отношения. Думаешь, ты единственный в семье, кому больно? Иисусе, хоть раз, Бен, подумай о других!

Он повернулся и зашагал вверх по склону. Он прав, я знаю. Я — эгоистичный ублюдок, стал им после смерти Трикси, но не могу с этим справиться. Не могу справиться с этим так, как они того хотят. Носить свежие цветы ей на могилу. По воскресеньям молиться за её душу. Я, дерьмо, не могу даже делать того, что делает Люси — говорит с Трикси и оставляет конфеты на могиле. Я — мудака, вот я кто.

К концу смены я подошёл к дому, где как раз сидела со стаканом молока и куском помадки Эмили. Я узнал зелёную ткань.

— Откуда у тебя это, Эмили? — спросил я.

— Люси купила. Это клён. Попробуешь?

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы заставить себя ответить. Что-то внутри заныло, когда я подумал о помадке от Люси каждым субботним утром.

Я никогда не благодарил её.

В один миг я предложил Эмили, когда она расправилась с помадкой, выбросить обёртку — а вместо этого вложил её в карман и держал там, как Люси — агат.

Я так думал.

А потом отмахнулся от идеи.

— Замечательно, — прошептал я. Когда она закончит, я возьму зелёную обёртку, сомну её в кулаке и вышвырну в мусор.

В клубе на Конти Роуд, двадцать семь, в любимом мамином ресторане, как раз был ужин. Широкие окна выходили на озеро с одной стороны и на поле для гольфа с другой. Папа зарезервировал столик на берегу озера, а ещё поставил в центре его огромный букет гербер — любимых маминых цветов.

— Добро пожаловать в Клуб "Двадцать Семь", где мы единственные погружаемся в историю озера, — промолвила официантка. Мы слышали это миллион раз. Она протянула меню — тоже стандартно, пусть раз за разом брали мы одно и то же.

— Прекрасные цветы, — промолвила мама.

После того, как официантка ушла за нашим заказом, одна из владельцев, Бесс, подошла к нашему столу.

— Давно вас не видела. Как ты, дорогая? — сказала она с жалостливым выражением лица, обращаясь к маме.

Боже, даже здесь! Год прошёл — а нам некуда деться.

— Замечательно, — промолвила мама. — Мои мужчины привели меня на день рождения на ужин. Рада тебя видеть, Бесс.

Мамина тревога — сколько раз она говорила эти слова!

В субботу вечером в клубе часто ужинали — мы сюда приходили, когда были с Трикси помладше, поднимали наши бокалы с водой и с британским акцентом говорили тосты.

Пару лет назад я заметил, что столы были потёртыми, обивка липкой, а вид на озеро надоел. Магия клуба пропала. И вот так было и сегодня — мои выцветшие, печальные родители и пустое место, которое прежде занимала Трикси.

Мы заказали маме и папе фирменное блюдо, мне — просто рёбра. Трикси всегда брала фирменные креветки, приносила остатки домой и со всеми делилась.

Мама положила руки на стол и подалась вперёд.

— Как там Дана? — спросила она.

— А что? — я вскинул брови.

— Ну, — протянула мама, — она хорошая девушка, вы встречаетесь пару месяцев. Это серьёзно?

— А это важно? Как в следующем году я закончу школу, и... — я запнулся.

— А потом? — подсказывая мне, что именно они желают услышать, промолвил папа.

— Надеюсь, я пойду в колледж, и мы расстанемся, если к тому времени будем вместе.

Зачем это спрашивать?

Мама вздохнула.

— Бен, мы о тебе беспокоимся, — промолвил отец.

— Вот как.

— А о чём беспокоиться? — я знал, что будет.

Мама посмотрит на папу, будто скрывая большой секрет. Или думая, что у него те же проблемы...

— Бен, у тебя тяжёлое лето, — промолвила она. — И твоя сестра умерла год назад... — она запнулась. — Мы знаем об алкоголе.

— Алкоголь, — повторил я. Посмотрел на папу, но он промолчал, перепоручая маме всю грязную работу.

— Да. И нас беспокоит, что ты пьёшь за рулём. Верно?

Хотелось солгать. Сказать, я не так глуп после того, как они уже потеряли одного ребёнка. Они не потеряют меня от чего-то столь безответственного, как пьяное вождение.

Но солгать я не смог, так что просто не ответил.

— Бен? — промолвил папа. — Мама задала тебе вопрос.

— Ну, обычно я остаюсь у Гартри, — промолвил я. Правда. Да.

— Это твой ответ? — спросил папа.

— А что относительно тех дней, когда ты у Гартри не остаёшься? — спросила мама. — Милый, нет никаких проблем, нам просто надо знать правду. Мы хотим тебе помочь. Уверены, ты можешь найти решение немного получше...

— Может быть, это было раз или два, — я выпил колу — и мне очень хотелось бы долить в неё немного виски. Я махнул рукой в сторону отца. — Вот как ты собираешься водить после этого пива?

— Не умничай, — отрезал папа. — Ты несовершеннолетний.

— Том, — мама положила руку ему на плечо. — Бенни, надо с этим бороться. Несколько дней я встать с постели не могла, так мне было печально. Я рада, что у тебя есть Гартри и рыбалка... Но некоторые твои решения...

— Хорошо. Я не буду пить за рулём, — я не сказал, что вообще не буду пить, надеялся, что этого хватит. Хотел, чтобы всё закончилось.

Мама вздохнула и посмотрела на папу ещё раз.

— Есть ещё кое-что, — промолвил отец.

Наша официантка поставила тарелки на стол, и я обрадовался, что в этом странном разговоре появился перерыв. Но что ещё они мне скажут? Я пить не брошу только от того, что они обо мне беспокоятся. И трудно поверить, какой же лицемер сейчас сидит напротив меня!

— Ну? — спросил я. Не было никакого смысла позволить этому продолжаться. Я взял одно из ребер, вдыхая приятный запах соуса барбекю.

— Бен, нам с тобой надо поговорить о Лулу, — промолвила мама.

Я уронил рёбрышко, и аппетит пропал в тот же миг.

— Что?

Мама отпила воды, а потом протёрла губы салфеткой.

— Бен, что между вам случилось? Что ты сделал после смерти Трикси?

— Что? — повторил я ещё раз.

— Она больше не приходит. Когда нас видит, едва выдавливая из себя несколько слов. Сегодня я видела её и Эмили в библиотеке, и когда я помахала им, она сделала вид, что меня не заметила.

Папа подпрыгнул.

— И я видел вас на курорте. Вы даже находиться не можете в одной комнате!

— Что случилось? — мама перегнулась через стол, чтобы сжать мою руку, и её тон казался таким мягким, таким осторожным, что это практически разрывало меня на мелкие кусочки.

— Ничего не случилось, — вот она, правда. — Она подруга Трикси, а не моя.

Им не надо знать о том, что я ей сказал.

Папа откашлялся.

— Но мы видим, что с того дня, как ты чаще стал видеть Люси, ты стал ещё больше

пить.

Он вздохнул.

— А потом Люси пропала... — начала мама, но я её оборвал.

— Она не пропала! Она отправилась в Южную Дакоту. Есть определённая разница! — я не знал, почему сказал это.

— Ты так злишься всё лето, Бен, — успокаивающим тоном промолвила мама. — И год по Трикси... — её голос перешёл в рыдания. — Мы тоже скучаем по Лулу, Бен, и нас не покидает вопрос, что заставляет её так далеко от нас держаться. Мы бы очень хотели вновь её видеть.

Проклятье!

Я мог лишь сдерживать себя, чтобы не встать и не уйти. А хотелось. До дома Гартри всего пять или шесть миль...

Но сегодня мамин день рождения. Я просто не могу...

Надо найти способ заставить их умолкнуть. Я не мог лгать о выпивке, но лгал, сказав, что между мною и Люси ничего нет. Опять солгу.

— Я поговорю с ней, — ложь поразительно легко вырвалась на свободу. Не переживай, я попытаюсь с этим разобраться.

Мама долго смотрела на меня, и слёзы появились в её глазах. Она знала, что я лгу.

— Обещай мне, Бен. Она потеряла лучшую подругу.

Проклятье, как она может просить меня обещать?!

— Почему вас всех так беспокоит Люси? — я больше не мог скрывать свой гнев. — Мы просто больше не дружим, вот и всё! Отпусти ситуацию!

— О, милый... — теперь слёзы покатались по её щекам. — А если вместо Трикси умерла бы Лулу? Что бы чувствовала Трикси?

Вот теперь я это сделал. Оттолкнулся от стола и ушёл. Я не могу больше этого слышать.

— Бен! — голос папы звучал очень тихо. — Не надо.

Я глубоко вздохнул. Нет, не буду. Не буду с мамой так поступать в день её рождения, в клубе, с которым у нас связано столько хороших воспоминаний... И я сел.

— Мне жаль, мама, — я уставился в тарелку.

— И алкоголь, — прошептала мама. — Прошу. Я не знаю, что мне делать, если и с тобой что-нибудь случится.

Я кивнул. Это было лучшее, что я мог сделать — единственное из обещаний.

38 · Люси

Я проснулась ночью от громоподобного звонка.

Я села, чувствуя, как стучит сердце. Никто не звонит на домашний, кроме бабушек и дедушек.

Что-то пошло не так.

Нет, пожалуйста... Бабушка? Дедушка? Дэниэл?

К тому времени, как я спустилась вниз, мама стояла на кухне в своём персиковом халате, распахнув рот в ужасе.

— Боже, нет, — выдохнула она в трубку.

Папа стоял у задней двери — натягивал джинсовую рубашку поверх белой футболки. Лицо его было бледно, щеки пожелтели, брови были нахмурены.

— Лу, одевайся, — промолвил он.

— Что случилось?

— Боже... — повторила мама. — Мы едем.

Она повесила трубку.

— Ресторан горит. Оденусь — и мы поедем.

Она была удивительно спокойна, но серое лицо и широко распахнутые глаза, сверкающие в темноте, показывали, что сосредоточиться она не может.

Я помчалась наверх, но не сняла пижаму, просто натянула наверх штаны для йоги и футболку и спустя миг сошла вниз.

Мама тоже переделалась, папа возился с авто. Молнии заполнили ночное небо, но дождя не было.

Почему дождя не было?

Это невозможно.

Кафе не может сгореть.

Только после полуночи мы доехали до города. Дальше "Душистого горошка" папа не заехал. Всё было оцеплено — мигали огни полицейских машин, резко кричали сирены в темноте, оранжевое переходило в черноту.

Вокруг собралась толпа. Мама вышла из машины, прежде чем та остановилась, протолкалась к ней кафешке, и папа последовал за нею, пока их не остановил шериф Кроу.

— Это мой ресторан... Прошу...

Он должен был её знать — взял за руку и отвёл.

— Милая, ничего не поделайте. Это дело пожарных.

— Насколько всё плохо? — теперь, когда она увидела буйство пламени, немного треснула скорлупа, и беспокойство просочилось в голос.

— Ну... — заместитель шерифа говорил медленно, — огонь почти остановили. Он не распространяется на другие здания, а это ведь хорошо?

— Что случилось? Как всё началось?

— Точно сказать не могу. Молнии — возможно всё. Или это с кухни, проводка...
Неизвестно.

— Билл, — твёрдо и уверенно промолвила мама. — Там всё в порядке с проводкой.

— Я не хотел обижать вас и ваше заведение, — ответил Билл. Он повернулся ко мне и к папе. — Эй, Кол...

Папа кивнул и взял маму за руку.

— Пойдём, — промолвил он. — Оттуда лучше видно.

Я последовала за ними. Они стояли на тротуаре у магазина автозапчастей и, обнявшись, прижимались друг к другу. Оранжевые в языках пламени слёзы скользили по щеке. Я сжала мамину руку, и она притянула меня к себе и не отпускала, пока не пришёл Дэниэл и не заключил её в объятия.

— Сестрёнка, — промолвил он. — Не бойсь. Справимся.

Мы стояли и смотрели, как сгорало наше семейное дело.

Наконец-то толпа проредела. Главный пожарный и шериф округа говорили с мамой,

папой и Дэниэлом на фоне густого серого дыма. Я так устала, так хотела домой...

— Папа? — я протянула руку, касаясь его рукава.

Его глаза горели нежностью, когда он повернулся, чтобы посмотреть на меня.

— О, Люси... Ты, наверное, устала. Может, позвонишь Ханне, пусть тебя заберут? Мы никуда не поедём...

Я кивнула и послала сообщение. "Кафе сгорело, я в городе. Приедешь за мной?"

И, несмотря на то, что было три часа ночи, она приехала. Прежде чем я ушла, мама обняла меня и поцеловала в макушку.

— Иди домой, ладно? — промолвила она. — Обещаю, всё будет хорошо. Мы справимся.

Моё сердце замерло, когда я поняла, что в последний раз так она говорила в день смерти Трикси.

Но ничего не было хорошо. Мы не справились.

Я стояла у Ханны под горячим душем достаточно долго, но, сколько бы я не тёрла волосы шампунем с запахом розмарина и мяты, дым слишком въелся в кожу — и я не могла его смыть.

Сердце Трикси

Трикси выросла и должна была стать чудной юной леди. У неё было красивое сердце, доброе, чистое, щедрое. Она заботилась, любила и переживала за других. Она собирала все заботы и хранила их в своём сердце. Её сердце становилось всё больше — чем больше людей она любила.

Однажды летним днём Трикси пошла на озеро с теми тремя людьми, которых любила больше всего — своим братом Беном, лучшей подругой Лулу и братом Лулу, Клеем. Это был прекрасный день — голубое небо и бесконечное солнце. Синевтичное небо, как говорил её брат. Они плавали, хохотали и загорали на солнце.

Трикси посмотрела на тех троих, что так любила, и загадала желание. Она хотела, чтобы они никогда не знали боли. Чтобы могла забрать все заботы в своё сердце.

Так она и сделала. Она закрыла глаза и волею забрала из их сердец все печали и страхи. Её сердце потяжелело, она шаталась от его веса, но её наполняло счастье, что она для любимых могла сделать добро.

Тогда у неё появилась ещё одна идея. Она поплывёт в открытое море на маленький остров, выбросит все печали и беспокойства и вернётся вновь, беззаботная. Она соберёт все горести у всех, кого знает, и они не будут знать ничего, кроме счастья.

Она скользнула в озеро и поплыла. А когда оказалась в холодной воде, почувствовала себя легко и свободно, вопреки тому, что сердце тянуло беспокойство и печаль. Прежде чем она добралась до острова, её прекрасное хрупкое сердце не смогло больше тащить всё на себе. Оно расколосось надвое и разрушилось, превратилось в обломки, а печали и заботы её друзей в двойной мере вернулись к ним.

Ибо теперь они не только печалились от тягот жизни, а ещё и от потери любимой Трикси.

Без неё трое, которых она больше всего любила, Бен, Лулу и Клей, отдалились друг от друга и носили в себе осколки её разбитого сердца.

Август

Будучи любимым, вы впитываете силу, а любовь к кому-то дарует мужество

— Лао-Цзы

39 · Бен

Первая неделя августа была самой медленной на курорте. Каждый год одна и та же семья брала в аренду всё вокруг для воссоединения — три сестры лет под шестьдесят, их дети и внуки. Никто не хотел ловить рыбу, а если и хотели, то просто сбрасывали в док прикорм. Так что, у меня оказалось несколько свободных дней, и мы с Гартри пошли за судаком. Был понедельник, но в кафе, как обычно, нам не посидеть, не после пожара. Когда я столкнулся с Дэниэлом в магазине, покупая наживку, он сказал, что откроются они только через пару недель.

— А ты знаешь Ханну Миллс? — спросил Гартри, поворачиваясь ко мне. — Подругу Люси?

Подруга Люси. Конечно, я знаю Ханну Миллс. Её все знают.

— Да. А что?

— У нас свидание на этой неделе.

— Что? Какой сегодня день? — я не мог вспомнить, когда в последний раз Гартри приглашал девушку на свидание.

— Ну а что?

— Ханну Миллс?

— Да, Ханну Миллс.

— Не понимаю. Зачем?

— Почему ты встречаешься с Даной?

— Речь не обо мне и не о Дане. Почему Ханна Миллс? У неё этот глупый ковбой...

— Мы расстались после родео.

Я закурил губу — ненавижу думать о родео.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Я столкнулся с ней на прошлой неделе в "Душистом Горошке".

"Душистый горошек". Я подумал о помадке для Эмили — той же, что Люси давала мне.

— И почему ты пошёл туда? — вновь слабина...

— Да не ходил. Я ходил в книжный, увидел в "Душистом Горошке" Ханну... Подошёл поздороваться.

— И?

— Мне Ханна нравится. Она улыбочивая, смешная, горячая. Это супер. И позволяет мне

говорить.

— Так с нею была Люси? — спросил я.

Гартри вздохнул.

— Люси закрыли дома. Ты знаешь об этом.

— Неважно. Это замечательно, что ты с Ханой. Надеюсь, у вас получится.

Гартри покачал головой, так ничего и не сказав.

Ему и не было нужно.

Удочка дёрнулась, и он потянул. Я тоже — аккуратно вытащил краппи. Рыба сдалась без боя.

Гартри рассмеялся.

— Оставишь?

— Да, — я потянулся за мотылём. — Поймаешь санни или краппи — оставь тут?

Принесу маме.

Я помнил, как мама запекала во фритюре мальков.

— Я официально приглашаю себя на ужин, — Гартри подтянул хорошенькую рыбёнку. — Ну? У нас счастливый день!

Мы набрали немало "солнечных" рыбок и краппи, отловили судака — и Гартри взялся их чистить. Я этого терпеть не мог, а вот Гартри хорошо справлялся. Я тем временем убирал, пока он уложил филе в лёд и направился в сторону моего дома.

Дома было темно и пусто, жалюзи наглухо закрыты, а мама оставила записку — "Наверху. Мигрень. В холодильнике жаркое. Люблю".

Я передал Гартри записку.

— Мальки отменяются.

Он посмотрел на бумагу на какой-то миг.

— Да, отменяются.

— Давай в морозилку, — вздохнул я.

— Ты в порядке?

Я удивлённо посмотрел на него.

— Да. Это просто рыба, ты в курсе?

Он взял коробочку с рыбой и принялся перекладывать филе.

— Да, они подождут, — тихо промолвил он.

40 · Люси

Лето продолжалось.

Наступил август, и значит, скоро будет год.

Я шла вперёд. Трикси — нет.

Трикси — это воспоминания, рассказы и фото в альбомах. О Трикси я рассказываю маленькой девочке, что скучает о кухне, которую едва-едва знали.

Меня всё ещё держали под арестом. Пожар навредил кухне, задней части зала. Наверное, молния — и такое жуткое время, как раз посреди туристического сезона, но они надеялись всё восстановить за пару недель.

По крайней мере, после пожара мама со мной разговаривает. Наверное, она решила, что мой отказ от работы в вечернюю смену по понедельникам — не такое уж громадное дело.

Дважды приходил Саймон. Я переживала, что его могут застать — не имела права поступать так с родителями, не после пожара и Южной Дакоты.

Потому я говорила ему, что надо идти, он меня целовал, посылал сообщения... и отпускал.

Сегодня они с Шэй на день уехали на озеро у устья Миссисипи, в полутора часах езды отсюда, и я наблюдала за ними из окна.

Меня поражало, что я не буду по нему скучать — не сегодня, а после того, как он вернётся в Сент-Пол.

Я сбежала по лестнице в комнату, взяла телефон и позвонила Ханне — та сразу же взяла трубку.

— Я должна скучать по нему, да? — выдохнула я.

— Люсиль? По кому? Всё в порядке?

— Саймон. Я должна по нему скучать. Разве не так поступают влюблённые? Ты хочешь всё время быть с человеком, а когда его нет рядом, у тебя будто бы не хватает чего-то...

Она не сразу ответила.

— Ханна...

— Ты скучаешь по беде.

Тут и напоминать не стоило. Я по нему всегда скучала.

— Думаю, ты знаешь, что надо сделать. Я, правда, возлагала большие надежды на Саймона... — она вздохнула. — Хочу прийти.

— Я тоже. Скучаю...

Ханна рассмеялась.

— Вот она, любовь. Я тоже люблю тебя, Люсиль.

Я закончила разговор и прислонилась к стене. В следующий раз я скажу Саймону, что надо расстаться.

Я тяжело вздохнула. Хватит думать об этом... Я схватила книгу и спустилась в патио, радуясь, что сегодня там нет Шэй.

Но слов на странице было слишком много — я терялась.

Слишком тихо.

Я опять одна.

Я потянулась к айподу, надела наушники и ушла в парк.

Я села на краю озера, запустив пальцы в песок, закрыла глаза и старалась не считать дни до конца лета.

Телефон загудел, извещая от фото от Саймона — рядом с высоким деревом, рядом с озером... И подпись "Скучаю — я и Миссисипи. Хочу, чтобы ты была здесь".

Я не ответила.

Я встала, стряхнула с одежды песок и направилась к заправке. Внутри нашла бутылку воды и услышала своё имя — обернулась и увидела Дэниэла.

Разумеется.

— Что ты делаешь, Люси? — спросил он. — Разве ты не под арестом.

Подняла воду.

— Дома воды нет. Хочешь, чтобы я умерла от обезвоживания и теплового удара?

— Ты не должна разве быть дома?

— Дэниэл, хватит! Мне нужен свежий воздух и движения.

— Отведу тебя домой. Я всё равно туда направляюсь.

Он рассказывал мне о том, как там продвигалось в кафе.

— Там будет лучше, чем когда-либо. Мы скоро поднимемся, Люси! — когда я не ответила, он продолжил. — Я тебя почти не видел с поры Южной Дакоты. Всё в порядке.

— Нет. Я под арестом от жизни, помнишь?

— Разве тебя прежде не запирали?

— Нет, — покачала головой я. — Но меня и так наказали. А?

— Я беспокоюсь о тебе, Люси, — рассмеялся Дэниэл. — И не могу винить их за разочарование.

— Хуже всего, что я не могу видеть Ханну. Гартри закатил вечеринку на день рождения, а родители меня не пустят.

— Ну, дерьмово, но, повторяя твоих родителей, надо думать о последствиях. И даже если это означает отсутствие Ханны и дня рождения.

В глазах появились слёзы.

— Это нечестно! Клейтону всё прощали, а я сделала одну ошибку и уже несколько недель наказана! Мне нужна Ханна!

В голове у меня родилась идея. Дэниэл мне и поможет.

— Дэниэл, — я подалась к нему. — Ты должен убедить маму отпустить меня на праздник.

— О, нет... Ни за что. Я в это не влезаю.

— Ну пожа-а-алуйста! Это лето и так ужасно...

Он несколько минут молчал.

— Ничего не могу сказать, — наконец-то выдохнул он. — Но попробую.

— Спасибо! — выдохнула я.

— Серьёзно, не могу обещать.

Как будто это лето вообще могло хоть что-то обещать.

К тому времени, как мама вернулась домой, я успела приготовить на обед тако. Она вышла на патио, где я сидела с ноутбуком.

"Я не жалею о сделанном. Я жалею о несделанном".

Я могла представить эти цитаты в нашей записной книжке, любимые у Трикси, написанные прописью.

"Не сосчитать круги — сделать подсчёт кругов!" — из плавания.

"Лучше ходить в темноте с другом, чем на свету" — опять Хелен Келлер.

Я закрыла ноут, едва услышав скрип двери.

— Эй, Люси, — мама присела на стул рядом со мной. — Утомительный день, но новая крыша спорится, и завтра будут художники...

— Ага, — Дэниэл рассказал об этом. — Замечательно.

— Ужин пахнет просто фантастически.

— Папы ещё нет дома, а тако легко разогреть.

— Хорошая мысль. Я так устала... — промолвила она. — Итак, что ты сегодня делала?

— О, ты в курсе, — ответила я. — Всё как обычно. Постирала, немного почитала.

— Что сейчас делаешь?

— Помнишь, как мы с Трикси вели блокнот, в который постоянно записывали цитаты,

тексты песен и тому подобное...

Она улыбнулась.

— Цитатник?

Я кивнула.

— Я начала онлайн-книгу цитат. Ну, тех, что запомнила.

— Но книжка не у тебя?

Я покачала головой.

— Нет, она была у Трикси.

Она нахмурилась.

— И ты не попросила её взять?

— Нет.

— Милая, это для тебя важно, и я уверена, что Джейн и Том бы поняли, если бы ты.

— Нет! — прервала я её. — Это нормально. К тому же, я их не вижу, знаешь

— Я позвоню Джейн... — мама встала.

Я протянула руку и поймала её за запястье, останавливая.

— Нет! Не надо. Это не важно, мама. Не беспокой их.

Она минуту смотрела на меня, потом мягко промолвила:

— Может, стоит попросить Бена поискать её для тебя?

Я поджала губы и покачала головой.

— Эй, а это отличная идея, — мама улыбнулась. — Мы красим стены в ресторане...

Почему б тебе не выбрать парочку цитат и написать их с Ханной мелом? Это хороший способ увековечить память о Трикси.

Я подняла ноутбук и кивнула. После пожара мама на меня не злилась, но я знала, что в ней ещё кипело разочарование — и не хотела продолжать разочаровывать её.

— Да, это можно.

— Люси... Поговори с Беном о записной книжке, ладно?

Вот этого я сделать не могла.

41 · Бен

Я был свободен со вчерашнего дня. Полагаю, можно пару дней не работать, правда? После того, как мы всю рыбу отправили в морозилку, я отыскал ключ к бару. Он меня ждал — так удобно.

Так помогает забыться.

Тогда я не услышу плач мамы в комнате Трикси — скоро годовщина.

Папа не пьян, но пьёт. Они с мамой меня не замечают.

Я отправил сообщение Гартри. "Чувак, приходи за мной. Не могу ездить пьяным, но отсюда надо убраться".

Это обещание я был в состоянии сдержать. Я хлопнул входной дверью, зная, что родители услышат. Звонила Дана — но я проигнорировал, не хотелось её видеть.

О, я в отвратительном настроении.

Гартри прикатил в своей сраной импале, а с ним и Ханна Миллс. Его девушка. Новая

лучшая подруга Люси. Девочка, что заменила Трикси. Я старался не думать об этом в авто Гартри — о том, как она могла вытеснить из жизни Лулу остальных.

Упав на заднее сидение, я расхохотался — и не мог остановиться.

Она не моя. Не Лулу. О да... Она вновь купила мне помадку, пусть и отдала её Эмили. Но мне не отдала. Почему? Потому что я мудака.

Дерьмо, опять прихожу к этому.

Ханна обернулась и посмотрела на меня так, словно я что-то потерял. А потом улыбнулась — поняла, что что-то получила. Её глаза, её улыбка... Она — довольно-таки милая девушка, и совсем неудивительно, что Гартри в неё влюбился. А ещё — совершенно неудивительно, что она стала лучшей подругой Люси. Она протянула руку, сжала мою ладонь и повернулась обратно.

Опять пошёл дождь. Пожара не было. Мы сидели в подвале у Гартри, смотрели какую-то дурацкую пьесу. Или они смотрели. Хотя нет — они шептались, смеялись, прижимались друг к другу, а я пил пиво и представлял рядом с собой Люси. Но у нас не было даже шанса.

В какой-то момент фильм закончился, и Гартри оторвался от Ханны и повернулся ко мне.

— Бен, — промолвил он. — Ты в порядке?

Я кивнул.

— Хочешь о чём-то поговорить? — спросила Ханна.

Дерьмо. Я облажался, но о чём мелет эта девица?

— Что, блять, ты сказала?

Она рассмеялась, запрокинув голову назад.

— Ну, я кирпич о твою голову сегодня, да.

Наконец-то Гартри нашёл себе идеальную девушку.

— Кирпич о мою голову?

— Средство опьянения, — сказала Гартри откуда-то сверху.

Она наклонилась ко мне и тихо промолвила:

— Ты хочешь спросить меня о Люси, да? Хочешь узнать, любит ли она Саймона или всё ещё несёт факел для тебя? — она улыбнулась и перекинула волосы через плечо.

Ах да. Люси.

— Факел для меня? Что ты несёшь, факел давно сгорел.

— Я так не думаю, — покачала головой она.

— Мы с Люси больше не друзья, — я почувствовал себя неправильно. Слово вся истина из слов пропала.

— Да, я вижу.

— Ты её видела?

Она покачала головой.

— Под арестом.

— Говорила? — зачем? Зачем я через это прохожу?

— Да. Скучаю по ней.

Я сделал глоток пива — я тоже скучал и мог бы сказать вслух. Слова эхом разбивались о моё сознание.

— Хочешь знать моё мнение, Бен? — наконец-то хмуро промолвила Ханна. — Я только год знаю Люси, но она самая верная на свете — любит, как сумасшедшая. И всё сделает для любимого.

Я всё ещё для неё таков.

— Даже если этот любимый — тот ещё мудака и несёт ерунду. Тебе надо перестать приносить ей боль, — из моих лёгких напрочь ушёл воздух. — Просто остановись.

Она знает. Знает.

Гартри вернулся с пиццей. Предложил мне кусочек, но я отказался.

Аппетита не было. Я сидел тут, пил пиво, а стоило только закрыть глаза — видел любящую до сумасшествия Люси. Видел нас в кино, в Жар-птице под дождём, наш поцелуй.

Поцелуй.

Ханна права. Я мудака и несу настоящую чушь.

Как она может быть мне верна после того, что я наделал?

Как она вообще может меня простить?

42 · Люси

Дэниэл помог мне добраться до праздника Ханна, и теперь мне хотелось вернуться домой.

Дорога была узкой и извилистой — пятнадцать миль к западу от исходящей дороги. Тут была куча озёр — по обе стороны. Гартри жил в самом конце, там, где сходились озёра, в великолепном доме в викторианском стиле, на вид как из фильма. Огромный двор жался к скалистому берегу, и там было море людей.

Саймон оказался цепким. Потянулся к моей руке, обнял за талию.

Мы видели друг друга впервые за последние дни.

Ханна считала, что порвать с ним надо сегодня.

— Это не праздник, если никто не разошёлся, — заявила она.

— Я скучал по тебе, — Саймон поцеловал меня в лоб. — Хочешь что-нибудь выпить?

Прежде чем я ответила, Ханна закричала:

— Люсиль, ещё одно фото, пожалуйста? Пожалуу-у-у-йста! Ну, сегодня мой день рождения!

Я пожала плечами и последовала за нею. Один глоток янтарного ликёра походил на горячее стекло. Я задыхалась, и она всучила мне что-то фиолетовое и сладкое, сжала руку и улыбнулась.

— Дорогая, — тягучесть голоса усиливала выпивка, — я так тебя люблю. Люси, ты лучшая подруга в мире. Ты особенная. Не позволяй этим мудакам разуверить тебя.

Она обняла меня, а потом взвизгнула, когда Гартри зашёл на кухню.

— Разве он не прехорошенький? — прошептала она, схватила его за руку, подмигнула мне и утащила куда-то.

Я нашла в гостиной пустой угол и устроилась на широком кресле с мягкими подушками, закрыла глаза и попыталась игнорировать шум караоке. Представила, что я в застеклённом доме Трикси или на берегу озера, моря... В лучших частях моего воображения не было этого лета, Южной Дакоты, Саймона...

Но лето не выбросить. Я пыталась.

Ум мой помутнел. Август, горячий и влажный, я ночевала у Трикси, а когда проснулась,

Джейн была на кухне со свежими булочками и английским чаем. Мы поели и ждали Трикси и Бена. Трикси была в купальнике, готовилась на озеро Хальчион. Её волосы были закручены. Бен спустился в старой-старой пижаме, с футболкой с каким-то детским персонажем из мультиков, в потёртых клетчатых пижамных штанах. Его выющие волосы превратились в самый настоящий хаос, и, увидев меня, он улыбнулся. Красивая, содержательная, намекающая на нечто большее улыбка.

— Вы идёте на пляж? — спросил он Трикси, сел рядом с нею и потянулся за булочкой.

— Да, в парк, — кивнула она. — Пойдём пораньше и займём самое лучшее место.

— Может быть, я напишу Клейтону, и сходим вместе.

— Было б неплохо, — Трикси налила чай в чашку.

Джейн погладила Трикси по руке — и я никогда не забуду, что она тогда сказала.

— Я самая счастливая мама на планете — вы у меня так замечательно ладите!

— Эх, — с набитым ртом пробормотал Бен.

— Было б неплохо, — вновь отметила Трикси.

— Мама, — Бен наконец-то глотнул, — её едва можно выдержать, ты же знаешь, — он улыбнулся, и я видела кусочек черники, застрявшей у него между зубов.

Я улыбнулась Бену, а Трикси мне подмигнула.

Я ни за что не представила бы в тот миг мою нынешнюю жизнь. В гостиной Гартри, избегающую толпы в подвале, где Ханна всё пела что-то вроде "жди своего мужчину". Где-то там Бен и его девушка. Бен, что целовал меня однажды. И Саймон — как я могла забыть о своём парне? А где Саймон? Надо сказать ему, что на самом деле я влюблена в Бена.

Нет. Не могу. Ведь я должна выбросить его из своей головы. Выбросить Бена из своей головы. Правильно? Вот только я до сих пор скучала по нему.

Проклятье. Весь мир был размыт. Я встала, немного покачиваясь, упёрлась рукой о стену, чтобы не упасть. Найду Ханну, скажу, что нам надо идти. Или мне надо. Она должна остаться, это, в конце концов, её день рождения. Я покачала головой — никто из нас не может уйти.

Я застряла.

Всё лето...

Я спустилась вниз по лестнице в подвал, хватаясь за перила лестницы так крепко, что от усилия побелели костяшки пальцев.

В подвале было темно. Вращался пурпурно-серебристый дискотечный шар, всё сияло — ковёр, диваны. Посреди комнаты, ревя какую-то странную песню, стоял Гартри. Дана сбросила с себя руки Бена и с жалостливым взглядом прошла мимо меня. Я не хотела её жалости. Я закрыла глаза, чтобы больше ничего не видеть. Если я её не вижу, значит, и она меня не видит. Если я не вижу Бена, Бен не видит меня.

— А где твой парень? — раздалось с дивана низкое рычание.

Бен мог меня видеть. Я ещё могла избегать его, так как это выходило обычно, но не могла избежать того, что называлось истиной. Я его любила. Меня тошнило — казалось, я едва-едва устояла, когда перешагивала через его длинные вытянутые в проход ноги.

Я хотела, чтобы он протянул руку, затащил меня на колени, целовал, как тогда в Жарптице, пока не забудет, кто я, не забудет обо всём.

— Люсиль! — заорала Ханна. — Речь идёт о проклятом времени! Где тебя носило?

Я сделала ещё один шаг, но Бен выдвинул передо мной ногу, и я споткнулась. А когда выпрямилась, свирепо перевела на него взгляд.

— И что это ты делаешь? — прошипела я.

— Я задал тебе вопрос, — глаза Бена остекленели, но голос звучал спокойно. — Где твой парень.

— Занимайся своими делами, Бен, — Ханна потянула меня к себе. — Сейчас не время.

— Это моё дело, — ответил Бен.

— С каких это пор? — мой голос дрожал. Почему он со мной говорит.

— Всегда моё!

О.

— Бен... — Ханна сделала осознанно резкий шаг к нему. — Где Дана?

— Да, — я вскинула подбородок. — Ты мог бы вполне удачно трахнуть её этим вечером — а не выйдет, если она увидит, что ты со мной говоришь.

— Осторожнее, Люси, — ответил Бен.

— Да что ты о себе вообще думаешь?! — но лоб мой был нахмурен, а прозвучало, кажется, не до конца убедительно.

Я смотрела на него, на его губы, в его глаза, потемневшие от гнева и нашей общей жажды. Мне нужен Бен. Нужен.

— Игнорируй его, — промолвила Ханна и потянула меня на диван рядом с собой — как раз вовремя, чтобы услышать, как что-то орал Гартри. Ханна засвистела.

— Твоя очередь! — заявил Гартри, потянул Ханну к себе и впился в её губы поцелуем.

— Давай, дорогая! — сказала она, и я была так пьяна, что не могла и сбежать. — Я знаю, что тебе нравится.

А потом — я даже не поняла, что происходит — заиграла какая-то дикая музыка.

Мы пели, танцевали — и на несколько минут я забыла о присутствии Бена. А потом вернулась Дана, вручила ему пиво, и когда я вновь отвернулась, увидела рядом с караоке Саймона. Ханна потянула Гартри на диван и, устроившись у него на коленях, целовала — мне пришлось отвести взгляд.

— Спой со мной, — Саймон обнял меня за талию, притягивая к себе.

— Где ты был? — спросила я.

— У озера, — улыбнулся он. — У ямы с костром. Там удивительно.

— Ты бывал тут раньше, — оцетинилась я. — Что ещё тут может быть удивительного?

— Что случилось? — он убрал руки. — Что-то не так?

Да. Не так. Он такой добрый, пытался меня любить — вот что не так.

Я покачала головой.

— Люси, ты пьяна? — он вновь обнял меня за талию, притягивая к себе.

Я фыркнула.

— А что, не видно?

Он уткнулся носом в изгиб моей шеи, и я чувствовала исходивший от него запах текилы. Стало дурно.

— Спой со мной, — пробормотал он.

— Я не пою в караоке.

— Правда? А что ты только что делала? Пела с Ханной, а?

— Да, но... Хм, у меня ограниченный лимит.

Он отстранился и посмотрел на меня — на губах застыла полуулыбка, словно он не мог выбрать между злостью и весельем.

— Ограниченный лимит, — повторил он.

— Да.

— Как ограниченный? Или ты просто со мной петь не хочет? — кажется, ему было даже больно.

Я устала, опьянела и бороться с Саймоном не хотела, потому что... потому что не хотела — не перед Беном.

Бен должен с ним сражаться — и сам этого пожелав, встал между нами. Как он нас услышал?

— Ты, придурок, она поёт три песни. Три!

Меня вывернуло. Бен помнил.

Саймон толкнул его, а потом отступил, когда Бен не сдвинулся.

— Да? — голос Саймона терялся. — Три, какие?

— Блонди, которую мы слышали только что, Принц — "Умер бы за тебя". И Бритни Спирс — "Детка, ещё раз", — загибал пальцы Бен.

— Бен, ну что ты? — Дана. Когда она вернулась? Стала рядом с Беном, сжала его руку.

— Откуда ты знаешь? — Саймон повернулся ко мне. — Почему, Люси, ты позволяешь этому парню всё такое? Ты заслуживаешь лучшего!

Теперь уже Бен оттолкнул Саймона, и тот отшатнулся к стене.

— А ты, полагаю, считаешь себя таковым?

Ханна соскочила с дивана и расхохоталась, вставая между ними.

— Бен, это как строчка из дурного фильма. Давай, оставь этого бедного мальчика сегодня в покое, а?

Её акцент сегодня стал ещё сильнее, и она, кажется, специально говорила так, чтобы только немного разрядить обстановку.

— Дана, дорогая, почему б тебе не увести отсюда Бена?

Я сейчас упаду. Слишком много выпивки, слишком много Саймона. Слишком много Бена. Нет. Бена мало. Бена никогда не бывает много.

Мне был нужен воздух. Щёки казались влажными — я плакала?

Почему я плакала?

Я протиснулась мимо ребят, выскользнула на лестницу, вышла на задний двор, упала на колени в грязь у куста жимолости — и меня вывернуло. Густой аромат цветов смешался с тошнотворной кислотой. Слишком много выпивки. Я надрывалась раз за разом — пока не заболел живот и не ушли слёзы.

Я, одна, во дворе Гартри, пытаюсь выплюнуть свои кишки, Трикси мертва — и что б я не делала, я влюблена в Бена Портера.

Я пошла на пляж. Там, по краю леса, были всё те же стопки камней, которые Бен называл Инуксуками.

Они были всюду, куда б я не пошла. И он.

Я слышала крики, слышала, как кто-то звал меня. Саймон? И ещё один голос, громче. Слышала треск, крики. Посмотрела в сторону дома Гартри — там кто-то дрался. Надо их остановить. Это мог быть Бен.

Но вместо этого я легла и протянула руку, касаясь крутых скал.

43 · Бен

Саймон вышел за мной на улицу и заявил:

— Люси тебя не любит. Она любит меня. У меня есть доказательства. Мы... Мы переспали в Южной Дакоте!

Он лгал, да. Я знаю Люси. Или нет? В любом случае, я выбью из этого козла всё дерьмо — он в дурмане. Я ударил его по лицу, бил столько, сколько мог, пока не оттащили.

Саймон отшатнулся — из носа текла кровь.

Я нашёл Люси на берегу озера, она лежала на песке. Я пошёл к ней, взял на руки — она была такой лёгонькой, словно ничего не весила. Пахло ромом и рвотой, волосы торчали в стороны, лицо было в слезах и грязи. Моя прекрасная Лулу!

Я принёс её на крыльцо, сел на диван, положил ей голову на колени, закрыл глаза и гладил её по волосам, прислушиваясь к дыханию.

Вот как нас обнаружила Дана.

— Бен?

Я открыл глаза. Дана стояла передо мной, закрыв рот одной рукой, и эти широко распахнутые глазища... Дерьмо!

— Это правда, да? — прошептала она.

— Что — это? — я выпутал пальцы из волос Люси.

— Ты... Ты и Люси Медоуз. Ты изменял мне с Люси Медоуз?!

— Нет, — одно слово.

— Тогда как это понимать?! — взвыла Дана.

— Я просто забочусь о других, — если б это была правда...

— Но вы с Люси не друзья!

— Были друзьями. Ей нужен кто-то, а я был рядом.

— Заботиться о пьяной Лулу Медоуз — не твоё дело, Бен.

Я вздохнул. Она назвала Люси Лулу? Откуда знать, что мы её так называли?

— Где её парень? Тебе не кажется, что о ней следует заботиться ему?

Я никогда не видел Дану такой расстроенной, и тот факт, что она была расстроена из-за моего поступка, не облегчал мою участь.

— Не знаю я, где Саймон. Думаю, сбежал после того, как я ему врезал.

— Что?! — задохнулась она. — Ты ударил парня Люси, а потом я нахожу тебя здесь, с ней? Что случилось, Бен?

Давно уже случилось. И давно надо было это сделать.

— Дана, думаю, нам надо расстаться.

Она тяжело вздохнула.

Я ожидал, что она будет возражать, но она не проронила ни слова. Я с трудом мог смотреть на печаль и разочарование на её лице и... Что это? Желание помочь?! Она тяжело вздохнула и наконец-то выдохнула:

— Будь добр с нею, Бен. Позаботься о ней. Она того заслужила.

Боже, она была такая хорошая, что я и не удивился! Она всегда была лучше...

Она повернулась и ушла.

— Мне жаль! — крикнул я, потом что это было правильно, вот только... Нет, жаль мне не было.

Я чувствовал себя отвратно. В груди застыло сожаление — и камень вместо моего

сердца.

Люси содрогнулась у меня на коленях, но не проснулась. Я провёл по её мягким волосам и потёр виски.

— Тише, — прошептал я. — Я о тебе позабочусь.

Я любил её больше всего на свете.

44 · Люси

После дня рождения у Гартри я едва двигалась. Тело отвергало тот кошмар, которым я его опоила, и я заслужила всю эту тошноту и пульсирующую головную боль. Я не помнила, как вернулась домой, но, пожалуй, привезли Гартри или Эдди, они единственные были трезвыми.

Пожалуй, Дэниэл будет разочарован. Я всё испортила.

— И оно того стоило? — спросил папа, когда я прошла мимо него. Он сидел в кресле и наблюдал за чем-то. — Отвратительно пахнешь. Да и выглядишь не лучше.

— Спасибо, — пробормотала я.

— Надеюсь, ты вырвала всю гадость, которую выпила.

Я закатила глаза — будто бы могла сделать это без тошноты!

— Это ты хотел, чтобы завела новых друзей и делала такое...

— И что ты делала? Это текила?

Возможно. Я не была уверена.

Он вздохнул.

— Пойми меня правильно. Ты умоляешь Дэниэла отпустить тебя на эту вечеринку, и что? Всё в пустую?

— Я не умоляла, — поёжилась я.

— Даже не собираюсь тебя наказывать, — отмахнулся папа. — Уверен, ты и так сейчас чувствуешь себя достаточно наказанной.

О, да, он совершенно имеет такое право.

— Я так понимаю, на парад ты не собираешься? — спросил он.

О, Арбузный парад... Прежде я никогда не пропускала дни Арбузного парада.

Но последнее, что мне нужно — это яркий солнечный свет и громкие люди.

— Я всё ещё под арестом, помнишь?

Он не ответил. Вновь посмотрел куда-то — и я на него взглянула, как в детстве. Я помню, как мы взяли график на заправочной станции и смотрели все игры, которые нам нравились... да, Саймон ловил с нами рыбу, но бейсбол он ненавидел, а в этом было что-то особенное, объединяющее нас с отцом.

— Ну, подумай, — протянул папа, когда на экране игроки закончили очередную подачу. — Я говорил с мамой, и мы решили, что слишком сильно на тебя разозлились. Да, Люси, у тебя трудные времена, и, может быть, не стоило держать тебя подальше от друзей. И мы собирались уменьшить наказание.

— Правда? — я всхлипнула. Голос раздавался звоном у меня в голове. Какой кошмар... Он должен усилить мой приговор, а не уменьшить его. — Я б тебя обняла, но мне не стоит

двигаться...

— Люси... Ты натворила много глупостей. Хватит, ладно?

— Хорошо, — кивнула я. — Спасибо.

— Я серьёзно.

— Я знаю.

Когда наконец-то матч прервала реклама, папа встал и отправился на кухню. Он вернулся через пару минут с пакетом льда, двумя маленькими оранжевыми таблетками, чашкой кофе и бананом.

— Это тебе поможет, — промолвил он.

Мой телефон загудел, как раз когда я пила обезболивающее — Ханна.

"Святое дерьмо, куда ты прошлой ночью делась?"

Ха! Вот что такое — слишком много выпивки.

"Ты знаешь, что Бен ударил Саймона и бросил Дану? Круто!"

В моём животе всё перевернулось — меня действительно тошнило. Я могла только представить себе эту драку...

Стоп. Бен расстался с Даной?

Я так устала и растерялась, что не могла и думать об этом. Всё настолько сложно...

Вновь загудел телефон. "Лу-у-у-у-у, ты тут?"

Я отправила сообщение обратно: "Смешно, родители снизили наказание. Я больше не под арестом".

И через пару секунд — "Я за тобой — и на парад".

Через сорок пять минут Ханна постучала в дверь и вошла. Я не двигалась.

— Черти и ангелы, Люси, тут так душно! И воняет. Здравствуйте, мистер Медоуз! — она схватила меня за руку и толкнула к лестнице. — Друг мой, тебе срочно нужен душ!

Я стояла под горячей водой и позволила себе плакать — пока наконец-то возвращались воспоминания. Караоке, пляж...

Когда я оделась, я схватила с комода свои солнцезащитные очки. Тут стояла и шкатулка — там лежал агат Бена. Я открыла крышку, катала его между большим и указательным пальцем, взвесила в руке — единственная твёрдая и нерушимая вещь в моей жизни... а потом вернула агат в карман.

Ханна потащила меня в город на парад прямо у закусочной, что как раз должна была открыться. Мы миновали уже несколько кварталов, и я была почти рада, что мы шли напротив дома Бена. Джейн, Том и Бен сидели в шезлонгах — и моё сердце забилось при виде пустого места.

А это для Трикси? Она любила Арбузные дни, особенно парад...

Я нырнула в воспоминания об Арбузных днях трёхлетней давности, когда нам с Трикси было тринадцать — в тот год наши родители впервые разрешили нам пойти на парад самим. Солнце уже спряталось за деревьями, и у нас была гора билетов на аттракционы, игры и пончики. Перед нами простиралась ночь, всё мерцало, сияло и волновалось...

— Эту ночь мы никогда не забудем! — заявила Трикси, сжимая мою руку.

И она была права — ночь запомнилась, но не только аттракционами и сахарной ватой. Трикси уговорила меня отправиться на поездку на колесе обозрения, а после оставила одну.

— Мне надо кое-что, — заявила она. — Я скоро вернусь.

Прошло минут десять, и я даже поискала её у портативных туалетов. Там было

несколько кабинок, но Трикси в них не оказалось. Я ждала, наблюдала за дверьми, но Трикси так и не появилась. Я была уверена, что её пропустила, что мы разминулись, и что она теперь будет ждать меня у колеса обозрения.

Но там её не было.

Мне было нехорошо от жирной пищи, аттракционов и осознания того, что Трикси оставила меня. Прежде она так не поступала. Я сидела на скамейке и отчаянно старалась не плакать, но слёзы всё равно стекали по щекам. Я их утирала, но недостаточно быстро — тогда меня отыскивали Клейтон, Бен и Гартри.

Бен опустил на скамейку рядом со мной.

— Что случилось? Где Трикси?

Я только пожалала плечами. Говорить было страшно — слова могли прерваться дикими рыданиями.

— Разве мы не видели её на огненном шаре с этим парнем из магазинчика с металлом, Кайла? — спросил Клейтон. — Стой, она тебя бросила?

Я опять пожалала плечами. Моя лучшая подруга сбежала куда-то с парнем, парнем старше. На целых три года, если он учится в одном классе с Клейтоном! И почему она так со мной поступила? Это было так на неё непохоже! Мы каждый год с таким нетерпением ждали арбузные дни, говорили об этом несколько недель, такие взволнованные, что были готовы на всё. И мне казалось, будто всё прекрасное и детское осталось позади.

— Нет-нет, всё в порядке, — ответила я Клейтону, но голос дрогнул.

— Совсем не в порядке, — Бен чуть снизил голос и обнял меня.

Моё сердце затрепетало вопреки боли от предательства Трикси.

— Хочешь, позвоню папе, и он тебя заберёт? — спросил Клейтон.

Прежде чем я успела ответить, Бен вскочил и потянул меня за локоть.

— Никакого дома, с нами пойдёт! Билеты что, выбрасывать?

Он мне подмигнул, и я позволила себе поверить, что дело не только в билетах.

Остаток ночи я провела с ними. Бен поделился со мной солониной во фритюре, клубникой, хотя Клейтон назвал меня ребёнком. И когда мы наконец-то встретили Трикси и Кайла — они держались за руки, — я больше даже не сходила с ума.

— Лулу, — визжала Трикси, шагая домой. — Поверишь? Я столкнулась с Кайлом, и он попросил меня прокатиться на огненном шаре с ним. Я имею в виду, ну что мне было отвечать? Ну, ты понимаешь? К тому же, тебе следовало провести эту ночь с Беном!

Я долго не думала об этом — как Трикси меня оставила, а Бен пришёл и собрал осколки.

За ним осколки подбирала Ханна.

— Тебе лучше? — спросила она меня, а после обвила руками.

— Спасибо, — кивнула я.

— Детка, лучшее после похмелья — это постоянно двигаться, а не сидеть на месте!

— А где Гартри? Ты разве не хотела с ним пойти на парад?

— Он приглашал, но я сказала, что нужна своей девочке. Мы встретимся потом, на карнавале.

— Расскажи мне о прошлой ночи.

— О какой её части? — рассмеялась она. — Где Бен бил Саймона, или где Дана отыскала тебя, положившую голову ему на колени?

Я? Голову? Бену на колени? И перед глазами скользнул образ Бена, запустившего

пальцы в мои волосы. Знать бы, воспоминание или просто разбушевавшаяся фантазия...

— Что ж, стоит предположить, я не хочу об этом ничего знать... — пробормотала я.

— Ты от него что-то слышала?

— От Бена?

— Или от Саймона?

Я покачала головой.

— Дорогая, — промолвила она. — Тебе пора сказать Саймону, что всё кончено. Я имею в виду, он ведь знает о тебе и о Бене.

— Я бы предположила, что события последнего вечера стёрли о нас любые сомнения.

— Ты только подумай, когда появился Арендатор, я подумала, что это именно тот парень, что выбьет этого осла из её ума. И Саймон был так мил и сладок, что на несколько дней это всё же могло сработать.

— Да, мне тоже так казалось. Но Бен появлялся всюду, где я только была... Я даже на парад не смогла посмотреть бы без него по ту сторону дороги.

— Он не по ту сторону дороги, Люси, он там, чуть пониже. И нет, ты не сможешь в городе его избегать.

— Но можно попробовать, да?

— Просто пошли Саймона, ладно? — промолвила Ханна. — Он хороший парень, но пора с этим покончить. Потому что, дорогуша, Бен ближе, чем через улицу отсюда. Он в твоём сердце.

День нового друга Лулу

В первый день школы без Трикси Лулу слышала, как эхом в пустых коридорах раздавались её шаги. Было рано — но она нуждалась в тишине, и учителя смотрели на неё с такой жалостью, ведь они недавно потеряли этот комочек счастья по имени Трикси.

Она нашла свой шкафчик, выложила туда книги, ручки и тетради из рюкзака. Миновала школу, вышла через заднюю дверь к длинному столу для пикника среди деревьев, у громадного озера.

Она никогда не чувствовала себя настолько одинокой, как сейчас — они с Трикси сидели здесь и вдыхали аромат сирени и фиалок, что его разносил холодный ветер...

Лулу сделала глубокий вдох — воздух был ещё тёплым, летним, но в него примешался запах водорослей. Она вернулась в школу, чтобы провести день с одноклассниками, которых всю жизнь знала, но это был первый день без Трикси.

Она подошла к своему классному кабинету, где за столом сидела незнакомая Лулу девушка. Её светлые волосы походили на сахарную вату.

Лулу захлестнула волна мужества.

Лулу ей улыбнулась.

— Привет, — сказала она. — Я Люси.

— Я Ханна, — кивнула девушка. — Сядешь со мной?

Лулу кивнула, и когда Ханна улыбнулась ей, на сердце внезапно стало светлее.

45 · Бен

Я вернулся домой от Гартри около полудня и быстро принял душ. Правая рука была вся в синяках, костяшки сбиты в кровь, и мне было интересно, как выглядит нынче Саймон.

На переднем дворе было поставлено четыре кресла к параду — я думал, что кто-то облажался, и родители поставили стул для Трикси, но вдруг вспомнил, что это Дана должна была прийти.

Да, пока не застала меня — и Люси, положившую мне на колени голову.

Парад был громадно важным, весь город на него ходил, а у нас всегда были места в первом ряду. Впервые я видел родителей вместе в эти дни. Папа собрался в кучу, побрился, надел чистое.

— Привет, дорогой, — промолвила мама, когда я сел рядом. — Что с тобой, Бен? Глаза припухли!

— Мама, всё в порядке, — ответил я.

— Незаметно! Ты подрался?

Когда я не ответил, подскочил отец:

— Твоя мать задала тебе вопрос!

— Послушайте, — я устал, а в голове билось похмелье. — Мы можем просто пропустить это и дойти до момента, когда я говорю, что мне жаль, а потом обещаю больше так не делать?

— О, Бен... — от слов мамы мне стало дурно. Ненавидел её разочаровывать — но Саймоново самодовольство я ненавидел больше.

Мама, помолчав минуты две, спросила:

— А где Дана?

— Она не придёт.

Она дотянулась до переносного холодильника и протянула мне бутылку с холодным чаем.

— Почему?

— Мы порвали, — пробормотал я.

— Расстались?

— Да, — я сделал глоток и удивился, что прежде не замечал жажду.

— Очень жаль, — вздохнула мама. — Довольно неожиданно.

Я ничего не ответил — потому что загудели пожарные машины. Из окон пожарники швыряли конфеты, дети мчались за ними. Что-то полетело в меня, и я, не глядя, поймал.

Открыл ладонь — и обнаружил любимую карамель Трикси. Люси оставляла это у неё на могиле. Интересно, а как часто Люси бывает у неё на могиле?

Интересно, а как часто Люси напивается, как вчера?

Я думал о том, как нёс Люси от берега к крыльцу, как светла она была и опустила голову мне на колени. Я сжал пальцы в кулак, вспоминая ощущение крови Саймона Стэнфорда, его лицо. Проклятье — то, что эта гадкая скотина посмела сказать о Люси!

А потом меня поразило — я едва не свалился с шезлонга. А если это правда?

А что, если Люси и вправду с ним права? Прошлой ночью я подумал, что он лжёт, пытаюсь меня разозлить, и это сработало. Но, возможно, он говорил правду.

Желудок предательски сжался. Дерьмо, а что, если это и в самом деле так было? Как она могла так поступить?

Боже, какой же я лицемер...

— Я видел Люси и её подругу, они шли к кафе, — промолвила мама. — А почему бы тебе не попросить их присоединиться к нам? Ты с ней поговорил, да? Как обещал?

Я встал.

Закусил губу.

— Я не могу, — голос мой дрожал. — Не могу её пригласить. Что сделано, то сделано, пути назад нет.

— Бен... — начала мама, но я прервал её.

— После смерти Трикси, знаешь, я сделал одну дерьмовую штуку! — я едва выговаривал слова и был рад, что сирена скорой помощи орала достаточно громко, а ей вторили десятки зрителей вокруг нас, чтобы она не смогла расслышать всё остальное. — Мне очень жаль, что я тебя разочаровал.

Я сбежал от парада, шума и родителей — на холм на кладбище, на могилу Трикси.

Сжал карамельку в своём кармане, развернул её и поставил на надгробие.

— Трикси, — прошептал я. — Я всё разворотил...

46 · Люси

Последние участники парада прошли мимо. Бойскауты подбирали на улицах и тротуаре потерянные конфеты и мусор. Ханна махала бумагой в форме арбуза, будто веером.

— Жарко, — промолвила она. — Ты готова?

— Конечно, — я встала. Поскольку пришлось идти той же дорогой, я видела, как Джейн и Том в своём дворе складывали шезлонги.

Я больше не хотела от них сбежать.

— Ханна, — прошептала я. — Ты б хотела повидать родителей Трикси?

Она улыбнулась и заключила меня в объятия.

— Люсиль, я сильнее ничего не хочу! Ну, разве что кроме Гартри, — она рассмеялась, и я закатила глаза.

Мы зашагали по улице, и она сжала мою руку.

— Ты можешь это сделать, — прошептала она, и я была так благодарна, что без сомнений разорвала бы сердце пополам.

— Люси, — Джейн встала. — Так приятно тебя видеть.

И, прежде чем я поняла, что делаю, уткнулась в её плечо носом, а когда отпрянула, том по-родительски положил руку мне на плечо.

— Мы скучали по тебе, дитя.

Я помнила, что Ханна тоже здесь, и отступила на шаг, чтобы представить её.

— Джейн, Том, это моя подруга, Ханна Миллс. Ханна, познакомься, это мама и папа Трикси...

Ханна — удивительная, бесстрашная, несравнимая Ханна, — обняла нас всех.

— Я так хотела с вами познакомиться, — пробормотала она. — Я не знала Трикси, но понимаю, что она была замечательной!

Джейн кивнула, всхлипнула и потянулась к моей руке.

— Спасибо, — прошептала она.

— Я тоже знаю Бена, — дополнила Ханна, — встречаюсь с Гартри.

О, только не упоминать о его поведении.

— Да, он тебя упоминал, — Джейн улыбнулась, — девочки, почему б вам не зайти к нам на холодный чай?

— О, мы не откажемся, — Ханна кивнула мне, словно подтверждая, что я могу это сделать. Трудно будет — но могу.

Я помогла Тому занести стулья в гараж.

— Люси, ты даже не представляешь, как мы рады, что ты здесь, — выдохнул Том, открывая передо мной дверь на кухню. Я глубоко вздохнула. Я не была здесь со смерти Трикси.

Это был любящий дом со временем, которое остановилось.

Когда мы возвращались обратно к машине Ханны, я получила сообщение от мамы. "Ты в городе? Зайдёшь на пирог?"

Я протянула Ханне телефон.

— Подозрительно. Расшифровывается как "иди, помоги".

— О, Люсиль, — вздохнула Ханна. — Ты многого от неё хочешь. Пошли, посмотрим, что ей нужно.

— Ты же не думаешь, что я одна туда пойду? Пойдём со мной!

— Ни за что. Я несколько дней не видела Гартри. Мне нужно немного сладости.

— Дней? Да всего пару часов прошло!

— Зато чувствуется, как дней, — рассмеялась она. — Встретимся позже на карнавале? Пошлешь мне сообщение!

Она обняла меня, и я повернулась и зашагала по склону к ресторану. Это был второй полный рабочий день — мама хотела вернуться к арбузным дням, но ещё не сделала свой большой праздник к открытию. Там было не так уж и много людей, как я ожидала — большинство уже шагало на фестиваль или озеро.

Я проскользнула к маме. Отсюда виднелась витиеватая цитата Трикси на грифельной доске у стены. "Жизнь для меня — не просто свеча. Это пылающий факел, который я заполучила и хочу зажечь его как можно ярче".

Мама отставила в сторону заполненный столбиками цифр блокнот. Она наполнила чашку из чайничка и предложила мне. Я покачала головой.

— Что-то случилось? — спросила я. — Мне надо работать или что?

— Ты сразу так подумала, да? — нахмурилась она.

— Что ж, — я пожала плечами. — Да. Ты ж этого обычно хочешь.

Она кивнула.

— Прости. У меня есть просьба, но это подождёт.

Джейлин поставила передо мной стакан с водой.

— Что вам принести, девочки? — спросила она.

— Мне ничего, — покачала головой мама. — Люси? Пирог?

Я сегодня ничего не ела, кроме бананов и печенья у Джейн и Тома, но сочетание адвила, солнечного света и Ханны сработало, в животе урчали.

— Дикий рис и гамбургер с кольцами лука. И колу. И кусочек лимонного пирога.

Мама удивлённо изогнула бровь.

— Тебе явно лучше?

— И да, и нет, — я пожала плечами. — Папа тебе сказал?

— Да.

— Так почему я здесь? За лекцией? Поверь, папы хватило.

Я не ожидала, что она рассмеётся, но мама сегодня удивляла.

— Уверена, что да.

— Ну, так что тогда?

— Ты в порядке, милая?

— О чём ты?

— Ну... Я имею в виду, что это для тебя трудный год, и мы так отдалились за лето, что я просто хочу убедиться, что с тобой все в порядке.

Я от удивления раскрыла рот. И ничего не могла с собой поделать. Я могла многое ей сказать, но она продолжила, не дав вставить и слово:

— Я знаю, что дома случилось слишком многое с той поры, как я застряла здесь. Клейтон, школа... Мы с твоим отцом разбирались с финансами. И это было нелегко.

— Я знаю.

— Я ценю твою помощь по дому, Люси, и тут... Ты одна из лучших моих официанток.

— Я?

— Да, люди тебя любят. Ты хорошо работаешь, не треплешься, когда занята, ко всем относишься, как к своим гостям. Я горжусь тобой, пусть говорю об этом недостаточно часто.

— Вау. Я... Я хотела сказать, спасибо.

Она рассмеялась, а потом грустно улыбнулась.

— Нам тоже было трудно потерять Трикси, Люси. Трудно представить, что кто-то из ваших близких потерял ребёнка. Мне легче было уйти в ресторан. Но когда он сгорел, и я поняла, что это можно восстановить, решила начать заново. А другое незаменимо. И когда Шэй спросила, как ты себя чувствовала на годовщину, а я не смогла ответить, мне стало жутко.

Сколько всего, Господи...

— Шэй?

— Да, — она сделала большой глоток. — Саймон рассказал ей о Трикси и годовщине, и она спросила, как ты это перенесла, а я не смогла ответить. Люси, мне так жаль... — когда я не ответила, она продолжила. — Это нормально — грустить, Люси. Хорошо, что ты скучаешь. Я надеюсь, ты знаешь, что мы с папой можем дать тебе всё, что тебе будет нужно.

Приятно было слышать эти слова после всех тех бесед, что был у нас летом. Я кивнула.

— Да, знаю.

Джейлин поставила еду — и рассмеялась, когда я первым делом потянулась к пирогу.

Мама улыбнулась и перегнулась через стол, чтобы погладить меня по руке.

— А теперь... Просьба. Можешь поработать в понедельник? У нас переоткрытие, перерезание ленты и всё такое. Конфетти. Клейтон даже для этого приедет.

— Шутишь?

— Да, и у папы свободный день. Хочу, чтобы была вся семья.

— Но мне надо поработать?

— Но ведь ты часть этого места.

— Нет проблем, — ответила я. — Сколько?

— Нет проблем? — повторила мама. — Кто ты и что сделала с моей дочерью?

— Ха-ха.

Мама вновь потянулась через стол, на сей раз за луком.

— А теперь расскажи мне о Саймоне.

Я закатила глаза и съела немного пирога.

— Не приглашай Саймона и Шэй на грандиозное открытие, окей? — пробормотала я. — Я хочу с ним порвать.

— Мне кажется, ты была в него влюблена.

Мой телефон загудел — Саймон!

— Лёгко на помине... — пробормотала я.

"Сегодня умер мой дедушка. Мы едем домой, меня не будет".

Я тяжело вздохнула, испытывая и вину, и облегчение.

— Ох...

— Что случилось? — спросила мама.

— Умер дедушка Саймона.

Её глаза наполнились слезами.

— Это ужасно.

Я быстро напечатала ответ — "Саймон, мне так жаль". И отложила телефон в сторону, потому что больше мне нечего было ему сказать.

47 · Бен

Когда я вернулся с кладбища, мама вымывала тарелки и убрала печенье со стола.

— Эй, — сказал я, и когда она отвернулась от раковины, то поразительно широко улыбалась.

— Спасибо, Бен, — она отложила тарелку в сторону и крепко меня обняла. — Большое тебе спасибо!

За что? Я посчитал чашки — четыре.

— Хм, у тебя были гости?

— Да, — она наконец-то меня отпустила. — Люси и её восхитительная подруга, Ханна.

— Что?

— Зашли после парада. Бен, спасибо, что помирился с Люси. Надеюсь, вы опять подружитесь...

Я ошарашенно посмотрел на неё.

И возвращался к прошлой ночи. Разве я что-то сказал Люси? Извинился? Я был пьян, но не настолько, чтобы такое забыть...

Или то, что мне сказали.

— Она сказала, что я извинился? — спросил я.

— Нет, дорогой, уверен, ей было бы неловко... — мама улыбнулась. — Но это была замечательная встреча.

Я так давно не видел её счастливой!

Господи, какой же я дерьмовый сын! Все эти дни она с постели встать не могла, сидела в комнате Трикси и плакала часами, сидела в саду со своей мёртвой дочерью, а всё стало бы

лучше, если б я не натворил такого с Люси?

Я тяжело вздохнул. Я должен сказать, что ни слова не промолвил, не извинился перед Люси и не сдержал обещание.

Люси сама вернулась.

— Да, это хорошо, мама, — прошептал я.

— Ты в порядке, Бен? Ты, уходя, так расстроился...

В порядке? Ну что ж, теперь получше.

— Мам, я буду у себя, ладно?

Но я не пошёл туда. Дверь Трикси была открыта, солнце заливало комнату, а на столе стоял свежий букет в вазе.

Я не заходил сюда со дня её смерти.

А сейчас зашёл.

Я прошёл в комнату, шагнул к её кровати, решительно коснулся полудюжины декоративных подушек, прислонившихся к спинке кровати. Её будильник, пустой стакан, риски, раскрытая книжка в мягкой обложке — там она остановилась. Брошенная на кровать — Люси всегда ругала...

Я повернулся к окну, провёл по подоконнику — пыли не было.

На столе Трикси творился хаос — бумаги, карандаши, книги. Над столом полочка была забита билетами в кино, открытками, фотографиями — она и Люси, много лет подряд. Школа танцев, Эмили, пляж, понтон.

На всех этих фотографиях Трикси светилась игриво и дико, а Люси — как-то по-домашнему.

Я присмотрелся к одному из Дулута, с прошлого лета — и понял, как ошибался. Я помнил волнение Люси, помнил её радость и видел свет её улыбки.

Они были так хороши.

И Люси так хороша сама по себе...

Блокнот лежал на самом углу заваленного стола Трикси. Я узнал в нём тот, в который Трикси и Люси постоянно что-то записывали.

Слово "Цитатник" было растянуто на обложке синими пузырящимися буквами.

Я сел за стол и осторожно перевернул оборванную обложку. Красочные буквы заполнили страницы — каждая цитата была написана другим маркером или фломастером. Тексты песен. Фильмы. Забавные вещицы, что они говорили друг другу. Громадные отрывки из Остин или "Великого Гэтсби". Наброски на краях страницы, цветочки, звёздочки, сердечки.

Я касался слов, которые моя сестра любила достаточно, чтобы их записать. Так я становился к ней ближе — в этой комнате, словно прошёл день, как она нас покинула, словно вчера прожила последнее утро.

Она умерла, делая то, что умела лучше всего. Умерла в своём любимом озере.

Я перевернул страницу и узрел жирные фиолетовые буквы Трикси.

"Жизнь коротка для жизни".

Я почти слышал эти слова в тот день, когда купил Жар-птицу.

Её жизнь коротка, но она прожила её.

Я закрыл блокнот и поставил его обратно на стол, чувствуя, как в груди что-то сжалось.

Она никогда не вернётся.

Никогда.

Я так не вовремя её потерял.

Я сидел за столом, сжимая голову руками, и задыхался от рыданий.

Жизнь коротка для жизни.

До этого дня я жил не своей жизнью. Я винил себя, и онемевшая боль раскалывала меня на куски.

Я больше этого не сделаю.

Не могу.

Я встал, оттолкнув стул, подошёл к двери, но остановился, вернулся и взял блокнот.

Ему здесь не место.

Он должен быть у Люси, как свидетельство дружбы с моей сестрой.

Через пару часов я получил сообщение от Гартри, чтобы встретиться с ним на карнавале. Я предполагал, что он будет с Ханной, и хотел спросить его, собирается ли туда Люси, но я не смог этого сделать. И что, если нет? Не пойти?

Я пойду, будет она там или нет. Это ведь карнавал в честь арбузных дней! Я его никогда не пропускал.

Я никогда не пропускал его, равно как этого не делала Трикси. Равно как то, что мы всегда смотрели на парад с нашего двора.

Ещё одно "впервые". Мои первые арбузные дни, карнавал без моей сестры.

Я увидел Гартри с девушкой у стенда с маленькими пончиками, сияющего всеми цветами радуги на фоне ночного неба. Я остановился, запихнул руки в карманы джинсов и сделал глубокий вдох.

Помнила ли Люси прошлую ночь? Если она и забыла о том, что я подрался с её парнем, ей уже сообщили.

Но Саймона тут не было. Сомневаюсь, что он хотел продемонстрировать всем своё лицо, и причин хватало.

Что-то кольнуло у меня в животе, когда она всё рассматривала пончики, потом взяла один, сжала двумя пальцами и быстро посмотрела в сторону. Гартри тоже меня увидел и вскинул руку в приветственном жесте. Я пытался шевелиться. Ханна улыбнулась — сначала Люси, потом уже мне.

— Эй! — воскликнул Гартри. — Ты сделал это!

Я кивнул. Ханна упёрлась одной рукой в бок, другой обняла Гартри.

— Люси надо быть дома к одиннадцати, так что вперёд.

Люси не проронила ни слова — не то чтобы не обратилась ко мне, вообще никому ничего не сказала.

Не мог поверить в это, но Ханна убедилась её выбраться! В прошлом году она могла решиться только на колесо обозрение — думаю, это худшее при страхе высоты — а остаток ночи я сидел с нею, пока Гартри, Клейтон и Трикси блуждали повсюду приходили только два или три к нам.

— Отправляйся на аттракционы, Бен, — сказала она тогда, когда мы стояли в очереди. — Тебе не стоит обрывать своё веселье из-за меня.

— Мне и так весело! — заявил я. — Ты шутишь? Что может быть веселее бросания кольца?

Я улыбнулась, и она улыбнулась мне в ответ, и я наклонился, собираясь поцеловать ей и показать, что я чувствую.

Но я не успел, потому что из ниоткуда появился Клейтон и сказал, чем всё закончится.

Теперь, после первого же аттракциона она вышла из кабинки и заявила:

— Я... Мне пора домой.

Ханна нахмурилась.

— Нет, Люсиль, нет! Всего 9:30! Даже не темно, правда. Оставайся!

Люси покачала головой.

— Я не могу остаться. Это... Первый карнавал без Трикси, понимаешь? — она почти прошептала это, но я услышал — и она это почувствовала.

Я ожидал, что Ханна скажет, что пора было бы принять её уход, что ничего не поделаться — все те ужасные вещи, которые говорят ничего не понимающие люди. Но вместо этого она заключила Люси в свои объятия.

— Я понимаю. Это слишком печальный для тебя день. Мы отвезём тебя домой.

Люси вновь покачала головой

— Нет, не надо! Я могу прийти.

— Ты не можешь идти сама. Гартри, скажи, что мы отвезём...

— Я могу отвезти, — ответил я, сам не зная, откуда взялись эти слова. Ханна и Гартри с удивлением уставились на меня, но Люси даже не посмотрела — и я её не винил.

— Нет, — ответила Люси. — Я хочу домой. Всё нормально. Всё пройдёт хорошо.

Я положил руку ей на плечо, и она наконец-то посмотрела на меня, широко распахнув глаза.

— Я отвезу тебя домой.

Она кивнула и протянула остаток билетов Ханне.

— Пошли сообщение, когда вернёшься домой, Люсиль, — промолвила Ханна. — Так я пойму, что всё в порядке.

Люси зашагала вперёд.

Она не спорила со мной. Позволила себе помочь.

Она меня не оттолкнуло.

Вновь кольнуло, уже в груди — и это была не вина. Надежда.

48 · Люси

Что со мной не так?

Я всё ещё не до конца помню, что случилось с Беном на вечеринке, а теперь сказала, что он может проводить меня до дома. Или не сказала, что против. В груди застыла тревога — сидевшая там ещё с урагана поездки.

После того, как мы отошли от стенда с мини-пончиками, я собиралась остановиться и сказать, что изменила решение. Что не сяду с ним в авто.

Но мы миновали и стенд, и половину улицы, а я промолчала.

Когда мы доберёмся до "Зиппера", я скажу "знаешь, что? Я в порядке и могу вернуться сама. Прогуляюсь с удовольствием".

Но мы миновали "зиппер", и крики звучали в моей голове.

Ворота. Скажу у ворот.

И мы вышли из ворот, зашагали к дому. За пределами карнавала было куда тише, только

изредка доносился смех и гудение двигателя.

До дома три минуты — может, меньше.

По пути скажу.

Он был так близко. Мы шагали в ногу — словно вместе. И я чувствовала его теплоту, его запах... Сегодня он не пах озером, рыбой или солнцезащитным кремом — он пах свежестью мыла и корицей.

Он вытащил ключи из кармана, когда мы зашагали по подъездной дороге. Открыл для меня пассажирскую дверь, и мне стало так дурно от эмоций, что колени подогнулись.

Он поднял руку, чтобы успокоить.

Пальцы на моей руке.

— Бен, — выдохнула я, но не посмотрела на него. Я скажу, что не могу отвезти его в авто... Нет.

— Пожалуйста, позволь мне проводить тебя, — его голос был столь жалобен, что мне хотелось рыдать.

— Ты пил? — спросила я — вот она, причина. Я закусил губу, чтобы не расплакаться, пыталась сделать всё практично и логично, словно думала о последствиях, а не о том разе.

— Нет, — обозлённо покачал головой он. — Нет, я не пил.

Я знала, что он говорил правду. Я видела это, когда он позволил посмотреть себе в глаза, и в них пылала боль.

Он в твоём сердце, так говорила Ханна.

Он. Мне хотелось увидеть, спасём ли мы то, что у нас могло бы быть, но стоять тут, у открытой двери Жар-Птицы... Я помнила каждое слово, которое он сказал мне в авто. Каждое слово.

Я не могла. Не могла сесть в Жар-Птицу, не могла позволить Бену помочь мне.

— Мне помощь не нужна, — мой голос звучал надтреснуто. — Мне пора домой.

— Почему б не прогуляться со своим парнем? — в словах Бена всё ещё пылал гнев. Такой сильный, злой... — Где он вообще?

Я поджала губы. Это не его дело — но я думала о причине, по которой Саймона не было там.

— Он вернулся в Сент-Пол, — огрызнулась я. — Умер его дед. И, спасибо, он выглядит просто отвратительно.

— Это не мои проблемы, — прорычал он.

— Что с тобой не так? Зачем так с ним поступать? Со всеми? Я не знаю, Бен.

Я смотрела на него, едва заметив, как он сжал челюсть. Он ничего не скажет. Я отвернулась от него и быстро зашагала вниз по подъездной дороге.

Это облачко воспоминаний — его пальцы на волосах, — бередили мои мысли.

Ничего не изменилось.

Мне просто приснилось.

49 · Бен

Я хлопнул дверью Жар-Птицы, завёл двигатель и покати́л вперёд. Я ехал в

противоположную сторону от центра города и Люси, мимо парка и карнавала, ехал, пока не появились перед глазами пятна.

Умиротворение и решительность канули в Лету.

Почему я не могу выбить Люси из головы? Я несколько месяцев убивал эти эмоции, а тут проиграл за миг.

Гартри считает, что это правильно. Не то ли он имел ночью на пляже? Люси — верная дорога. Верная дорога — быть с нею, и я чертовски глуп и слеп, если это не вижу.

И она права. Я мудака.

Грёбанный тупой мудака, который умеет только причинять боль любимой.

Я столько раз причинял ей боль!

И, Боже, как же была бы зла на меня Трикси! Это она подталкивала Люси ко мне. И когда я встречался с девушками, только ухмылялась, била меня по руке и качала головой.

— Давай, Бен, — говорила она. — Не дай ей уйти.

Жизнь коротка для жизни.

Я съехал с дороги. Повернулся у заброшенного паба и поехал к дому.

К Люси.

Если я поспешу, я её догоню.

Она всё ещё была там, на окружной дороге, шагала одна. Она была в темноте, мрачна, автомобили пролетали мимо неё, и она погибнет, если не будет осторожна.

Я этого не допущу.

Я ударил по тормозам, останавливая тачку. Я не дам ей уйти.

50 · Люси

Я прошла около полумили по Гас-эн-Гоу, когда услышала хруст графия за спиной. Машина остановилась, но я — нет.

— Люси.

А, нет. Остановилась.

Это Бен.

Бен.

Здесь.

— Люси, — вновь промолвил он. Он в один миг догнал меня, повернул к себе, положив руку на плечо. — Давай я отвезу тебя домой. Ты ведь погибнешь!

Я не могла смотреть на него — потому вперила взгляд в гравий.

— Я в порядке, — как же я устала! — Мне не нужна машина, я ж говорила.

— Прошу, сядь в машину.

— Я с тобой не пойму.

— Сядь в грёбанную машину! — сколько разочарования. — Хватит этой игры!

— Какой игры?

На вопрос он не ответил.

— Просто сядь в машину!

Я выдернула руку из его цепких пальцев. Теперь злилась я, злилась за всё, что он сделал

и не сделал с поры смерти Трикси.

— А твоя игра? — осклабилась я. — Притворялся со мной хорошим, потом превращался в дерьмо? Или как насчёт того, что спал с каждой девушкой-спасительницей? Да пошёл ты!

Это его наконец-то заткнуло.

— А что ты удивляешься? Я видела, Бен. Ты всех поедал!

Он сжал зубы, потом вновь открыл рот, словно собирался что-то сказать.

Я хотела, чтобы он заговорил. Чтобы сказал, что ему жаль, что он скучает меня и любит. Я хотела, чтобы он забрал назад слова, что сказал в день похорон Трикси.

Он знал. Знал, что столько лет нравился мне — и оттолкнул. Знал. Знал в Дулуте прошлым летом, а как можно не знать?

Я обратилась ко всему своему мужеству.

— И как давно ты знаешь, что я в тебя влюблена? — всегда, Бен, всегда. — Как давно?

В глазах его сияло что-то — и он кивнул.

— И ты? Ну, что ты мне скажешь?!

— Лулу, — голос его был низким и уверенным. Он шагнул ко мне, обхватил меня за талию, притянул к себе. Мы стояли на обочине дороги, и он целовал меня, быстро, спешно — и язык его скользнул мне в рот, и это было так... Так...

Я обвила руки вокруг его шеи, запустила пальцы в его кудри, прижалась к нему. Я никогда не была к нему достаточно близко — а теперь между нами кипело электричество и тепло. Я жива.

Вот что я ждала со дня похорон Трикси. Ждала, что он вернётся. Ждала невозможного. Но всё не так. Мы слишком близки к годовщине, так грустны...

Что мы творим?

Мои руки скользнули по его груди — и я отпрянула, отступая.

— Лулу? — в его голосе пылала боль, но я не могла позволить ему коснуться себя. Не могла.

— Нет. Не так.

— И что это значит?

Я хотела причинять ему боль так, как он причинял её мне много раз.

— Разве это не твоя рутина? Ты грустный, девушка спасает тебя от печали, вы трахаетесь?

Он вновь открыл рот, словно не мог поверить в то, что слышал. И я не могла поверить, что это говорила. Его глаза широко распахнулись от боли.

— Лулу, нет, — выдохнул он, делая шаг ко мне.

Я вскинула руки, чтобы остановить его.

— Оставь меня в покое, Бен. Я тебя не спасу.

Я ушла, и слёзы катились по щекам. Я прошла несколько ядров — и услышала, как зашуршала по гравию Жар-птица. В другом направлении, противоположном от меня.

52 · Люси

На следующий день я вспоминала о руках Бена. Как его оттолкнула.

Это должно было быть не так.

Мои родители были на работе, и гул пустого дома обрушился на меня. Я вышла на патио — небо было солнечно-синим. Синим, как птица, как сказал бы Бен.

Интересно, что делает Бен? Рыбачит и думает о том, что я наговорила.

Я позвонила Ханне.

— Люсиль, — сказала она после того, как я поведала о случившемся, — медовая, тебе надо позволить ему вернуться.

Если б всё было так просто!

Я была готова работать.

В кафе я могла быть лучшей маминой официанткой. Относилась к каждому клиенту, как к гостю. Игнорировала боль и вину. Вину за поцелуй. Вину за облегчение, что Саймон поехал на похороны деда, и его ушибленное лицо мне видеть не придётся.

Все в городе на следующий день прибыли на Великое Открытие. Тами привела Эмили — и та крутилась на новом стуле у стойки. Клейтон приехал — обнял меня и спросил, как там его маленькая преступница. Я его послала, но на самом деле была очень рада видеть.

Мы раздавали пироги и кофе. Мужчина из газеты взял у мамы и Дэниэла интервью. Мы все столпились у красной ленты, мама разрезала её громадными ножницами. Тут была даже ушедшая давно Рита — мама сказала, без неё будет не то.

И позже, в понедельник вечером, явились Бен и Гартри.

Они сидели у барной стойки, и их обслуживала мама. Гартри помахал, когда я проходила мимо.

Я содрогнулась, вспоминая руки Бена на своей спине — и его поцелуй.

— Отнесёшь парням? — Дэниэл указал на две тарелки со специально приготовленным к большому пере открытию новом бургером со сладкими картофельными дольками.

— Парням?

— Да. Бену и Гартри за стойку.

— Я не обслуживаю стойку, Дэниэл, — ответила я. Мой голос дрожал, и я чувствовала себя капризным ребёнком.

— Пэтти забегалась, а я тут. Ну, Люс...

— Ладно, — пошла я на попятную. Я могу.

Когда я принесла тарелки, Гартри заявил:

— Великолепно, Люси! Лучше прежнего!

— Спасибо, — ответила я. — что-нибудь ещё?

Но Гартри уже набил рот сладким картофелем. Я чувствовала на себе взгляд Бена, и когда повернулась к нему, он всё ещё смотрел прямо в глаза, а я и двигаться не могла. Столько боли в его глазах, что страшно было смотреть.

— Люси! — закричал Дэниэл с кухни. — Заказ!

Я отвернулась, прежде чем Бен увидел мои слёзы.

Три дня спустя вернулся Саймон.

Когда я пришла домой с работы, папа сказал:

— Заходила Шэй. Сказала, Саймон очень расстроен и просила, чтобы ты зашла, когда сможешь.

— Хорошо, — пробормотала я. — Конечно.

Я схожу. Разумеется, схожу. Саймон всё ещё мой парень — и он страдает.

Так или иначе, я всё равно собиралась скоро с ним поговорить. Это трудно в скорби, но я должна с ним порвать.

Теперь я знала, как себя чувствовали люди вокруг меня.

Я прошла по траве между домами, и Шэй открыла дверь.

— О, Люси, — она прижала меня к груди. — Спасибо, что пришла.

— Сочувствую вам, Шэй.

— Саймон внизу. Он будет очень раз тебя видеть.

Что-то в её голосе говорило мне, что она хотела попросить меня отыскать способ ему помочь.

Я не знала, как. Но знала, что печаль — жуткое бремя.

Саймон спал на первом этаже. Я не бывала здесь этим летом, не ступала и ногой, но хорошо ориентировалась у Кларков. Дверь была закрыта, так что я постучала. Он не ответил, не пригласил войти, но я открыла дверь и медленно ступила вперёд.

В комнате было темно, только ярко светились неоновые часы над комодом. На столе играл Айпод — Пинк Флойд. В углу валялась горка одежды, а на тумбочке возвышалась стопка книг Стивена Кинга в мягкой обложке.

Саймон обхватил себя руками и спал.

Я шагнула к кровати. Его волосы в привычном беспорядке, ушибы — и такое спокойное лицо... И не узнать, что умер кто-то важный для него, что его душа увядает от горя.

Я знала, на что это походило. Знала, что он чувствовал, и придвинула к кровати офисное кресло. Музыка изменилась на незнакомую песню, полную меланхолии и боли.

Как и всё в этой комнате.

Саймон пошевелился, содрогнулся, открыл глаза и увидел меня.

— Люси, — прошептал он, — я тебя ждал, — он протянул руку и коснулся моей кожи своим теплом.

— Мне так жаль твоего дедушку, Саймон...

Он кивнул, и глаза его наполнились слезами.

— Я всё ещё не верю, — пробормотал он, попытался сесть. — Даже после похорон.

— Нет, спи. Я останусь здесь.

Он улыбнулся, но не той привычно широкой улыбкой.

Ему было больно.

— Ты знаешь, да? Знаешь, как это?

Я кивнула.

— Я рад, что ты здесь, — он подвинулся, освобождая место для меня на кровати, и я легла рядом и положила руку ему на грудь. Я чувствовала жар и биение сердца — и он повернулся ко мне лицом. — Спасибо.

Меня здесь быть не должно.

...Вскоре он провалился в сон.

Я помнила, как после смерти Трикси не могла встать из постели, так горе измучило моё тело. Пока я спала, я не думала. Не думала о смерти Трикси и словах Бена. Пока я спала, я не тонула в горе, и дни текли на автопилоте — и я молилась проснуться и потерять в дремоте боль.

Саймон бормотал слова, которых я не могла разобрать. Я перебирала пальцами его волосы.

Я позволила ему спать. Утешиться.

Следующий раз будет другим.

53 · Бен

Сегодня на курорте было тихо — на этой неделе тут не оказалось детей. Кто-то арендовал понтон на целый день. Сёстры с дочерьми устроились на шезлонгах на пляже. Я болтался в доме, ждал, пока кто-то придёт играть в бильярд или купит закуски, но желающих не прибавлялось. В три часа дня я закрыл дом, собрал мусор, а после отправился к Луну, чтобы убраться там.

Лун — это наша самая маленькая комнатка, с маленькой ванной. Обычно на курорте разбирают все места, но Лун в этом году остался пустовать. Джон планировал добавить чердак, потому на последние две недели лета эта комнатка закрылась на ремонт.

Вот что мне надо. Тихое место и одиночество.

Люси сегодня не было.

Я видел её в кафе в понедельник вечером — и от того стало особенно плохо. Я вспоминал, как она меня оттолкнула, когда я поцеловал её, то, что сказал Саймон на празднике Ханны...

Люси спала с Саймоном.

И со мной она быть не хочет.

Я начал с кухни, убрался в маленьком холодильнике. Гости оставили за собой горчицу, пустую бутылку молока, масло.

Парень, арендовавший Лун на прошлой неделе, оставил в холодильнике и пару банок пива. Нет смысла их тратить. Чудно. Выпью и забью на всё, что случилось этим летом, на Люси и Саймона и на то, каким я был мудаком. Я уже открыл одну — но что-то меня остановило.

Джон и Тами мне доверяли. Я не должен пить на работе.

Всё время я топил в пьянке горе — но ничего не изменилось. Трикси была мертва.

Но Люси-то нет. Она ведь здесь.

Господи, если б я только мог это исправить!

Я бросил пиво в пластиковый пакет, который нашёл под раковиной, а после оттащил к остальному мусору.

Я много дерьма натворил этим летом, но ничего не повторю. Вот оно — моё начало.

Когда я вернулся, папа и Джон играли в бильярд. Когда Джон легким ударом затолкнул восьмёрку, игра окончилась.

— Почему б не прогуляться? Тут нет смысла торчать, — сказал он.

— Возможно, — кивнул я.

Папа положил свой кий на стол и повернулся ко мне.

— Как думаешь, сегодня водоросли не помешают?

Я хотел отказаться, но поймал его взгляд — он был каким-то другим.

Его глаза были ясными. Словно светились изнутри.

— Как насчёт судака? — спросил я. Август — жаркий, влажный, плохой для рыбалки месяц. Но папа считал, что просто надо уметь искать.

— Почему б и нет? — ответил он.

Почему б и нет?

Мы с папой три часа провели среди водорослей. Судака, правда, не поймали, но зато заполучили несколько хороших рыбёшек.

Мы немного говорили, но когда папа потянул якорь, я спросил:

— Сколько дней?

Он не посмотрел на меня, но ответил:

— Четыре. Последний раз в пятницу вечером. Отправился в церковь прошлой ночью.

Он не пил четыре дня. И пошёл на собрание анонимных алкоголиков.

— Что изменилось? — я боялся услышать ответ.

— Думаю... Я долго пытался себя рассмотреть — и результат мне не понравился. Пора перестать себя винить за то, что я не знал, что Трикси болела. И я подумал, что это единственная возможность решить...

— Решить что?

— Как пройти через это. Почему б не делать лучше?

Я ждал, что он перейдёт к лекции о моей неосторожности и пьянстве, но он этого не делал. Лишь сказал:

— Тебе тоже пора прекратить винить себя. И жизнь без твоей сестры... Легче не станет, но она изменится.

Я кивнул. Мне казалось, я понял, что он имел в виду. Измениться. Вот что можно сделать. И я единственный, кто может решить, как это будет.

Дома впервые за лето я открыл свой ноутбук. Мне пришлось потратить почти час, чтобы найти то, что мне нужно. Я потянул цитатник Люси и Трикси, открыл на первой пустой странице и записал там цитату. Мне хотелось сказать больше, всё объяснить — но я лишь оставил несколько слов и имя.

Надеюсь, этого хватит.

Я положил тетрадь и один из неотполированных, но всё равно красивых агатов в красно-коричневый бумажный пакет и написал на нём маркером имя Люси, а потом отправился обратно на курорт. Давила несносным грузом вечерняя жара. Я чувствовал боль от отказа Лулу — но от этого не стал медленнее. Тишина окутала курорт — и никто не видел, как я добрался до домика на дереве по шаткой лесенке и в углу оставил бумажный пакет.

Моё предложение о мире.

— Люси! Люси!

Я слышала крик Эмили с домика на дереве и под громкий стук сердца помчалась к ней. Паники не было, но я за миг добралась в домик, не озаботившись о шаткости лесенки или высоте.

— Что случилось? — запыхавшись, спросила я.

Она улыбнулась и указала на бумажный пакет.

— Это для тебя! — заявила она. — Загадочный пакет, — она произнесла слово "загадочный" немного неправильно, проглотив последние слоги, и я улыбнулась.

— Ты меня напугала, — промолвила я и, прежде чем придвинуться к пакету, заключила в объятия.

Там громадные заглавные буквы с наклоном влево сложились в моё имя.

Почерк Бена.

Я думала о поцелуе на обочине, о том, как он смотрел на меня в кафе, и в горле вновь пересохло.

— Ты не будешь открывать? — дёрнула меня Эмили.

— О, разумеется, — я опустилась на колени и подобрала пакет. Он почти ничего не весил — и я открыла его почти с нетерпением.

Наш блокнот. Цитатник. И — агат.

— Старая записная книжка? — Эмили явно была разочарована. — И камень?

Перед глазами всё расплывалось.

Я плакала.

Я открыла блокнот и провела по знакомым словам пальцем.

— Это был наш с Трикси цитатник, — выдохнула я.

О, — она словно поняла — села рядом со мной и сжала мою руку. — Это хорошо, Люси. От плача всегда легче.

Мне и правда, полегчало.

А когда я перестала плакать, то принялась листать в книжке страницу за страницей — и смеялась от воспоминаний.

Трикси, на экзамене по истории: "У меня болит голова, как у думающего Аристотеля".

Трикси, убирающая в клетке своего хомяка Этель: "Ну, её какашки не отличить от изюма!"

Я, однажды в кафе: "Столько всего можно сказать о человеке по пирогу! В основном, придурок он или нет."

И Сенека. Самым красивым качеством дружбы является понимание.

Моё дыхание стало чаще, когда я перелистнула последнюю страницу.

Почерк был такой же, как и на бумажном пакете.

"Одно слово способно освободить нас от боли в жизни. Это любовь". Софокл.

А под этим "Лулу, пожалуйста, прости меня. Я люблю тебя. Ен".

Я коснулась чернильных букв, а сердце заколотилось в груди. Бен нашёл цитатник, написал в нём о любви и отдал мне. И во мне пылала лёгкость. Прощение.

Я любила его. Остальное неважно.

Пора позволить ему вернуться.

Сегодня я должна порвать с Саймоном.

Я позвонила Саймону, когда пришла домой с курорта.

— Мне так жаль за эту ночь... Может, сходим куда-то вечером?

— Да. Приедешь в кафе?

— За пирогом. Я очень скучаю по этим пирогам!

Кафе не было идеальным местом для этого разговора, но я не могла долго ждать.

Я встретила с ним по пути, и он обнял меня.

— Я бы хотел, чтобы ты могла быть там со мной... — прошептал он.

Я выпуталась из его рук, думая о словах Бена в том цитатнике, и когда мы сели в машину, а Саймон потянулся к моей руке, я сделала вид, что ищу что-то в своём кошельке.

По пути в город он говорил о бабушке, похоронах и о том, что отец попросил вернуться в Сент-Пол раньше и помочь в магазине, пока они не наберут персонал.

— Это мои последние выходные здесь... Я уеду в воскресенье вечером и не вернусь, по крайней мере, до конца лета.

Я ничего не ответила, только закусил губу. Я была рада, но не могла воспользоваться таким простым выходом. Я должна быть с ним честной.

Он не должен спутать моё молчание с печалью, а уже сказал:

— Я знаю, милая, и тоже буду по тебе скучать.

Мама всё ещё была в кафе. Тут всё было занято, но у стойки оказалось два пустых места. Саймон заказал немного своего любимого кокосового пирога.

— Тебе ничего не надо? — спросил он.

Я покачала головой, но Пэтти всё равно принесла мне чашку кофе.

— Люси, я хочу поговорить с тобой об этой осени. Папа спрашивает, сколько я могу работать в магазине, и я сказал, что это будет зависеть от тебя.

— От меня?

— Да, — он коснулся моего плеча. — Да, от тебя. Знаешь, я буду приезжать по выходным, или, может, ты приедешь...

Во рту пересохло.

— Приеду? — повторила я.

— Да, в Сент-Пол. Увидеться?

— О... — вышло странно. — Я, знаешь, не имею прав. Или авто.

Мама остановилась на пути к кухне, и в её руках была гора тарелок, которые она убрала со стола.

— Люси, слава Богу, ты тут! Через пятнадцать минут прибывает туристический автобус, мы можем на тебя рассчитывать?

Я испытала громадное облегчение.

— Разумеется. Я буду столько, сколько надо.

Она улыбнулась.

— О, замечательно! Спасибо, милая, — и она растворилась на кухне.

Но Саймон нахмурился.

— Ты пойдёшь работать?

— Обещаю, это не займёт много времени.

— Люси, но ведь вечером в воскресенье я уезжаю! Навсегда!

— Я знаю.

— И хочу провести с тобой как можно больше времени!

— Саймон... — начала я, но здесь не получалось. Не в кафе, на глазах у людей. Следовало придерживаться своего плана. — Просто подожди меня? Я разберусь с автобусом

и через полчаса буду свободна.

Он покачал головой и оттолкнул тарелку.

— Не могу поверить. Не могу поверить, что ты это делаешь...

— Я нужна маме.

— Мне ты тоже нужна! Что важнее, я или кафешка?

В этот момент я передумала.

Сейчас самое время.

— Саймон, я знаю, что тебе больно, но должна сказать, — прямо здесь, за стойкой в кафе, где вчера вечером сидели Бен и Гартри. — Я не должна была заставлять тебя поверить, что между нами может что-то быть. И мне очень жаль.

— Что ты имеешь в виду — заставлять меня поверить... Между нами уже что-то есть. Я люблю тебя, Люси!

Сколько раз я позволила ему признаться в любви.

— Я не люблю тебя, — ответила я. — И знаю, как это несправедливо по отношению к тебе. Я... Прости, Саймон.

— Ты ведь шутишь, правда?

Я покачала головой.

— Боже... — выдохнул он. — Это опять Бен, да?

Когда я ничего не ответила, не отрицала, он запустил пальцы в волосы.

— Я был так глуп... Прямо у меня на глазах. Ты в него влюблена!

— Да. Влюблена. Любила его — и очень долго.

— Мне надо уйти.

— Я провожу тебя к машине, — голос мой надломился.

Он отодвинул тарелку с нетронутым пирогом и встал. Он не сказал ни слова, когда я встала, чтобы пойти за ним.

А когда повернулась, сердце едва не выпрыгнуло из груди.

Бен и Гартри стояли передо мной.

Гартри казался весёлым и улыбался. А в глазах Бена, пусть и без улыбки, появился свет, которого я столько времени не видела.

И это дало мне надежду.

Саймон ничего не ответил, когда мы вышли за дверь, на стоянку. И когда мы добрались до авто, я сжала его руку. Он содрогнулся, но не отпустил. Не было смысла задаваться вопросом, не могло ли всё быть по-другому. Я знала ответ, и он был болезненным для нас обоих.

— Мне жаль, — вновь прошептала я.

Он выдернул руку и без слов сел в Вольво и завёл двигатель.

Прощай, Саймон-Арендатор.

Мне надо было отдышаться, прежде чем я вернусь внутрь — но приехал туристический автобус, и, очевидно, Бену придётся подождать. “Люси! Люси!”

Люси сказала Саймону, что любит меня.

После того, как я год вытирал об неё ноги, она меня любит!

— Ну, — хмыкнул Гартри. — Так и будешь тут стоять или пойдёшь за нею?

Каким я был мудаком! Потерял Трикси — но я не могу потерять ещё и Люси. Я люблю её, всегда любил, с того дня, когда Трикси впервые притащила её к нам в дом. Даже тогда...

Интересно, видела ли она то, что я написал в цитатнике. Должна. Но я обязан сообщить ей лично.

Я тяжело вздохнул. Пора сказать ей то, что собирался тогда, на том плоту в парке...

Мне надо было попросить прощения за то, что я наговорил в день похорон Трикси. За всё то дерьмо...

Нужно было знать, простит ли она меня.

Но потом я увидел, что она вернулась через кухню, натянула фартук и схватила поднос. Она посмотрела на меня и пожала плечами. Входная дверь открылась, и люди из тур автобуса ворвались в кафе. Она будет тут всю ночь.

— Чёрт, — прошипел я.

Гартри устроился на Саймонов стул и потянулся к пирогу.

— Замечательно, — с набитым ртом промолвил он.

Люси превратилась в пятно — носилась от кухни и обратно. Она однажды посмотрела мне в глаза, но потом быстро отвернулась.

В конце концов, Гартри расплатился и встал.

— Нам надо идти, мы тут занимаем ценное место.

Я знал, что он был прав, но ничего не ответил.

— Бен, ты ведь понимаешь, что она тут до завтра.

Завтра годовщина. Я найду Люси и попрошу прощения.

Следующим утром я проснулся рано.

Я помчался в парк. Сегодня в честь Трикси я выстрою мемориал. Несколько недель я искал гигантские камни и переносил их вместе с Гартри. Теперь их было шесть — этого бы хватило для базы. Один большой, три средние, два маленьких. Это будет просто. Я перебирал сотни камней с той ночи у Гартри, но подобного не видел.

Лил дождь, но это не имело значения. В такой день должен быть дождь. Стоянка у парка на Салливан-стрит пустовала — технически, его даже не открыли. Я выбрал место на прошлой неделе, где травы перетекали в озеро и лес, на скалистой части пляжа.

Я вновь сел в Жар-Птицу и добрался до травянистого холма. Раз за разом брал камни — самый большой весил где-то двадцать-двадцать пять фунтов. Я зарыл его в скалистый песок между двумя деревьями. Следующий камень был легче, прочно застыл на самом нижнем — и спустя полчаса все были установлены и сверкали от дождя.

Я встал и посмотрел на этот путеводитель Трикси. Он был с меня ростом и стоял на страже озера, где она умерла. Вот чего я хотел. Я отступил ещё на один шаг. Замечательно. Лучшее, что я когда-либо делал. Баланс, контроль, естество.

— Мне жаль, Трикси, — пробормотал я.

Я был взволнован от кофе, сбит с толку путеводителем и горел интересом о Люси. Я не мог не думать о том, что прошлым вечером она сказала в кафе Саймону.

После всего, что я сделал, она меня любила.

Я достал свой телефон и нашёл её номер — Лулу.

Руки дрожали, когда я отправил "Можем поговорить? Я в парке".

И когда она не ответила через пару минут, отправил и второе сообщение.

"Я буду ждать".

56 · Люси

Следующим утром, в годовщину смерти Трикси, я спала допоздна. Ноги болели от долгой ночи на работе, я устала, но помнила слова Бена, свет его глаз, когда он услышал моё признание...

Всё закончилось, да?

Но я всё ещё переживала и не была готова.

Я приготовила чашку кофе и вышла на крыльцо. Было холодно, небо посерело. Дождь будет идти ещё долго.

Телефон загудел, сердце забилося — и я подумала, вдруг это бен? Но нет, Клейтон.

"Думаю о тебе и Трикси. Жаль, что я был такой скотиной в последнее время".

Это было самое нескотское, что он сделал за последнее время.

Ханна тоже отправила сообщение — "Люблю тебя, Люсиль. Знаю, что сегодня день Трикси — приходи, если я тебе буду нужна".

Я была так ей благодарна!

Я допила кофе, приняла душ. Надо двигаться. Вперёд.

Я вышла в город, вопреки дождю. И одежда промокла насквозь, когда я добралась до кладбища.

— Эй, Трикси, — сказала я, присаживаясь на скамью у её могилы.

Я рассказала ей о родео, аресте, пожаре. О Ханне и Гартри.

— Ты должна увидеть, какие они милые, — прошептала я. — Не представляла Гартри таким счастливым. Как бы мне хотелось, чтобы ты узнала Ханну...

Рассказала о Саймоне и Южной Дакоте. О Бене, цитатнике и о том, что он слышал меня в кафе.

— Я его не видела с той поры и нервничаю, — я рассмеялась. — Разве это не сумасшествие? Твой брат сказал мне, что любит меня, после всего этого, а я боюсь с ним повидаться, словно в этом что-то страшное!

Я стояла и вытаскивала конфеты из пакета — перевязанный зелёной лентой кулёк с её любимыми.

— Я люблю тебя. Скучаю по тебе. Ты не представляешь, насколько. Ты всегда была рядом, подбадривала меня. Я считала невозможным всё на свете, но ты всегда знала лучше. Знала, чем я была. И сейчас знаешь.

Я положила кулёк на надгробие.

— Пока, Трикси. Спи спокойно.

Дождь прекратился, но воздух был ещё более влажным. Загудел телефон — сообщение.

Вот чего я ждала всё утро. Бен. Я поспешила по склону к парку. И когда шагала по главной улице, пришло новое сообщение — "я буду ждать".

Парк был открыт, но оказался почти пустым — только пара детей на детской площадке

и их родители в беседке, несколько человек на влажном пляже. Небо заполонили грозные серые облака.

Я видела, как Бен сидел на песке, обхватив колени. Я остановилась на вершине холма — чтобы отдышаться и посмотреть на озеро. Вот оно — то место, где мы год назад нежились на солнце.

Бен и Клей Трикси не нашли — это через пару часов сделали водолазы.

Я каждый раз проигрывала в голове варианты — если б она не погналась за Клейтоном, если б Бен не остался со мной, если бы мы вместо этого пошли играть в мини-гольф, она была бы жива.

Я знала, что это нелогично. Знала, что это не моя вина, не Клейтона и не Бена.

Трикси бы умерла. Если не в тот день, то в другой. Рано или поздно сердце отказало бы — и никто б не узнал...

Я закрыла глаза и вдохнула едкий запах водорослей и дождя. Потом вновь открыла их и пошла вниз по склону.

Когда я добралась до песка, то заметила высокую башню из камней за спиной Бена — камень на камне. Сердце сжалось — я знала, что Бен сделал это для Трикси. И меня переполняли эмоции. Скорбь, печаль и облегчение, всего этого было так много... И больше всего было любви к Бену. Взаимной любви.

57 · Бен

Возможность того, что она не придёт, изматывала меня. Я устал, мышцы ныли — и сидел на мокром песке. И ждал.

А потом — она оказалась у меня за спиной.

Но смотрела мимо меня, на Инуксук для Трикси, и даже на таком расстоянии я видел слёзы на её глазах. Она стояла неподвижно — и дрожала.

А потом посмотрела на меня.

— Я получила твои сообщения.

Я не думал, я просто двигался.

Пересёк это гадкое расстояние в три шага и заключил её в объятия.

Я поцеловал её в макушку — она позволила. Она была теплом в моих руках, и это оказалось так правильно... Я знал, всегда знал, что должен быть с ней, защищать её, даже если и не заслужил этого.

Боже, хоть бы она меня за всё простила!

— Прости, — выдохнул я. — Прости...

— Я тоже причинила боль, — пробормотала она мне в плечо. — Мне так жаль

— Нет, — прошептал я в ответ. — Это правда, то, что ты сказала Саймону? Что любишь меня?

Она кивнула, подняла на меня взгляд и разрыдалась — и я не мог с этим справиться. Я не хотел, чтобы она плакала.

И вот, когда я наклонился, чтобы поцеловать её, она меня не оттолкнула. Она позволила целовать, обнимать себя — и я чувствовал себя там, где должен быть.

— Лулу, — её имя застряло у меня в горле. — Лулу, ты единственная, кто мне нужен.

Я посмотрел на неё, чтобы убедиться, что она действительно тут — её глаза были широко распахнуты в ожидании и испуге и, пожалуйста, хоть бы там было ещё и прощение!

Слишком много. Я почти не чувствовал своих движений — без эмоций, без ничего с остальными, тут меня захлестнула волна электричества, бившаяся в её крови.

Здесь, на пляже, под дождём, она заполняла во мне пустоты.

Моё дыхание пропало — и боролся со слезами.

— Лулу, я должен знать, есть ли у нас шанс. Я действительно та ещё скотина, и мне надо знать, что ты меня простила. Прошу, скажи, что простила...

— Да, — прошептала она. — А ты? Ты меня простишь?

Я наклонился к ней, закрыл глаза и прислушался к дыханию, чувствуя, как меня затопило облегчение.

— Тебя не за что прощать, Лулу. Я тебя люблю.

— Бен... — пробормотала она. Она обняла меня за талию — и мы долго-долго стояли, не двигаясь.

Она отстранилась и, взяв меня за руку, повела к Инуксуку для Трикси.

— Это ты сделал, — тон не был вопросительным.

— Да, — я сглотнул комок в горле. — Я по ней скучаю.

— Это замечательно. Замечательно...

А потом она улыбнулась, и её улыбка была яркой, словно солнце, которое разгоняет облака. Я прижал её к себе, и она опустила голову мне на грудь.

Я не хотел, чтобы эта девушка уходила.

Спустя несколько минут она спросила:

— О чём ты хотел меня спросить, Бен? А тогда?

Я ответил правду.

— Я хотел спросить, не собираешься ли ты покататься со мной на лодке, наедине. А потом, среди озера, я попросил бы тебя сходить со мной на танцы. Потом в кино. А в кино я спросил бы, не желаешь ли ты стать моей девушкой.

— О, — прошелестела она.

— Лулу, — прошептал я. — Лулу....

Она потянулась к карману. Агаты. Два агата.

Она сжала мою руку и вложила в неё камни.

— Я люблю тебя, Бен. Всегда любила.

Наши пальцы переплелись — только агаты, как связующее, а не разрывающее, бились между ними.

— Давай на лодку, — прошептал я.

— Давай, — ответила она. — А куда?

Я обнял её и нежно-нежно поцеловал.

— Куда угодно. Всюду. Туда, куда приведёт нас наша дорога.

Больше книг на сайте - Knigolub.net